БРАНКО КИТАНОВИЧ

ЧЕЛОВЕК, КОТОРЫЙ НЕ ЗНАЛ СТРАХА

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Бранко Китанович – югославский писатель, публицист, переводчик, автор ряда книг о важнейших операциях Красной Армии в годы Великой Отечественной войны. Им было переведено на сербско-хорватский язык свыше сорока произведений русской и советской литературы и публицистики.

Книга «Человек, который не знал страха» – о выдающемся советском разведчике Н. И. Кузнецове. Действуя в период Великой Отечественной войны на временно оккупированной гитлеровскими захватчиками территории Украины под видом немецкого офицера, он проводил дерзкие и сложные разведывательные операции, проявляя необычайную отвагу, изобретательность и находчивость.

Для массового читателя.

- Бранко Китанович
  - От переводчика
  - Крах «Тайфуна» и расправа над генералами
  - Разрешите представиться
  - Метрополия тайной войны
  - Накануне Сталинградской битвы
  - Спустился с парашютом
  - Пан Болек
  - Тайное послание Черчилля Сталину
  - «Охота на индюков»
  - Где же Гитлер!
  - Похищение имперского советника
  - Драма на мосту
  - Валя Осмолова возвращается в отряд
  - Смерть Николая Приходько
  - Прибытие «невесты» Зиберта
  - Обер-ефрейтор Шмидт, имперский дрессировщик собак
  - Аудиенция у заместителя фюрера
  - Салон пани Лисовской
  - «Привет от Попова»
  - Девушка с Голубого Дуная
  - Взрыв прозоровского моста
  - Гестапо ликвидирует гестаповцев
  - Философия фон Ортеля
  - «Самоубийство» фон Ортеля
  - Заявление президента

- Средь бела дня
- Смерть «Мастера смерти»
- Похищение генерала фон Ильгена
- Убит председатель
- На запад
- Во Львове
- Смерть легендарного разведчика

- notes
  - 1
  - 2
  - 3
  - 4
  - 5
  - 6
  - 7
  - 8
  - 9
  - 10
  - 11
  - 12
  - 13
  - 14
  - 15
  - 16

Бранко Китанович
Человек, который не знал страха

От переводчика

Имя легендарного советского разведчика Героя Советского Союза Николая Ивановича Кузнецова навечно вошло в летопись боевой славы нашей Родины. В годы Великой Отечественной войны, действуя под видом немецкого офицера, он выполнял в тылу врага сложные и дерзкие разведывательные и диверсионные операции, проявляя при этом необычайную храбрость, отвагу и находчивость. Кузнецов добывал ценные для советского командования разведывательные данные, включая сведения, которые имели стратегическое значение. В содружестве с подпольщиками и партизанами он совершал акты возмездия в отношении гитлеровских генералов и функционеров, осуществлявших на оккупированной советской территории изуверскую тактику геноцида и выжженной земли.

Подвиги, совершенные Николаем Кузнецовым, потрясают воображение. На протяжении семнадцати военных месяцев он жил среди врагов как их соплеменник, и никто из гитлеровцев не заподозрил в лейтенанте Зиберте советского разведчика.

Блестящее знание немецкого языка, немецкой культуры, истории, традиций, нравов и обычаев германской военщины, великолепная память и редкий дар перевоплощения позволили Кузнецову слиться с окружающей его чужеродной средой, более того – завоевать в ней авторитет. Ему удавалось добиваться доверия, казалось, самых бдительных гитлеровских служак и даже представителей фашистской элиты. Так, рейхсканцлер Украины, один из ближайших сатрапов Гитлера Эрих Кох во время первой же (и последней) встречи с Кузнецовым-Зибертом поверил, что они якобы встречались до войны в Восточной Пруссии, где, кстати, Кузнецов никогда не был. Растроганный воспоминаниями, Эрих Кох выдал «старому знакомому» тайну государственной важности – рассказал о намерении Гитлера развернуть летом 1943 года наступление в районе Курска и Орла. Другой гитлеровец, профессиональный разведчик майор фон Ортель, не только не усомнился в подлинности личности Зиберта, – он был восхищен «арийскими» качествами этого «лейтенанта-фронтовика». После многочисленных бесед и встреч фон Ортель предложил лейтенанту Зиберту перейти к нему на службу и принять участие в секретной операции, которая готовилась по прямому указанию Гитлера. Позднее выяснилось, что речь шла об организации покушения на глав правительств СССР, США, Англии, когда в конце ноября 1943 года они соберутся в Тегеране на первую конференцию на высшем уровне.

Гитлеровской контрразведке так и не удалось идентифицировать Николая Кузнецова. Советский разведчик погиб в первых числах марта 1944 года при столкновении с подразделением местных националистов в районе села Боратин Бродовского района Львовской области. Место его гибели было обнаружено лишь после многолетних поисков. Останки героя захоронены на Холме Славы во Львове.

О жизни и подвигах Николая Кузнецова написана не одна книга в Советском Союзе, ему посвящены пьесы и кинофильмы, о нем сложены песни, в нескольких городах ему поставлены памятники, его имя носят пионерские отряды и дружины, улицы и площади ряда городов и сел.

Широко известно имя Николая Ивановича Кузнецова и за рубежом. Жизни и деятельности Н. Кузнецова посвящена, в частности, книга югославского писателя Бранко Китановича,[1] перевод которой под названием «Человек, который не знал страха» представляется ныне советскому читателю.

Эта книга вызвала в Югославии большой интерес. За шесть лет, прошедших со времени первого издания, повесть Б. Китановича о Н. Кузнецове издавалась там семь раз. Кроме того, она публиковалась с продолжением в одной из популярных белградских газет и в одном из журналов города Любляны, столицы югославской республики Словении (в данном случае на словенском языке). Следует также отметить, что книга Б. Китановича была издана в ряде стран в переводе на соответствующие языки.

Б. Китанович, основываясь на советских и зарубежных публикациях, показывает важнейшие этапы жизни советского разведчика, подчеркивая и выделяя его высокие идеалы и выдающиеся морально-боевые и профессиональные качества.

Николай Кузнецов предстает перед читателем как пламенный патриот, который видит цель своей жизни в том, чтобы защитить свободу и независимость Отчизны. Это качество Н. Кузнецова проявляется во всем – в словах и в делах. О готовности отдать свою жизнь за Родину, если этого потребует обстановка, он пишет в письме брату Виктору, в письме-завещании, которое оставил своему командиру Д. Медведеву с пометкой: «Вскрыть в случае моей гибели». Готовность к самопожертвованию Н. Кузнецов многократно демонстрировал своими дерзкими и рискованными разведывательными и диверсионными операциями.

Оценивая личность советского разведчика, Б. Китанович приходит к выводу, что Николая Кузнецова можно отнести к числу тех героев, которые у каждого народа олицетворяют вехи исторического развития, становятся бессмертными символами

героизма и мужества.

Николай Кузнецов в повести Б. Китановича показан не только пламенным патриотом. Это также и последовательный интернационалист, отчетливо понимающий классовую сущность Великой Отечественной войны, всей второй мировой войны, свою роль и место в этой борьбе. Ему было очень нелегко носить на себе ненавистный мундир гитлеровского офицера, выслушивать словоизлияния фашистских выродков, бесчестивших советскую землю и истязавших советских людей. Но он понимал, что все это надо было вынести, что его работа нужна не только его Родине, но и родине тех честных немцев, которые не склонили головы перед фашизмом и крайне нуждались в бескорыстной помощи; его работа была нужна всем народам, порабощенным гитлеровскими захватчиками.

Автор использует различные средства и приемы, чтобы подчеркнуть интернационалистский дух деятельности Н, Кузнецова. Прежде всего он отмечает, что среди соратников Н. Кузнецова были люди различных национальностей, включая представителей других государств. Со всеми интернационалистами у Н. Кузнецова были самые товарищеские отношения. Правда, надо отметить, что интернациональный аспект пока еще не получил должного отражения в публикациях о Н. Кузнецове.

Заслугой Б. Китановича является его стремление показать деятельность Н. Кузнецова на широком историческом фоне Великой Отечественной войны.

Может быть, не во всех случаях то, что делали Н. Кузнецов, Д. Медведев, А. Лукин, С. Стехов и другие советские разведчики в тылу врага, сопоставимо с понятиями стратегического значения. Но не подлежит сомнению, что приводимые Б. Китановичем в его книге сведения об итогах основных битв Красной Армии периода 1941–1944 годов, отдельные факты об отношениях между СССР, США, Англией, об отношениях между Германией и Японией позволяют взглянуть на деятельность советских разведчиков с позиций большой политики, полнее и глубже осознать их немалый вклад в победу над врагом.

В русское издание книги Б. Китановича, с согласия автора, были внесены некоторые изменения в виде сокращений отдельных эпизодов, выходящих за рамки основной темы произведения, уточнений отдельных фактов, имен и событий. Вместе с тем и в нынешнем варианте повести советский читатель может встретить отдельные несовпадения с версиями советских авторов, писавших или пишущих о Николае Кузнецове. Это

обстоятельство не должно вызывать удивление. Повесть Б. Китановича – художественное произведение, в котором автор, используя литературные изобразительные средства и следуя объективной фабуле сюжета, освещает отдельные события так, как они ему представляются в силу логики их развития и с учетом особенностей восприятия югославских читателей.

В главном своем содержании повесть Б. Китановича «Человек, который не знал страха» правдиво отражает одну из страниц деятельности советской разведки в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 годов. Эта книга воскрешает в памяти советских и югославских людей те времена, когда наши народы вместе боролись против фашизма и навечно скрепили совместно пролитой кровью свою нерушимую дружбу и братство.

Вениамин Завьялов

Крах «Тайфуна» и расправа над генералами

Новый, 1942 год принес Гитлеру большие неприятности. Такое случилось с ним впервые за восемь лет, что он был у власти. С восточного фронта пришла весть о крахе операции «Тайфун», по плану которой немецкие войска должны были выйти к стенам древнего Кремля. В ночь на 3 января 1942 года начальник генштаба сухопутных войск вермахта[2] генерал Гальдер доложил Гитлеру, что противник обратил их войска в паническое бегство. Дрогнула та самая армия, на которую фюрер возложил «святую миссию» промаршировать по улицам Москвы и встретить 1942 год на Красной площади.

На мгновение в сознании Гитлера возникла картина разгрома наполеоновских армий, которые в беспорядке отступали по бездорожью, утопая в снегах бескрайних просторов России. Но он быстро отогнал от себя эти мысли, от которых мурашки бежали по телу. Даже во сне он не потерпел бы сравнения своей персоны с французским императором, на которого, по его мнению, история и «не могла возложить миссию владения миром», – для этого надо было родиться арийцем, а не каким-то французом.

– Все вы идиоты с куриными мозгами! Вы не достойны исторической миссии германского народа и моего доверия! – кричал Гитлер на Гальдера, который замер по стойке «смирно», опасаясь нечаянным движением разъярить еще больше своего шефа. – В настоящее время у германского народа имеется всего лишь один подлинный гений, способный и готовый осуществить до конца его исторические устремления и права, – распалялся Гитлер. – Таким человеком являюсь я. Поэтому я беру на себя непосредственное руководство сухопутными войсками вермахта.

Затем Гитлер продиктовал Гальдеру свое решение которое позднее историки окрестили «великой сечей фельдмаршалов и генералов». По этому приказу были заменены: генерал-фельдмаршал Браухич, главнокомандующий сухопутными войсками; генерал-фельдмаршал Бок, командующий группой армий «Центр», которая безуспешно наступала на Москву, а потом угодила в западню, устроенную Красной Армией. За «самовольный отвод войск» был изгнан со своего поста командующий отборной танковой армией генерал Гудериан. Такая же кара постигла генерал-фельдмаршала Рундштедта, командующего группой армий «Юг», которая неудачно действовала под Ростовом.

Генерал-фельдмаршал фон Лееб, командующий группой армий «Север», был снят с должности и уволен в отставку. В общей сложности было заменено, понижено в должности или уволено в отставку 35 фельдмаршалов и генералов вермахта, о которых геббельсовская пропаганда трубила с начала второй мировой войны как о «непобедимых покорителях Европы».

Руководство фашистской Германии было поставлено перед необходимостью остановить продвижение Красной Армии. В Берлине считали, что лучшим способом решения этой задачи было бы создание нового фронта против СССР путем вовлечения в войну Японии. Тогда русские, думал Гитлер, не смогут перебрасывать на германо-советский фронт свежие войска из Сибири и с Дальнего Востока.

* * *

Берлином неожиданно овладел страх перед русскими. Казалось, даже зима, необычно суровая в том году, пришла в Германию с востока, из России.

Морозным утром 3 января 1942 года Гитлер принимал в рейхсканцелярии в Берлине японского посла. Инициатива этой встречи исходила от Гитлера.

Ровно в 10 часов утра посол Хироси Осима вошел в огромный кабинет Гитлера. Он поприветствовал по-нацистски, выбросив вперед и немного вверх правую руку.

В ответ на приглашающий жест Гитлера учтиво поклонился и прошел к указанному ему месту. На встрече присутствовал Иоахим Риббентроп, министр иностранных дел Германии.

– Приближается судный день, господин посол, – начал беседу Гитлер. Его речь звучала официально и в то же время несколько театрально. Постепенно тон речи становился все более раздраженным, а голос усиливался до крика.

– Война, которую мы ведем в России, показала, что эта огромная страна представляет собой всего-навсего географическое пространство, не более того. – Гитлер сделал паузу. – Если хотите, это не что иное, как географическое понятие… Точно такое, какими были, например, Чехословакия и Югославия, созданные, как известно, искусственным путем. Проблему этих двух государственных образований мы, как вы знаете, разрешили успешно и эффективно. Навсегда!.. Теперь на очереди русский вопрос. Но, решая его, мы не хотели бы нанести ущерб интересам Японии, нашего самого могущественного союзника. Поэтому я и пригласил вас.

– Мне не совсем ясно, герр фюрер, что вы имеете в виду под «русским вопросом»? – с показным недоумением, но весьма спокойно произнес посол.

– Речь идет о разделе русских территорий, господин посол, – ответил Гитлер.

– Мы хотели бы, чтобы Япония активизировала политику в этом направлении, – вмешался в разговор Риббентроп.

– Я все еще не понимаю, что вы имеете в виду, – упорствовал Осима.

– Хорошо, господин посол, я выскажусь более определенно, – сказал Гитлер. – Мы решили, – продолжал он, – нанести по Советам окончательный удар. В течение предстоящего лета Россия будет полностью разгромлена. Спасенья ей не будет. Большевики будут отброшены туда, откуда они никогда не смогут дотянуться до Европы… Разумеется, поражение России могло бы быть значительно ускорено внезапной высадкой японского десанта во Владивостоке и фронтальным нападением Японии на Советы с территории Маньчжурии… Май 1942 года был бы для нас желательным сроком вступления Японии в войну против СССР. В этом случае русские не смогли бы перебрасывать свои дивизий из Сибири на Запад, чтобы помешать наступлению наших войск.

Хотел бы еще раз подчеркнуть, господин посол, что Германия с пониманием относится к «жизненным интересам» Японии. Можно даже сказать, что Западная Сибирь – естественная граница между Германией и Японией. Но, чтобы поделить богатую добычу, право на которую нам дала история, надо разбить этот русский колосс на глиняных ногах совместными усилиями двух наших держав… Я хотел бы в течение недели получить окончательный ответ от правительства Японии по данному вопросу, чтобы учесть это в наших планах…

Я не намерен более проводить наступательные операции на центральном участке германо-советского фронта. Мы нанесем удар на юге, в направлении Кавказа, как только позволят погодные условия. Это направление имеет исключительно важное значение. Оно приведет нас к кавказской нефти, откроет путь к Ирану и Ираку… А когда перережем нефтяные коммуникации русских, Москва падет как переспелая груша. После этого мы примем меры, чтобы Москва и Ленинград были сровнены с землей.

– Япония не откажется, герр фюрер, от своего исторического права на Сибирь, по меньшей мере до Байкала, равно как и от своих интересов в Китае, Индии, Монголии, – начал ответную речь японский посол. – Однако мы считаем, что час для нашего

глобального наступления в Азии еще не пробил, так как в настоящее время мы заняты изгнанием Америки и Англии из района Тихого океана и Юго-Восточной Азии. Кроме того, вы сами только что сказали, что вермахт в состоянии разгромить Красную Армию и без нашей экстренной помощи. О содержании нашей беседы я немедленно доложу его императорскому величеству и правительству моей страны. Но уже сейчас должен вас заверить, что вы можете исходить из того, что я сказал вам сегодня, – так заключил Осима свою встречу с Гитлером.

Японское правительство, напуганное поражением немецко-фашистских войск под Москвой, не решалось напасть на Советский Союз, хотя и не исключало такой возможности в будущем. Оно предпочло подождать дальнейшего развития событий, тем более что в Токио еще были свежи воспоминания о катастрофе японских войск в 1939 году в Монголии, где они были разбиты объединенными советско-монгольскими войсками под командованием Георгия Жукова.

Встреча между Гитлером и послом Японии проходила на фоне крупного контрнаступления советских войск в декабре 1941 года, переросшего в общее наступление в январе 1942 года. Итогом этого было первое поражение вермахта с момента начала второй мировой войны. Красная Армия отбросила немецко-фашистские войска на различных участках фронта на 150–400 километров, уничтожив при этом свыше одного миллиона солдат противника.

Однако фашисты быстро восполнили понесенные потери, перебросив свежие дивизии из Западной Европы на восточный фронт. Теперь Гитлер имел 217 укомплектованных дивизий, которые должны были одержать «решающую» победу и принудить Красную Армию к капитуляции.

* * *

Москва, 3 января 1942 года. Город утонул в высоких сугробах потемневшего смерзшегося снега, который почти два месяца нигде не убирали, за исключением главных транспортных магистралей. Ртуть в термометре опустилась до отметки минус 21 градус. На сильном морозе кирпично-красные башни Кремля приобретали голубоватый оттенок. В просторном кабинете И.В.Сталина проходило заседание Ставки Верховного Главнокомандования.

Двумя днями позднее Ставка принимает решение о продолжении наступления войск Красной Армии на всех фронтах.

Поначалу наступление имело большой успех, но к весне 1942 года пошло на убыль. Фронт стабилизировался, противоборствующие стороны начали подготовку к новым сражениям.

Разгорался пожар невидимых схваток разведывательных и контрразведывательных служб воюющих держав.

Разрешите представиться

«Я, Пауль Вильгельм Зиберт, лейтенант 230-го пехотного полка, 76-й пехотной дивизии, родился 28 июля 1913 года в Кенигсберге в семье лесничего… Отца, Эрнста Зиберта, знаю лишь по рассказам матери, он погиб в 1915 году в боях на Мазурских озерах. До первой мировой войны отец служил в имении князя Рихарда фон Шлобиттена, владевшего двумя замками в Восточной Пруссии.

Моя мать Хильда, урожденная Кюннерт, умерла за несколько лет до начала второй мировой войны. До поступления в военную школу я работал в указанном имении помощником управляющего… Моей особой обязанностью было обслуживание богатых и видных гостей, приезжавших на охоту в наши места…

Я окончил школу унтер-офицеров в Берлине, а затем участвовал в походе на Польшу… Во время войны с Францией был произведен в лейтенанты и награжден Железным крестом. Имел счастье воевать в России, где получил второй Железный крест. Под Курском поздней осенью 1941 года был тяжело ранен. За участие в боях получил золотой значок, точнее говоря, был награжден медалью «За зимний поход на Восток».[3]

Мне было предложено вплоть до полного выздоровления быть уполномоченным хозяйственного командования «Виршафтскоммандо (сокращенно «Викдо»), которое занимается использованием материальных ресурсов оккупированных районов СССР в интересах вермахта…»

На протяжении нескольких месяцев советский разведчик Николай Иванович Кузнецов вживался в образ немецкого офицера Пауля Вильгельма Зиберта. Происходило это на специальной учебной базе близ Москвы.

Николай Кузнецов родился 27 июля 1911 года в деревне Зырянка ныне Талицкого района Свердловской области. Он был третьим по счету ребенком в семье крестьянина Ивана Павловича Кузнецова и его жены Анны Петровны. Иван Кузнецов сражался в рядах Красной Армии на фронтах гражданской войны, переболел тифом и в 1920 году демобилизовался в возрасте 45 лет. Умер он в 1929 году.

Начиная с 1934 года Кузнецов живет в Свердловске, где

оканчивает заочное отделение Уральского индустриального института. Первое время Николай работает в тресте «Свердлес» статистиком, потом поступает расцеховщиком в конструкторский отдел на знаменитый завод Уралмаш.

Уже тогда немецкий язык он знал довольно прилично, так как старательно учил его и в средней школе и в институте. Люди, знавшие Кузнецова, отмечали его редкие лингвистические способности и феноменальную память. Он мог без особых усилий повторить только что прочитанное стихотворение, надолго запомнить поэму, отрывок из художественного произведения. Эти качества заметила в нем его первая учительница немецкого языка Нина Алексеевна Автокарова. Она получила образование в Швейцарии и свободно владела немецким и французским языками. Но школьной программы Кузнецову было мало. Он близко познакомился с преподавателем труда, осевшим на Урале, бывшим немецким пленным. Кроме того, Николай практиковался в разговорной речи у провизора местной аптеки, тоже из пленных, но уже австрийца. Казалось, сама судьба позаботилась о том, чтобы с детских лет будущий великий разведчик имел возможность изучить разговорный немецкий язык.

На Уралмаше Кузнецову представилась новая возможность продолжить изучение немецкого языка. В то время на Уралмаше, как и на других крупных предприятиях Советского Союза, было немало иностранных специалистов – инженеров, техников, мастеров. Одни из них приехали ради высоких заработков, другие – в силу своих прогрессивных взглядов и искреннего желания помочь первой стране социализма.

Кузнецов подружился с несколькими немецкими специалистами, общался с ними и на работе, и после работы. Они вместе проводили свободное время, ходили в кафе, на семейные вечера, беседовали на самые различные темы. Говорить с ними Николай предпочитал на немецком языке.

Немецкие специалисты были из разных частей Германии и говорили на разных диалектах, что очень помогло Николаю в изучении говоров и наречий немецкого языка. Николай изучал не только язык, но и национальные традиции, обычаи. Будучи человеком наблюдательным, он усваивал манеру немцев одеваться, вести себя в обществе, запоминал их привычки и вкусы.

Николай Кузнецов не ограничился изучением немецкого языка. Он также знал английский, польский, украинский языки и язык народа коми. Он читал в оригинале произведения Гете, Гейне, Шиллера и других немецких классиков. Интересно, что и диплом инженера в 1938 году Кузнецов защищал на немецком

языке.

Кузнецов сознательно и целенаправленно готовил себя к участию в борьбе с фашизмом. В мире было неспокойно, приближалась вторая мировая война, и Николай считал, что его знание немецкого языка, немецкой культуры могут пригодиться. И он не ошибся в своих планах. Его способности, эрудиция, волевые качества, преданность социалистической Родине и идеям пролетарского интернационализма были оценены должным образом – перед Кузнецовым открылось новое поприще, где он смог проявить все свои лучшие качества.

Новые обязанности, возложенные на Кузнецова, потребовали от него прежде всего расширения и углубления знаний и навыков. Работал он много – до восемнадцати часов в сутки. Регулярно читал произведения художественной, исторической и военной литературы, окончил школу парашютистов, занимался стрелковым спортом, лыжами, боксом, гимнастикой, в совершенстве овладел фотоделом, вождением автомобиля и мотоцикла, научился даже танцевать не хуже самого рафинированного аристократа.

Своим девизом Кузнецов избрал слова Феликса Дзержинского: «Чистые руки, холодная голова, горячее сердце». Он понимал, что война неизбежна. Война страшная. Кровавая. Такой войны еще не было в истории. Сестре Лидии и брату Виктору Кузнецов сказал: «Наши отношения с Германией оставляют желать лучшего. Возможно, придется воевать с фашистами. Знание немецкого языка мне может очень пригодиться. Буду бороться против немецких нацистов, потому что люблю немецкий народ и его культуру».

Метрополия тайной войны

Июнь 1941 года. Несколько дней на просторах от Балтийского до Черного моря бушует война между СССР и Германией. Вероломное нападение и быстрое продвижение немецко-фашистских войск вызвали тревогу и напряженность в Москве. На военных предприятиях непрерывно ковалось оружие. Вся столица была взбудоражена, словно охваченная сильным землетрясением. Все пришло в движение, будто пробудился гигантский джин, от Карпат до Тихого океана.

И хотя фронт еще далеко, повсюду приступили к рытью окопов и рвов. Женщины, старики, дети вооружились кирками и лопатами. С периферийных улиц снимают асфальт, булыжник, брусчатку. Возводятся баррикады. Безоблачное жаркое небо заполнили аэростаты воздушного заграждения. Над городом постоянно патрулируют эскадрильи истребителей с пятиконечными звездами на крыльях.

На площадях и улицах, у зданий важных государственных учреждений установлены зенитные орудия и пулеметы.

Общая мобилизация осуществляется молниеносными темпами. Улицы запружены народом, войсками, машинами. Из многочисленных радиодинамиков громко звучит песня «Священная война». Время от времени военные песни и марши прерываются краткими сообщениями Ставки, Государственного Комитета Обороны, вестями с фронта.

«Священная война» – необычно мелодичная, бодрая и вдохновенная песня – рождает у слушателей веру в свои силы, поднимает их дух и решимость. Стихотворение «Священная война» было напечатано в газете 23 июня. На другой день композитор Александр Александров написал к нему музыку, а утром следующего дня хор ансамбля Красной Армии под его руководством впервые исполнил новую песню. Сейчас этот ансамбль носит имя Александра Александрова. Песня была записана на пластинку и в течение каких-то часов стала своеобразным гимном Великой Отечественной войны.

В те трудные дни, свидетельствуют историки, вся Москва пела:

Вставай, страна огромная,
Вставай на смертный бой
С фашистской силой темною,
С проклятою ордой!

Кузнецов остановился на одном из перекрестков Арбата. Из радиодинамика, висевшего на доме напротив, ремели слова последнего куплета «Священной войны». Он взглянул на часы. Стрелки показывали десять минут второго, а ему надо было быть еще в час дня в райвоенкомате.

Пусть ярость благородная Вскипает, как волна, Идет война народная, Священная война!

Кузнецов едва не попал на фронт в первые же дни войны, о чем страстно мечтал. Хотя он никогда не служил в армии, но подготовлен к военной службе был довольно основательно. Разносторонний спортсмен, меткий стрелок, парашютист, да еще знание немецкого языка, – таким набором качеств мог похвастаться не каждый.

Кузнецова зачислили в воздушно-десантную часть. Правда, ее еще надо было сформировать. Эта задержка имела далеко идущие последствия для Кузнецова. Решение райвоенкомата было отменено другим более высоким учреждением. Фамилию Кузнецова перенесли из одного списка в другой. Тех, кто попал в этот список, на фронт не отправляли. Их забрасывали за линию фронта, где они выполняли исключительно важные задания, действуя обычно в одиночку или в составе мелких групп.

Вот как описывает в книге «Сильные духом» свою первую встречу с Кузнецовым известный советский разведчик Дмитрий Медведев, командир специального партизанского отряда «Победители», в состав которого входил и Николай Кузнецов:

> «Еще при первой встрече с Кузнецовым меня поразила спокойная решимость, чувствовавшаяся в каждом слове, в каждом движении этого малоразговорчивого, спокойного, но внутренне страстного человека. Помню, он вошел в номер и начал прямо с того, что заявил о желании лететь в тыл врага.
>
> – Я в совершенстве знаю немецкий язык, – сказал он. – Думаю, что сумею хорошо использовать это оружие.
>
> – Где вы учились языку? – спросил я.
>
> Вопрос был не праздный. Мне приходилось встречать немало людей, владевших иностранными языками. Это было книжное знание, достаточное для научной работы, но едва ли могущее служить оружием, выражаясь словами моего собеседника.
>
> Кузнецов, очевидно поняв мои сомнения, объяснил:
>
> – Видите ли, я не только читаю и пишу по-немецки. Я хорошо знаю немецкий разговорный язык. Я много бывал среди немцев…

– Вы жили в Германии? – заинтересовался я.

– Нет, не жил, – улыбнулся Кузнецов. – Я окончил заочный институт иностранных языков. Вообще же по профессии я инженер. Когда работал на Уралмаше, немецкие специалисты не хотели верить, что я русский. Они считали меня немцем, даже спрашивали, почему я скрываю свою национальность…

Глядя на него, я подумал, что он действительно похож на немца: блондин с серыми глазами.

– Мало ли людей знают немецкий язык! По-вашему, все они должны лететь за линию фронта?

– Я знаю не только язык, – возразил Кузнецов. – Я вообще интересовался Германией, читал немецких классиков… – и, помолчав, добавил: – Я немцев знаю».

Руководство органами советской разведки долго размышляло над тем, каким образом следовало использовать такого компетентного и эрудированного человека, как Кузнецов. В принципе было решено попытаться заслать его под видом офицера в какое-либо важное формирование немецко-фашистских войск, откуда он мог бы передавать ценную информацию.

Немецкие авторы утверждают, например, что первоначально планировалось внедрить Кузнецова в верховное командование вермахта, но затем от этого намерения Москва отказалась. Появился другой вариант. В силу сложившихся обстоятельств приобрел исключительно важное значение и привлек к себе внимание небольшой город Ровно.

Город Ровно расположен в Западной Украине на реке Устье. Город окружен густыми лесами и имеет живописные окрестности. В кем проживали в то время в основном украинцы и поляки, но было и некоторое число русских и евреев. Это древний город, известный с 1282 года, из-за которого на протяжении веков спорили многие народы. По Рижскому договору 1921 года между Советской Россией и Польшей Ровно отошел к Польше. С 1939 года этот город является одним из областных центров СССР.

Здесь в 1920 году погиб смертью храбрых один из прославленных героев гражданской войны и Октябрьской революции Олеко Дундич, хорват по происхождению.

Необычная судьба выпала на долю Ровно в годы второй мировой войны. Хотя население этого города было невелико, гитлеровцы провозгласили его «столицей» оккупированной части Украины. В Ровно была размещена резиденция наместника Гитлера, его заместителя по делам оккупированных восточных территорий, рейхскомиссара Украины гауляйтера Восточной

Пруссии Зриха Коха, принадлежавшего к верхушке руководства фашистской партии.

В Ровно расположились рейхскомиссариат «Украина»,[4] верховный немецкий суд для оккупированных территорий, штаб генерала фон Ильгена, командующего особыми (карательными) войсками на Украине, штаб начальника тыла германской армии во главе с авиационным генералом Китцингером, штаб интендантской службы группы армий «Юг» и много других военных формирований и учреждений.

Не так далеко от Ровно долгое время находилась полевая ставка Гитлера, но об этом еще предстояло узнать.

Гитлеровская разведка разрабатывала в Ровно многие операции тайной войны на востоке, сюда стекались донесения и сведения об антигитлеровской коалиции, здесь расшифровывались тайные радиодонесения, составлялись заговоры и варианты покушений на глав правительств, министров, генералов.

Немецкие историки утверждают, что, по их мнению, Ровно был избран руководством советской разведслужбы местом деятельности инженера Николая Кузнецова.

Однажды Кузнецов был вызван к одному из руководящих работников Центра.[5]

– По оценке наших специалистов, – сказал генерал, – вы отлично знаете Германию, хорошо усвоили основные диалекты немецкого языка, да и внешне очень похожи на пруссака, я бы сказал, на прусского аристократа. Но вполне понятно, что вы не знаете германскую армию так, как должен знать немецкий офицер.

В вашем распоряжении имеется некоторое время. Вы человек трудолюбивый. Мы дадим вам хороших специалистов, чтобы с их помощью вы стали настоящим «слугой» фюрера. Кстати, я уже обратил внимание, что вы держитесь превосходно.

На разведбазе Кузнецов получил имя Николай Васильевич Грачев, а его подлинная фамилия была засекречена на все время войны.

Недели, проведенные в центре подготовки, были заполнены напряженной работой. Учеба и тренировки длились едва ли не круглые сутки.

Кузнецов был единственным из крупных разведчиков периода второй мировой войны, который, действуя в тылу противника, на оккупированной врагом территории, по мере надобности возвращался к своим. В Ровно на него возлагалось решение самых важных разведывательных задач. Центр специально требовал от Кузнецова не отвлекаться на второстепенные вопросы, избегать

риска, если это не сулило крупного результата.

Было признано целесообразным не пытаться внедрить его в какую-либо немецкую воинскую часть или в учреждение в Ровно (на что, кстати, не было и времени), а сделать так, чтобы Кузнецов мог время от времени появляться в Ровно, не вызывая подозрений.

Чтобы выступать в роли реально существовавшего человека, офицера вермахта, Кузнецов должен был прежде всего усвоить психологию немца и, кроме того, запомнить массу всяких деталей, связанных с именами, званиями и должностями огромного числа людей, начиная от высших гитлеровских сановников и кончая «своими бывшими» командирами батальона, роты, сослуживцами.

Кузнецов внимательно изучал, пишет А. Лукин, различные трофейные документы: солдатские и офицерские удостоверения, карты, дневники, письма, изъятые у пленных или найденные у убитых.

Два раза в неделю Кузнецов совершал прыжки с парашютом. Он тренировался в ориентировании на незнакомой местности, в стрельбе из всех видов советского и немецкого личного оружия, обучался способам шифровки и дешифровки, различным методам диверсионных операций, овладевал приемами владения холодным оружием и самбо.

Доведись ему участвовать в соревнованиях по стрельбе, он мог бы стать чемпионом, ибо отличался редким хладнокровием и умением сосредоточиться в нужный момент. Он всегда находился в хорошей спортивной форме. Еще мальчишкой он получил значок «Ворошиловский стрелок». И лыжами он владел как профессионал: ходил на лыжах быстро, держался устойчиво, обладал выносливостью, уверенно ориентировался на местности. Географические и топографические карты читал как специалист в этой области. Он был необычайно одаренным человеком.

Пауль Зиберт должен был знать многое, отмечают в книге «Николай Кузнецов» А. Лукин и Т. Гладков: место и край, где родился и рос, образ жизни, обычаи, традиции, привычки и склад ума своих «земляков» – немцев.

Он должен был запомнить, осмыслить и увязать друг с другом множество деталей, фактов, историй. Адреса магазинов, названия ресторанов, кинотеатров, кафе, концертных залов. Результаты матчей по футболу и по боксу, на которых он мог присутствовать. Мелодии популярных песен, которые он мог слышать. Вполне естественно было ожидать от лейтенанта Зиберта, что, оказавшись в дружеской компании в каком-либо кафе, он вместе со всеми подхватывает слова популярной песни,

рассказывает пикантные анекдоты, умело ухаживает за девушками, демонстрирует завидное мастерство в игре в карты.

Инструктор особенно старался, чтобы инженер с Урала приобрел необходимые знания по истории вермахта и фашистской партии. Кузнецов до тонкостей проштудировал организацию и структуру вооруженных сил Германии, изучил особенности официальных и неофициальных отношений между военнослужащими различных чинов и званий.

Две немецкие девушки-антифашистки, еще перед войной нашедшие политическое убежище в Москве, поведали Кузнецову об особенностях обхождения с женским полом в их стране.

Искусный московский ювелир изготовил перстень с монограммой Пауля Зиберта.

Не надо забывать, что «лейтенант Зиберт» готовился играть роль бывалого фронтовика, который, оказавшись в тылу, живет на широкую ногу благодаря неисчерпаемым финансовым возможностям «Виршафтскоммандо», занимавшейся ограблением оккупированных районов и их населения.

Кузнецов часами тренировался перед зеркалом, отрабатывая и шлифуя движения, позы, манеры. В этом деле все было важным. Например, если в советской армии при положении «смирно» руки надо крепко прижать вытянутыми вдоль туловища, то в немецкой армии, по аналогичной команде, к телу прижимаются лишь ладони, локти разводятся в стороны, а грудь выгибается колесом вперед.

Неожиданно помогло то, что Кузнецов до этого не был военным. Доведись ему быть кадровым советским офицером, осваивать до автоматизма строевые приемы немецкой армии ему было бы гораздо труднее.

Еще в средней школе Николай стремился выработать собственный метод овладения учебными дисциплинами. Сейчас он также придумал своеобразный способ перевоплощения в образ другого человека: он внушил себе, что в том, что он учит, нет ничего нового, что все это с ним случалось, когда он был Зибертом, и сейчас ему надо не учить все заново, а лишь освежить в памяти, вспомнить.

И так из часа в час, изо дня в день…

Зубрежка воинских уставов, чтение многочисленных иллюстрированных изданий, просмотр трофейных кинофильмов и вновь зубрежка, но уже с поправками и коррективами после встреч с настоящими гитлеровскими офицерами.

Он избегал чтения советской литературы, чтобы не выйти из роли, не сойти с пути, на котором чувствовал себя все увереннее, ограничивался беглым просмотром московских газет.

Все на нем должно было быть немецким – от носков до носового платка, от ручки и карандаша до записной книжки, от бумажника до майки. Китель, брюки, шинель, плащ – все это было подлинно немецкое, как и кожаные сапоги, купленные в Германии. Лишь золотые часы у него были швейцарского производства, что должно было служить одним из свидетельств его «аристократического происхождения».

На одной из последних встреч с высшим руководством Центра Кузнецов произвел сильное впечатление на присутствовавших. Выглядел настоящим прусским офицером, вскормленным фашизмом.

Вот как описывает свою первую встречу с Кузнецовым Альберт Цессарский, врач партизанского отряда «Победители»:

> «Я не верил своим глазам. Он горделиво задрал голову, выпятив вперед подбородок, на губах его играла презрительная усмешка. Одет он был в безукоризненно отглаженную немецкую униформу.
>
> В первое мгновение мне было неприятно видеть его таким. Чтобы сгладить это впечатление, я спросил его шутливым тоном:
>
> – Как вы себя чувствуете в роли такого франта?
>
> Он смерил меня уничтожающим взглядом, презрительно скривил губы и ответил противным лающим голосом:
>
> – Also, nicht so laut, Herr Arzt! (Не надо говорить так громко, герр доктор!)
>
> Меня прошиб холодный пот. Я даже физически ощутил расстояние, на которое он оттолкнул меня, Какой блестящий пример перевоплощения!»

Накануне Сталинградской битвы

Время отсчитывало месяц за месяцем. На фронте разыгрывались грандиозные сражения, а Кузнецов все еще находился под Москвой, готовясь к выполнению специального задания. В сообщениях газет и радио приятных вестей не было. Почти на всех фронтах силы «Оси» владели инициативой. Гитлеровские войска приближались к зениту своих успехов.

В то время в состав антифашистской коалиции входило уже 26 стран. В Югославии пламенел пожар партизанской войны, связавшей на Балканах сильную группировку немецко-итальянских войск и их сателлитов.

В Лондоне 26 мая 1942 года СССР и Великобритания подписали Договор о союзе в войне против гитлеровской Германии и ее сообщников в Европе и о сотрудничестве и взаимной помощи после войны. Несколько позднее, 11 июня того же года, заключено советско-американское соглашение «О принципах, применимых к взаимной помощи в ведении войны против агрессии». В коммюнике по итогам переговоров было объявлено о договоренности открыть второй фронт в 1942 году, предположительно – в Западной Европе.

На восточном фронте было задействовано около 70 процентов совокупных сил немецко-фашистской армии, а также крупные группировки итальянских, венгерских, румынских и финских войск. Германское командование планировало разгромить Красную Армию и закончить войну в 1942 году. Эта цель должна была быть достигнута последовательным проведением нескольких операций.

Прежде всего было решено захватить Керченский пролив и крупный черноморский порт Севастополь. Одновременно с этой операцией должны были наноситься удары на ряде других участков фронта. Штаб верховного главнокомандования вермахта (штаб ОКВ) спланировал проведение сильного наступления на севере с задачей захватить осажденный Ленинград. Но главный удар намечалось нанести на юге с целью уничтожения группировки советских войск, расположенной западнее Дона. В этом случае войска третьего рейха овладели бы источником нефти на Кавказе и, преодолев Кавказские горы и заняв одновременно Сталинград, перерезали бы советские коммуникации 'на Волге. Успешное осуществление этих операций должно было создать условия для нового наступления на Москву. Заправилы фашистской Германии рассчитывали, что победоносное завершение этой кампании побудит Турцию и

Японию включиться в войну против СССР.

Сильная и весьма мобильная 11-я немецкая армия 8 мая 1942 года начала наступление на Керченском полуострове. Нанеся тяжелый урон советским войскам, фашисты овладели Керчью.

Чтобы ослабить давление врага на юге и помешать осуществлению его общей стратегии, 12 мая 1942 года войска Юго-Западного фронта и правого крыла Южного фронта начали Харьковское сражение. Однако вскоре темп наступления советских войск резко снизился, так как немцы, пользуясь данными своей разведки, заблаговременно подготовили контрудар.

Последовало сильное контрнаступление из района Краматорска и севернее Харькова. Бои в районе Харькова закончились тяжелым поражением советских войск.

11-я немецкая армия, усиленная авиационным корпусом и большим количеством артиллерии, начала штурм Севастополя. Несмотря на ожесточенное сопротивление защитников города, которое в общей сложности продолжалось около 250 дней, фашисты 4 июля заняли Севастополь.

В конце июня 1942 года началось новое немецкое наступление на советско-германском фронте. На рассвете 28 июня перешла в наступление группа армий «Юг» (всего 90 укомплектованных дивизий). От Курска на Дон пробивалась группа армий «Вейхс», в состав которой входили 2-я и 4-я танковые и 2-я венгерская армии. Ее поддерживал сильный 4-й воздушный флот люфтваффе.

Продвижение группы армий «Вейхс» было приостановлено действиями двух советских армий, переброшенных в район Воронежа. Одновременно Ставка советского Верховного Главнокомандования спешно выдвинула на рубеж Дона свои стратегические резервы и сорвала замысел немцев окружить несколько советских армий. В плане «главной операции» вермахта появилась первая брешь.

Как отмечается в одном из советских исторических изданий о Великой Отечественной войне, фашистское руководство предприняло ряд срочных мер, вызванных изменившейся обстановкой. В штаб немецкой группы армий «Юг» 3 июля прилетел Гитлер. Немецкий историк Вальтер Герлиц утверждает, что первоначально Гитлер намеревался проводить совещание в Ровно, но в последний момент перенес его ближе к фронту. Повторилась ситуация месячной давности: совещание 1 июня Гитлер приказал готовить в Ровно, а провел его в Полтаве.

На совещании 3 июля 1942 года, где присутствовали генерал-фельдмаршал Кейтель, генералы Хойзингер, Вагнер, Йодль и

другие, была осуществлена реорганизация немецких войск, действовавших на восточном фронте. Группа армий «Юг» была разделена на две части – группу армий «А» во главе с генерал-фельдмаршалом Листом и группу армий «Б» во главе с генерал-фельдмаршалом фон Боком.

Гитлер решил лично руководить действиями обеих групп армий и поэтому приказал перевести ближе к району боевых действий свою главную штаб-квартиру, что и было проделано. Штаб-квартира Гитлера и штаб сухопутных войск 16 июня 1942 года были передислоцированы из Восточной Пруссии на Украину. Об этом Москва долгое время не знала.

Немцы продолжали оказывать мощное давление на всем южном крыле фронта. Советские войска отступали, чтобы не оказаться в окружении. По приказу Ставки Верховного Главнокомандования 7 июля началось отступление за Дон частей Юго-Западного и правого крыла Южного фронтов.

По приказу фюрера, пишут советские военные историки, гитлеровские зойска преследовали части Юго-Западного и Южного фронтов. Советское командование предпринимало спешные меры, чтобы воспретить продвижение противника и не допустить прорыва фашистских войск к Волге и Кавказу. Но ослабленные части обоих южных советских фронтов не смогли остановить превосходящие силы противника. К середине июля глубина немецкого прорыва на юге составляла от 150 до 400 километров. Под давлением врага советские войска были вынуждены оставить Донбасс и богатые сельскохозяйственные районы на правом берегу Дона. Немецко-фашистским войскам удалось выйти в большую излучину Дона, занять Ростов, форсировать Дон в его нижнем течении и создать непосредственную угрозу Сталинграду и Северному Кавказу.

Так началось одно из крупнейших и кровавых сражений второй мировой войны – Сталинградская битва, а также битва за Кавказ, развивавшиеся одновременно в тесной взаимной оперативно-стратегической связи. Свободолюбивые народы мира с напряженным вниманием и надеждой ожидали исхода этой битвы.

Спустился с парашютом

В январе 1942 года Дмитрий Николаевич Медведев был срочно вызван в Москву из немецкого тыла, где в Брянских лесах он командовал партизанским отрядом. По прибытии в столицу Медведев был принят одним из руководителей Центра.

За месяц до этого Медведев получил несколько ранений, а еще раньше он был серьезно контужен. Одно из ранений едва не стоило ему жизни. Многие километры тащил его тогда на своих широких плечах неоднократный чемпион СССР по боксу в тяжелом весе Николай Королев, адъютант Медведева.

Как только Медведев немного поправился, ему было дано задание приступить к созданию специального отряда, который должен был действовать в районе Ровно и Здолбунова. Перед отрядом была поставлена задача: вести на высоком профессиональном уровне разведывательно-диверсионную работу, а также развернуть политическую деятельность среди населения, организуя массы на усиление сопротивления оккупантам.

Комиссаром отряда был назначен Сергей Трофимович Стехов, а начальником штаба – майор Федор Андреевич Пашун.

20 июня 1942 года группа отряда, названная «Победители», была выброшена на парашютах в районе железнодорожной станции Толстый Лес. Кроме Медведева, которому позднее было присвоено звание Героя Советского Союза, с этой партией десантировались Александр Лукин, начальник разведки отряда, Лидия Шерстнева, командир взвода связи, а также несколько испанских коммунистов, проживавших в Советском Союзе.

12 августа утром Кузнецову сказали в Центре, что через несколько дней он будет сброшен на парашюте в район дислокации партизанского отряда «Победители».

– Николай Иванович, – напутствовал его высокий худощавый генерал, – Родина в опасности. Фашисты вышли к Сталинграду. Вам поручается задание исключительной важности! Вы направляетесь в распоряжение капитана госбезопасности Медведева в тыл противника.

Кузнецов молча смотрел в глаза генералу, который являлся одним из главных руководителей Центра. Что он мог ответить ему? Будущее было скрыто завесой неизвестности. Единственное, что он мог продемонстрировать сейчас, так это решимость до конца выполнить свой долг, оправдать оказываемое ему доверие.

– Беден тот человек, которому не за что отдать свою жизнь, если потребуется, – тихо проговорил Кузнецов, глядя в глаза

генералу.

– Ваша главная задача доставать подлинные и достоверные документы о планах немцев на предстоящие военные операции и одновременно захватывать высокопоставленных офицеров и генералов вермахта, которым поручено осуществление этих планов или которые, в силу своего служебного положения, могут знать о них, – деловито инструктировал Кузнецова генерал. – Что касается вопросов тактики ваших действий, то, полагаю, вы ее достаточно освоили за время обучения. Желаю вам успеха, удачи и боевого настроения!

Вернувшись на базу, Николай написал младшему брату Виктору письмо, в котором трезво оценил предстоящее задание и выразил твердую уверенность в том, что выполнит его, иначе живым назад не вернется:

> «Война за освобождение нашей Родины от фашистской нечисти требует жертв… И я хочу откровенно сказать тебе, что очень мало шансов за то, чтобы я вернулся живым. Почти сто процентов за то, что придется пойти на самопожертвование. И я совершенно спокойно и сознательно иду на это, так как я глубоко сознаю, что отдаю жизнь за святое и правое дело…»

* * *

В день, когда Кузнецова напутствовали высшие руководители Центра, в Москву прилетел премьер-министр Великобритании Уинстон Черчилль, которого сопровождали начальник имперского генерального штаба генерал А. Брук, заместитель министра иностранных дел А. Кадоган, маршал авиации А. Тедер, генерал А. Вейвель и другие высокопоставленные гражданские и военные чины Великобритании.

Вместе с Черчиллем прибыл Аверелл Гарриман, личный посланник президента США Ф. Рузвельта. Сталин и Черчилль встретились за ужином в тот же день. На переговорах, проходивших в Кремле, вскрылись серьезные разногласия между Сталиным, с одной стороны, и Черчиллем и Гарриманом, с другой. Советское руководство настаивало, чтобы второй фронт был открыт Англией и США еще в 1942 году в Западной Европе путем десантирования на французское побережье хотя бы шести-восьми дивизий. Черчилль, со своей стороны, доказывал, что от такой операции было бы больше вреда, чем пользы, и ссылался на то, что крупную союзническую операцию в Европе Англия и США

планируют провести в 1943 году.

Соглашение об открытии второго фронта не было достигнуто, хотя обе стороны понимали, что им следовало избегать обострения отношений между собой в период, когда инициатива на всех фронтах принадлежала противнику.

По возвращении в Лондон Черчилль утверждал, что Советское правительство якобы согласилось с доводами союзников о невозможности открытия второго фронта в 1942 году. На это последовал демарш советского посла в Великобритании Майского, который заявил министру иностранных дел Великобритании Антони Идену, что визит Черчилля произвел на членов Советского правительства неблагоприятное впечатление, поскольку не был решен главный вопрос.

Так случилось, что 25 августа 1942 года – в день публикации в советской и английской печати сообщения о визите Черчилля в Москву – в 150 километрах от Ровно спустилась на парашютах группа советских разведчиков, среди которых находился Николай Васильевич Грачев, он же – Николай Иванович Кузнецов. Десантирование проходило ночью. В отряд «Победители» прибыло тогда 13 человек: Иван Яковлевич Соколов, Николай Тарасович Приходько, Михаил Макарович Шевчук, Николай Акимович Гнидюк, а также несколько бойцов-интернационалистов.

Пан Болек

По свидетельству сослуживцев, Кузнецов отличался выдержкой и сдержанностью. Не помнили случая, чтобы он проявлял нервозность или повышал голос, когда был недоволен.

Он принадлежал к тем людям, которые мало говорят о себе, – о них говорят их дела и поступки. Чем лучше узнаёшь его, тем больше убеждаешься в том, что причиной его замкнутости были не некоммуникабельность или самомнение, а скромность, естественная скромность человека, который не находил в своей жизни ничего такого, что могло бы поразить других. Он считал свою биографию самой обыкновенной и по-доброму завидовал тем, чья жизнь была наполненна, интересна. Так писал о Кузнецове Медведев.

Был холодный дождливый день. Кузнецов, направленный в отряд как Николай Грачев, добрался до места назначения. Под кроной столетнего дуба состоялся его разговор с Медведевым.

Медведев так вспоминает эту встречу:

– Ваша семья находится в Москве? – неожиданно спросил он меня.

– Да, в Москве у меня осталась жена, – ответил я. – Сын же пошел добровольцем в армию.

– Что-нибудь знаете о нем?

– Почти ничего.

– И я о своих родных ничего не знаю. По правде сказать, жил я как бобыль, одиноко и в свои тридцать лет даже жениться не успел. Мой брат находится в армии. С первых дней войны. В октябре 1941 года под Вязьмой попал в окружение. Месяц блуждал по лесам, изголодался и натерпелся всего, пока не вышел к своим в районе Волоколамска. Представьте себе, вдруг звонит он мне по телефону и говорит, что находится на Ржевском[6] вокзале в Москве. Провели мы с ним вместе два часа, пока его эшелон стоял на станции. Что с ним сейчас, не знаю. Перед отлетом из Москвы я отправил ему письмо на адрес полевой почты.

Наш разговор был прерван неожиданным шорохом, раздавшимся под одним из ближайших кустов. Прислушавшись, мы различили и хриплое дыхание какого-то существа. Не сговариваясь, с оружием наготове, мы стали приближаться к кусту.

Нашим глазам предстал лежащий на земле ребенок. На вид ему было лет шесть-семь. Его голова была запрокинута, и на наш оклик он отозвался чуть слышным голосом.

Вид у него был ужасный. Худой, изможденный, одетый в лохмотья, на ногах гнойные язвы. Он смотрел на нас помутившимися, почти безжизненными глазами и зябко ежился. С трудом нам удалось выяснить, что его зовут Пиня, что он убежал из гетто в надежде найти свою мать, которую фашисты угнали вместе с другими куда-то за город. Он искал ее в лесу, заблудился, обессилел и вот уже несколько дней лежал под кустом.

Николай стоял бледный, сжав губы. Не говоря ни слова, он снял с себя ватную куртку, осторожно завернул в нее мальчика и быстрым шагом зашагал в сторону лагеря.

Вечером он пришел ко мне и попросил побыстрее направить его в Ровно.

…Между тем и без того непростое дело заброски Кузнецова в Ровно неожиданно осложнилось. На первый взгляд, речь шла о пустяке, но он мог иметь фатальные последствия. Выяснилось, что Кузнецов иногда разговаривал во сне, и конечно же на родном русском языке.

– Как бы вас эта привычка не подвела, – предупреждал, его Медведев. – Вам надо забыть русский язык. Говорите исключительно по-немецки. Используйте в этих целях доктора Цессарского.

В то время отряд находился в Сарненских лесах, которые раскинулись на десятки километров. Но лес не был сплошным массивом. Он перемежался полями, лугами, населенными пунктами.

Отряд «Победители» сначала насчитывал около ста человек. Обстановка и задачи, решаемые отрядом, не позволяли ему долго задерживаться на одном месте, поэтому отряд непрерывно маневрировал.

В зимнее время бойцы жили в землянках, а в другие времена года – в шалашах и палатках. Лагерь обычно располагался полукругом. В центре полукруга на небольшой поляне размещался костер, вблизи и симметрично от него – штабные палатки, затем палатки медицинской службы, радиовзвод и кухня. Немного за ними – отделение разведчиков-наблюдателей, а дальше располагались боевые подразделения. Такой «населенный пункт» обычно находился на одном месте не более дня.

О боевой задаче Кузнецова в отряде знали лишь сам Медведев, комиссар отряда Сергей Стехов и начальник разведки Александр Лукин. Николай Грачев, прибыв в лагерь, передал командованию на временное хранение свой «Зольдбух» – удостоверение личности военнослужащего вермахта. На первой

странице удостоверения говорилось, что его владельцем является обер-лейтенант Пауль Вильгельм Зиберт, призванный в армию в Кенигсберге. Учетный номер 13(18)110, номер опознавательного жетона – К-4, группа крови «А» (последнее – единственное, что соответствовало истине).

В распоряжении Кузнецова было несколько комплектов офицерского обмундирования, различные ордена и медали, включая два Железных креста, а также специальные удостоверения, принятые в гестапо и абвере.

На награды имелись необходимые документы. Например, в одном из них говорилось: «От имени фюрера и верховного главнокомандующего войсками вермахта награждаю Пауля Зиберта из 230-го пехотного полка Железным крестом I степени. Действующая армия. 4 августа 1940 года. Командир 76-й пехотной дивизии генерал-лейтенант…»

Кузнецов мог смело положиться на «свои» документы. Часть лейтенанта Зиберта была полностью уничтожена под Москвой войсками Красной Армии, а все ее штабные бумаги, личные дела офицерского состава захвачены. В этих условиях проверить личность «воскресшего из мертвых» лейтенанта Зиберта можно было лишь через Берлин, через главное управление кадров гитлеровской армии. Но нужда в такой проверке возникла бы лишь в том случае, если бы Зиберт вызвал подозрение своим поведением. Таким образом, получалось, что судьба Кузнецова оказалась как бы в его собственных руках. Только от него самого зависело, насколько удачно он сможет влиться в среду фашистских офицеров и сыграть роль настоящего немца.

Но все это было еще впереди. Пока же Кузнецов постигал искусство партизанской войны, приобретал боевой опыт, изучал товарищей, с которыми ему предстояло действовать в Ровно.

Комиссар отряда Сергей Стехов так описывает в своем дневнике первые шаги Кузнецова в Сарненских лесах:

> «21.09.1942 г. Ночью вернулся Грачев (с тремя бойцами). Они наткнулись или на засаду, или на передовую группу немецкого подразделения. Противник открыл огонь, но они отвечать не стали (и правильно сделали), так как их задача состояла в том, чтобы вести скрытую разведку. Они отошли немного назад, обошли немцев с фланга и спокойно вернулись на базу. Немцы минут сорок стреляли в темноту. Хитрость – оружие партизана.
>
> 22.09.1942 г. Грачев ходил на разведку в район Рудня Ленчинская. Установил: в Березу прибыло 900

венгерских солдат. Поручили Грачеву написать листовку, обращенную к венгерским солдатам и офицерам. Он мастер на все руки.

27.09.1942 г. Грачев встретился с нашим разведчиком (в окрестностях деревни Карпиловки), который передал, что в деревне остановились на ночлег 30 немцев… Грачев попросил дать ему 10 автоматчиков, что бы уничтожить немцев…»

После месяца пребывания в отряде, наполненного боевыми эпизодами, Кузнецов получил в начале октября указание Центра начать непосредственную подготовку к переходу в Ровно. В это время была в разгаре Сталинградская битва. Любая информация о планах противника в связи с этим имела особую ценность.

Первым побывал в оккупированном Ровно Николай Приходько.

Кузнецов познакомился с ним на подмосковном аэродроме непосредственно перед вылетом их группы на задание.

Приходько имел внушительную внешность. Это был молодой двадцатидвухлетний великан мощного телосложения, темноглазый и черноволосый. Он родился в городе Здолбунов, известном как важный железнодорожный узел недалеко от Ровно.

Война застала Приходько тяжело больным. Его эвакуировали в Пензу, откуда после выздоровления направили в Москву в распоряжение Центра.

Оказавшись снова в родных местах, Приходько мог принести немалую пользу отряду. В Ровно, на Цементной улице, дом 6, жил его старший брат Иван. В Здолбунове – старшая сестра Анастасия Шмерега с мужем Михаилом, который работал столяром в железнодорожном депо.

Пробравшись в Ровно, Николай прежде всего встретился с братом, который у немцев был вне подозрений. Дело в том, что жена Ивана – Софья Иосифовна и ее мать – Берта Грош по происхождению были немками. Это помогло Ивану получить у немецких властей документ о том, что он является якобы фольксдойче, лицом немецкого происхождения. Об этом факте сообщает в своих мемуарах Александр Лукин, заместитель Дмитрия Медведева. Иван, а потом и члены его семьи стали сотрудничать с Николаем и другими бойцами отряда «Победители».

* * *

Михаил Макарович Шевчук, небольшого роста, полный и широкоплечий, с мясистым лицом и проницательными черными глазами, был самым старшим по возрасту в группе Кузнецова. Несколько флегматичный и неразговорчивый, он производил впечатление импозантного, но застенчивого и нерешительного человека. Судя по внешнему виду, трудно было предположить, что Шевчук – старый подпольщик, имевший за плечами огромный опыт нелегальной партийной работы в Коммунистической партии Западной Белоруссии и восемь лет каторги в панской Польше. Неудивительно, что люди, знавшие Шевчука по подполью, считали его исключительно надежным человеком.

В Ровно Шевчук был внедрен под именем и с документами Болеслава Янкевича. Манерами и одеждой он походил на старомодного дельца. Его неизменными атрибутами были темный костюм, котелок и очки, в руке по немецкой моде – букетик цветов. Кстати, подобное одеяние предпочитали и многие немецкие чины в Ровно.

«Пан Болек» – так называли Янкевича знакомые – постоянно толкался возле комиссионных магазинов, посещал рестораны и кафе – словом, бывал всюду, где кружились спекулянты и дельцы.

Янкевичу удалось создать впечатление, будто он являлся сотрудником гестапо. Такого мнения была даже ровенская уголовная полиция, в составе которой было немало местных предателей-квислинговцев.[7] Случалось иногда, что доносчики из числа антисоветски настроенных обывателей сообщали ему имена граждан, сочувствующих Советам, ожидая от него принятия соответствующих мер. Но такой «славе» предшествовал один довольно опасный эпизод.

Агент ровенской криминальной полиции некто Марчук приметил одного солидного господина, который скупал в комиссионном магазине разные вещи, очевидно в целях перепродажи. Однажды Марчук сам видел, как этот господин купил разрозненные хирургические инструменты и дорогой костюм, который был явно не его размера. «Спекулянт», – решил Марчук и задумал вместе со своим приятелем содрать с него взятку. Если же спекулянт заартачится, они пригрозят ему приводом в полицию.

На следующий день Марчук и его сообщник с утра дежурили в магазине. Как только спекулянт появился, они заговорили с ним. Было заметно, что спекулянту не по себе от знакомства. Но полицейские не отставали болтали что-то о дороговизне, о плохом порядке в магазине, пока Марчук не предложил тоном не терпящим возражений:

– Зайдем-ка в ресторанчик, выпьем для знакомства,

поговорим.

– Я не против, – вынужденно согласился спекулянт.

Они долго сидели в ресторане, перепробовали, кажется, все меню, отведали и русской водки, и австрийского рома, и французских вин. Наконец Марчук приступил к осуществлению задуманного.

– Послушай, господин Янкевич, ты разыгрываешь из себя крупного дельца, а на самом деле спекулянт.

Янкевич медленно откинулся на спинку стула, повернул голову в сторону Марчука и пристально посмотрел полицаю в глаза. Затем, не сказав ни слова, он отвернулся от него, протянул руку к бутылке с вином, наполнил фужер, отхлебнул немного и вновь склонился над своей тарелкой, будто ничего не произошло.

Марчук взорвался:

– Ну вот что, дубина, я не люблю трепать языком. Либо ты будешь делиться с нами своими доходами, либо отправим тебя отсюда прямым ходом в кутузку. Суд над тобой мы учиним сами, если потребуется.

Янкевич презрительно прищурил глаза и посмотрел сначала на Марчука, затем на его дружка. Сохраняя присутствие духа, он отпил вина из бокала и угрожающе произнес негромким голосом:

– Разве вы агенты уголовной полиции? Вы мелкие провинциальные воришки, напялившие на себя униформу! Кого вы пугаете? Меня, доверенное лицо третьего рейха! – Янкевич вынул из жилетного кармана овальный металлический жетон и сунул его Марчуку под нос. Это был знак тайного агента гестапо, который ему дал Кузнецов.

Полицаи боялись гестаповцев пуще огня. В мгновение ока от наглости Марчука и его приятеля не осталось и следа. Они начали наперебой извиняться перед «господином паном Янкевичем», с готовностью оплатили чек, поданный официантом, и быстро ретировались из ресторана.

Так Михаил Шевчук создал себе в Ровно особую репутацию среди прислужников оккупантов. Его стали побаиваться, что давало ему новые возможности в ведении разведывательной деятельности.

В октябре 1942 года в целях подготовки переброски Кузнецова в Ровно побывали Поликарп Вознюк, Николай Бондарчук и Николай Струтинский. В это же время Николай Акимович Гнидюк внедрился в Ровно в качестве торговца.

Гнидюк действовал под именем Яна Багинского, уроженца Костополя. Вполне естественно, что он располагал немалыми денежными средствами, которые и «вложил в дело». А. Лукин и Т. Гладков в книге «Николай Кузнецов» пишут, что Гнидюк быстро

завоевал репутацию искусного и предприимчивого спекулянта, который не боится самых рискованных операций и загребает большие деньги. В действительности торговля приносила ему одни убытки и от банкротства его спасали изрядные дотации от командования в виде так называемых «карбованцев», которые выпускал в Ровно Центральный эмиссионный банк Украины. Почему-то так получалось у Гнидюка: чем хуже шла торговля, тем лучше дела в разведке.

Разведчикам Медведева удалось до засылки Кузнецова всесторонне изучить обстановку и режим, установленный немцами в Ровно. Они выявили адреса и местонахождение наиболее важных военных и гражданских учреждений оккупантов: рейхскомиссариат «Украина» находился на Шлоссенштрассе,[8] верховный немецкий суд – на Парадной площади, штаб командующего карательными войсками генерала фон Ильгена занимал двухэтажное здание в самом центре города, штаб начальника тыла германской армии генерала авиации Китцингера помещался на Шульцштрассе, а штаб интендантской службы группы армий «Юг» – в большом здании на окраине Ровно. Кроме того, была раскрыта или уточнена дислокация ряда более мелких штабов и учреждений, а также местожительство крупных нацистских функционеров и генералов.

Кузнецов подолгу размышлял о предстоящей операции, стараясь представить ее во всех возможных деталях, консультировался с Центром, беседовал с Медведевым и Лукиным. Но никакие предварительные меры не могли полностью гарантировать его от провала. Разведчик же, как и сапер, ошибается один раз.

Конечно, подготовка Кузнецова на этом этапе носила не столько технический, сколько психологический характер. Надо было взять себя в руки, обуздать свой гнев и ненависть к врагу.

Командир отряда Медведев не жалел усилий, пытаясь убедить Кузнецова в том, что его главная задача в стане врага будет состоять не в исполнении актов возмездия, а в ведении разведки.

6 ноября 1942 года, как писал Медведев в своей повести «Сильные духом», в лагере царило праздничное настроение. С огромным вниманием партизаны прослушали по радио доклад Председателя Государственного Комитета Обороны, в котором выражалась твердая уверенность в том, что Красная Армия и партизаны разобьют ненавистного врага и погонят его назад.

На другой день состоялся самодеятельный концерт, в котором участвовал и Кузнецов, – он прочитал «Песню о Соколе» Горького. Слушали его затаив дыхание. Горьковские слова о

высоком призвании человека хотелось повторить каждому.

«О смелый Сокол! В бою с врагами истек ты кровью… Но будет время – и капли крови твоей горячей, как искры, вспыхнут во мраке жизни и много смелых сердец зажгут безумной жаждой свободы, света!..»

Медведев вспоминает, что в тот вечер Кузнецов подошел к нему и решительно заявил:

– Прошу немедленно направить меня в Ровно. Слова товарища Сталина о расплате с фашистами обращены в первую очередь ко мне.

– Хорошо, Николай Иванович, готовьтесь, – ответил Медведев.

«Aequam memento rebus in arduis» («Приятель, постарайся остаться равнодушным») – так начинается одна из лучших од римского поэта Горация. Эту оду Кузнецов выучил в оригинале еще в студенческие годы, и никогда не забывал ее. Непроизвольно напевал он слова оды и в тот памятный вечер накануне запланированной поездки в Ровно.

Тайное послание Черчилля Сталину

Еще в начале осени 1942 года к отряду «Победители» присоединилась не совсем обычная группа – семейный «отряд» Струтинских. Глава семьи – Струтинский Владимир Степанович привел с собой сыновей – Николая, Георгия и Ростислава.

Отрядом командовал старший сын Струтинского – Николай. Несколько позднее в отряд пришли его мать – Марфа Ильинична, сестра Катя, младшие братья Вася и Слава, а также тетя по отцовской линии – Ядзя. Струтинские были родом из Западной Украины. Они сразу включились в боевую деятельность отряда, так как хорошо знали местные условия и людей. Даже старая Марфа Ильинична привлекалась к ведению разведки, в частности, с этой целью она ходила в Луцк. Позднее эта мужественная патриотка была убита фашистами.

Главе семейства Струтинских – Владимиру Степановичу было поручено отвезти лейтенанта Пауля Вильгельма Зиберта в Ровно. От партизанской базы до Ровно надо было проделать свыше сотни километров.

По указанию Центра задача Николая Грачева состояла в том, чтобы проникнуть в Ровно, ознакомиться на месте с обстановкой, осмотреть город и быстро возвратиться в отряд. Речь шла о сугубо ознакомительной миссии.

На рассвете из леса выехала коляска. Хорошо накормленные, рыжей масти кони быстро катили ее по полевой дороге. На лошадях была добротная сбруя, украшенная медными бляшками и пластинками. Конские гривы были расчесаны, а хвосты подвязаны.

Пожилой кучер восседал на облучке и негромко поторапливал коней. На заднем сиденье развалился сероглазый мужчина лет тридцати, притворившись, что дремлет. В карманах у него кроме разных документов и эсэсовских жетонов имелась справка, в которой говорилось, что лейтенант Пауль Зиберт является чрезвычайным уполномоченным хозяйственного командования «Викдо» и ведает заготовками провианта в Людвипольском и Клесовском районах Ровенской области. В документе содержалась просьба оказывать сотруднику «Викдо» всевозможное содействие.

Осеннее серое небо повисло над землей и затрудняло обзор. Видимое пространство сжалось до размеров небольшого круга. Было прохладно и сыро. Кузнецов еще и еще раз мысленно проигрывал сценарий своего появления в Ровно. Казалось, он уже достаточно много знал о немцах: работал бок о бок с ними на

Уралмаше, наблюдал, как ведут себя немцы в плену, встречался с ними в бою, видел их и в положении «хозяев» на оккупированной территории. Каждая новая встреча заставляла Кузнецова вносить поправки в, казалось, уже сложившийся образ лейтенанта Зиберта. Но в этом портрете недоставало главного штриха – мнения самих немецких лейтенантов и гауптманов[9] об образе Пауля Зиберта созданного воображением Кузнецова. Как-то примут они его, не обнаружат ли с первого же взгляда, что перед ними вражеский лазутчик, а не свой брат ариец?

Поэтому Медведев на прощание еще раз напомнил, что он не дает Кузнецову никакого задания. Никакого, кроме одного, – походить по городу, привыкнуть к немецкой форме, к немецкому окружению, войти в обстановку и наметить план вживания. Никакой самодеятельности! Осмотреться и немедленно назад, в лагерь!

Километрах в двадцати от Ровно, на Кудинском хуторе, путники сделали остановку в доме Вацлава Дигадлы, родственника Струтинского. Переночевали и утром двинулись дальше. Вблизи Ровно заехали еще к одному родственнику Струтинского, оставили у него коней и повозку, а сами пошли в город.

Они условились, что будут ходить по разным сторонам улиц, не теряя друг друга из виду. Как свидетельствуют А. Лукин и Т. Гладков, лейтенант Зиберт, расхаживая по улицам Ровно, строго по-уставному отдавал честь старшим по званию немецким офицерам и небрежно отвечал на приветствия солдат, встречавшихся ему на пути. Время от времени он останавливался у витрин магазинов, у кафе и рекламных щитов кино.

На углу Парадной улицы лейтенант купил в киоске несколько газет, но читать их не стал. Он лишь бегло просмотрел заголовки и, свернув газеты, сунул их в карман. У ресторана «Дойчегофф» (на дверях надпись: «Только для немцев») лейтенант остановился, подумал мгновение и шагнул внутрь. Заказал кофе и рюмочку коньяка.

Через десять минут он вновь был на улице.

На следующем углу лейтенант купил пачку сигарет и коробок спичек. По пути, в большом сквере, присел на скамейку и закурил. «У немцев не принято курить на ходу», – вспомнил он слова инструктора в учебном центре под Москвой.

– Когда я ходил по улицам Ровно, у меня от страха тряслись руки и ноги, только о том и думал, что меня вот-вот схватят, – рассказывал Владимир Струтинский по возвращении в отряд. – Завидев жандарма или полицейского, я немедленно поворачивал назад или переходил на другую сторону улицы. А Николай

Иванович, вижу, держится молодцом. Шагает спокойно, уверенно, останавливается у витрин магазинов. На приветствия немцев отвечает как положено. Четыре часа ходили мы так по городу.

После осмотра города Струтинский отвел Кузнецова к своему родственнику Казимиру Добровскому, который держал шорную мастерскую. Добровский поклялся советскому разведчику, что будет помогать партизанам.

Было около двух часов дня, когда Кузнецов и Струтинский вышли из города. В шесть часов вечера там вступал в силу полицейский час. На базу они возвращались на своем фиакре и через два дня прибыли на место.

Сохранившиеся документы говорят о том, что Кузнецов был доволен своим первым посещением Ровно и тем, как он себя вел. Его поведение, кажется, не вызвало подозрений, за исключением отдельных моментов, которые следовало учесть в будущем. Так, он был без шинели и в легком кителе, а на голове у него была пилотка, которые обычно носят фронтовики. Большинство же офицеров, которых он видел в Ровно, были в плащах и фуражках.

В тот же вечер Медведев доложил Центру, что первый выход Кузнецова в Ровно прошел нормально и подтвердил его готовность к выполнению задания. В телеграмме также сообщалось, что Кузнецов наблюдал в Ровно большое скопление машин и повозок, оживленное движение на главных улицах. По оценке Кузнецова, ему пришлось обменяться приветствиями с тремя сотнями солдат и офицеров.

В Ровно засылались одновременно и независимо друг от друга многие разведчики. Каждый со своим заданием. Медведев, провожая их, всегда говорил: «Если встретите своих, не удивляйтесь, не здоровайтесь, пройдите мимо, как будто вы незнакомы».

Через несколько дней после возвращения из первой «командировки» в Ровно Кузнецов вновь отправился туда на знакомой коляске. На сей раз кучером у него был Николай Гнидюк, по документам значившийся как Ян Багинский.

Разведчикам, наблюдателям и связным, действовавшим в Ровно, пишет А. Лукин, не надо было каждый раз возвращаться в отряд. Их путь, как правило, заканчивался на «зеленом маяке», вблизи села Оржева, что в двадцати километрах от Ровно. Здесь они сдавали донесения и материалы специальным дежурным, отдыхали, получали новые задания и возвращались назад. Позднее такой же «зеленый маяк» был создан вблизи Луцка.

Когда Грачев возвращался на «зеленый маяк», его обязательно встречала группа прикрытия и сопровождала затем до самой базы. Эта же группа сопровождала его и на обратном

пути от базы до «маяка».

Первое время Кузнецов добирался из города до «маяка» и обратно на лошадях. Позднее стал чаще пользоваться мотоциклом или легковым автомобилем, которые обычно «одалживал» у немцев.

В Ровно он сначала жил на квартире Ивана Струтинского или у его родственника Казимира Добровского. Затем он не раз менял квартиры.

Дня через три после отъезда Кузнецова в Ровно в отряде едва не возникла паника. Произошел необычный случай, породивший сначала самые худшие предположения в отношении судьбы Кузнецова и Гнидюка.

На запряженной двумя рыжими лошадьми коляске, той самой, которая только что увезла в Ровно Кузнецова, в отряд прибыли из Ровно два разведчика – Мажура и Бушнин.

– Где ты взял повозку и коней? – спросил Мажуру Медведев, охваченный тревогой.

– И не догадаешься, командир… У немцев одолжили!

– У каких немцев, расскажи толком, как это случилось.

– Все произошло, как в сказке, командир. Только приготовились мы уходить с «маяка» сюда к вам, на базу, откуда ни возьмись подкатил немецкий офицер на коляске с кучером. Мы их из окна увидели. Офицер сошел с коляски и куда-то пропал. Кучер задал лошадям корм и тоже ушел… А мы себе думаем: зачем пешком тащиться в такую далъ, когда такие красавцы есть. На повозку и… дали тягу…

* * *

Пауль Зиберт приспосабливался к обстановке в Ровно продуманно и осторожно, старался быть незаметным и ненавязчивым. Он опасался заходить в немецкие воинские и гражданские учреждения, так как понимал, что, хотя его документы сработаны безукоризненно, они все равно были фальшивыми. Поэтому Кузнецов решил сделать главным полем своей деятельности места, где немецкие офицеры проводили свободное время. Таковыми были лучший в городе ресторан «Дойчегофф», ресторан при вокзале, казино, некоторые кафе и магазины, доступ в которые местным жителям был закрыт.

«Aequam memento rebus in ardtiis» («Приятель, постарайся остаться равнодушным»), – говорил он сам себе, непринужденно входя в зал ресторана и рассеянно переводя глаза с одного стола на другой, выискивая место поудобнее. Обычно он предпочитал

стол, за которым сидел одиночный посетитель, или же такой, который располагался поближе к какой-либо шумной компании, уже изрядно захмелевшей. В первом случае легче было познакомиться с соседом по столу, во втором имелась возможность слышать разговор немцев.

Лейтенант Зиберт, по свидетельству его коллег, был тактичен, учтив, представителен и ненавязчив. Он точно угадывал момент, когда следовало представиться своему соседу, чувствовал, что тот готов первым начать разговор. Иногда, чтобы заговорить с соседом, он придумывал какой-либо повод: просил передать ему соль, уточнить, который час.

Терпение, сдержанность, видимое безразличие. Вопрос, заданный раньше времени или в неудачной форме, мог привлечь к нему внимание, а то и вызвать подозрение. Нельзя было спрашивать о вещах, очевидных для офицера вермахта.

Несомненное обаяние, чувство такта и меры, естественная коммуникабельность позволили Кузнецову завязать первые знакомства и закрепить их. Кузнецов особенно пришелся по душе коменданту полевой жандармерии Ришарду, которому нравилось общество щедрого и изысканного лейтенанта, тем более что у него всегда можно было одолжить сотню-другую марок.

Ришард обожал женское общество и, веселые компании и был большой любитель потрепать языком. Однажды он подробно рассказал Кузнецову о предстоящей массовой облаве в Ровно и окрестностях; в другой раз назвал ему пароль для свободного хождения по ночному городу.

Эти и другие сведения Кузнецов немедленно передавал в отряд для своевременного принятия необходимых мер. В отряд также направлялись многочисленные сведения о дислокации и передвижении немецких воинских частей и много другой ценной информации.

В один прохладный дождливый вечер лейтенант Зиберт сидел в зале ресторана «Дойчегофф», заполненного почти до отказа. Правда, за столом, который занимали они с Ришардом, оставалось два свободных места. Командир жандармерии Ришард пил ром стопку за стопкой, не переставая жаловаться на некоего мифического обер-лейтенанта Фридриха Хойзингера, который вот уже два месяца якобы не возвращает ему долг. Просто как в воду канул, а ему деньги нужны позарез, так как он познакомился с красивой девушкой из числа фольксдойче. У него в отношении этой девушки самые честные намерения. Завтра вечером он должен встретиться с ней.

Кузнецов делал вид, что сочувствует Ришарду. В это время к столу подошли два офицера.

– Не позволят ли господа офицеры сесть за их стол? – обратился к Зиберту и Ришарду высокий майор крепкого телосложения. Он был в полевой форме. Рядом с ним стоял невысокий худощавый капитан с мелкими чертами лица.

– Рады гостям, господин майор! – ответил Зиберт. – гости – украшение дома, – добавил он с приветливой улыбкой.

Майор и капитан, очевидно, уже угощались где-то – от них сильно пахло спиртным. Майор сел рядом с Ришардом, вынул пачку дорогих египетских сигарет и угостил присутствующих. Они закурили. Внимание Зиберта привлекло лицо майора: в нескольких местах оно было изборождено багровыми шрамами. Майор производил впечатление незаурядного человека, привыкшего к опасностям и трудностям. Судя по всему, он был при деньгах – последовали заказы дорогих французских вин и щедрые чаевые официанту.

На свою квартиру в доме Ивана Приходько Кузнецов вернулся глубокой ночью. Он был удовлетворен полученной информацией и сразу же составил донесение командиру отряда Медведеву, в котором говорилось:

> «Судя по всему, в Ровно находится специальная диверсионная группа Вильгельма Канариса.[10] Она имеет важную задачу относительно Кавказа… Гитлеровцы намереваются неожиданным нападением захватить нефтепромыслы Баку или взорвать их. Сведения получены из личного разговора с нацистским майором Йоханом Зелером и капитаном Вагнером, которые следуют на Кавказ.
>
> Николай Грачев».

Донесение Кузнецова было немедленно передано в Центр по радио.

К тому времени Москва уже располагала аналогичными сведениями, полученными из других источников. Так, английский посол в СССР А. КларКер передал наркому иностранных дел В. Молотову следующий документ:

> «Строго секретное и личное послание от премьер-министра г-на Уинстона Черчилля г-ну Сталину.
>
> 1. Из того же самого источника, который был использован для того, чтобы предупредить Вас о предстоящем нападении на Россию полтора года тому назад, я получил следующую информацию. Я полагаю, что этот источник заслуживает абсолютного доверия. Пожалуйста, пусть это будет только для Вашего

сведения.

Начало:

«Немцы уже назначили адмирала, которому будут поручены военно-морские операции на Каспийском море. Они избрали Махачкалу в качестве своей главной военно-морской базы. Около 20 судов, включая итальянские подводные лодки, итальянские торпедные катера и тральщики, должны быть доставлены по железной дороге из Мариуполя на Каспий, как только будет открыта линия. Ввиду замерзания Азовского моря подводные лодки будут погружены до окончания строительства железнодорожной линии».

Вскоре И. Сталин получил от У. Черчилля очередное послание, в котором, в частности, говорилось:

«Не сомневаюсь, Вам известно о том, что, если Гитлер потеряет надежду взять Баку, он будет пытаться разрушить его с воздуха.

Прошу Вас доверять моей информации».

Советский посол в Великобритании Иван Майский передал позднее Антони Идену ответное послание Сталина Черчиллю:

«Личное послание от премьера Сталина премьер-министру Черчиллю.

Нас очень радуют Ваши успехи в Ливии и успешное начало операции «Факел». Желаю полного успеха.

Благодарю за предупреждение насчет Баку. Нами принимаются меры отпора».

Кузнецов обладал удивительной интуицией и способностью войти в контакт с интересующим его человеком, вызвать его на откровенный разговор. Таким путем он неоднократно получал тайные сведения кардинального значения. Одной из таких тайн были планы Канариса на Кавказе.

Немецко-фашистские войска на Северном Кавказе были разгромлены.

Гитлеровские генералы в своих мемуарах пытаются свалить вину за поражение на Кавказе на Гитлера. Они ссылаются на то, что операция на Кавказе была «недостаточно подготовлена», что «неожиданно» трудными оказались географические условия этого района. Одним словом, генералы «ни в чем не виноваты».

Осенью 1942 года после краха операций «Эдельвейс» и «Тамара», имевших целью захват Кавказа, фашистское

руководство провело совещание на высшем уровне. На совещании присутствовали: Гитлер, Геринг, Гиммлер, Кейтель, Борман, Йодль, Миллер, Канарис, Манштейн и другие.

– Повторяется история первой мировой войны, – раздраженно заявил Герман Геринг. – Немцы снова испытывают голод на горючее, тогда как у наших противников его достаточно. Что нам делать после неудачи на Кавказе? Может быть, после того как возьмем Сталинград, нам следует рассчитывать на источники нефти, расположенные между Волгой и Уралом? Фюрер на это надеется, мы все на это надеемся, но удовлетворят ли эти источники наши огромные потребности?

Судить об исходе войны было еще рано. Пройдет почти целых три года, прежде чем в подземном бункере в окруженном Берлине персона номер два третьего рейха Герман Геринг меланхолично вспомнит изречение: «Лучше страшный конец, чем страх без конца».

«Охота на индюков»

В июле 1942 года в Москву из различных источников стала поступать информация о том, что высшее руководство фашистской Германии, включая Гитлера, обосновалось на оккупированной советской территории, создав там нечто вроде полевой ставки.

Центр отдал распоряжение разведывательным группам и партизанским отрядам Украины и Белоруссии проверить достоверность этой информации, предупредив, что поиск гитлеровской ставки следует осуществлять максимально скрытно, чтобы не насторожить немецкую контрразведку и службу безопасности.

В августе советская служба радиоперехвата отметила активизацию немецкой радиосвязи по каналам Берлин – район восточнее Карпат – штабы групп армий «Север», «Центр» и «Юг».

Перехваченные радиограммы дешифровать, однако, не удалось.

В связи с этими фактами в Центре строились различные предположения и версии. Было мнение, что противник усилил радиообмен с целью дезинформации советского командования. Такой прием немцы применяли во время второй мировой войны нередко. Затем предположили, что в Центральной Украине противник накапливает силы для организации нового наступления на Москву. Однако данные наземной и авиационной разведки не подтвердили эту версию.

Между тем от партизан и разведчиков, действовавших на оккупированной территории, поступала все новая информация, которая в Центре тщательно анализировалась и сопоставлялась.

Медведев сообщил, что, по его мнению, в районе Ровно гитлеровской ставки не было и нет, хотя город регулярно посещают высокопоставленные германские функционеры. Вместе с тем он обращал внимание на то, что дорога Киев – Луцк усиленно охраняется немцами.

Центру также было известно, что в районах Ровно Винницы и Шепетовки немцы располагали крупными силами истребительной авиации и зенитной артиллерии и что в последнее время противник значительно укрепил гарнизон своих войск в Житомире.

В это время произошел один случай, который со всей очевидностью свидетельствовал в пользу версии о том, что полевая ставка Гитлера находится где-то на советской территории. Под Белгородом был сбит легкомоторный немецкий

самолет. Пилот самолета погиб, а двое пассажиров – полковник и лейтенант – благополучно приземлились на парашютах. Но на земле, видя, что их обнаружили советские солдаты, немцы покончили с собой, не успев, однако, уничтожить сумку с документами.

Среди документов, которые адресовались командующему немецко-фашистскими войсками под Сталинградом, имелось распоряжение, подписанное лично Гитлером всего лишь за несколько часов до того, как самолет был сбит.

Этот случай послужил основанием для еще большей активизации поиска полевой ставки Гитлера. С ведома Верховного Главнокомандования Красной Армии Центр отдал необходимые распоряжения подчиненным ему силам и средствам. Были приняты также меры по координации усилий всех видов разведки, в том числе авиационной.

* * *

…Лейтенант Пауль Зиберт в один из этих дней находился в офицерском казино в обществе своего нового приятеля майора СД Иогана Гейнриха, занимавшего важный пост в рейхскомиссариате, и двух девушек – дочерей местного торговца, точнее говоря, спекулянта Померанского. Зиберт вел с ним торговые дела, и однажды в порыве откровения Померанский признался, что разрешение заниматься торговлей ему, как тайному агенту гестапо, выдал лично шеф службы безопасности доктор Йоргельс.

Дом и магазин Померанского были местом, где любили собираться немецкие офицеры и всякого рода жулики, спекулянты, доносчики, агенты и другие «сливки» городского сброда из числа прислужников оккупантов. Среди них был и немецкий агент Янковский, из ровенских мещан, который однажды, хлебнув лишнего, хвастался перед Зибертом тем, что знает обо всех секретах в городе и окрестностях.

– Вот, например, скажу тебе, что в партизанских отрядах на Волыни и в Подолии есть наш человек – господин Васильчевский. Он так ловко действует, что вошел в доверие к командованию. Это, господин лейтенант, весьма способный человек. Можно подумать, что он трижды доктор наук… Представить только себе, что наш агент является главным связным между командованием отдельных партизанских отрядов и их подпольщиками в городе. Вот почему постоянно заполнены тюремные камеры.

Когда эти сведения были переданы в Москву, оттуда сразу

последовало указание командирам соответствующих партизанских отрядов усилить меры против инфильтрации вражеских агентов.

– Слышали ли, господин Зиберт, печальную новость? – спросил однажды Янковский Зиберта. – Схватили партизаны Васильчевского и, кажется, прихлопнули. На чем-то споткнулся. Говорят, что любовница, жена приятеля, выдала его. Потеря, какая потеря, господин лейтенант! Такой способный был человек!

Майор Гейнрих оказался для Кузнецова поистине «золотой рыбкой». Именно от него Кузнецов получил ценную информацию, которая в конечном итоге помогла установить местонахождение полевой ставки Гитлера. Вся эта операция разрабатывалась под руководством Медведева, а Кузнецов дал ей название – «Охота на индюков».

Где же Гитлер!

Зима в 1942 году началась рано, уже во второй половине октября. Хмурое и туманное утро. Темные ветви деревьев упираются в низкое небо. На небольшой поляне, где разместились землянки партизан, кружит метель, наметая сугробы. Туман сгущается, и все окружающее тонет в его мутной завесе.

Кузнецов вышел из штабной землянки подышать свежим воздухом: Вид у него усталый, глаза воспаленные. Минувшей ночью он не спал ни минуты, разрабатывая вместе с Медведевым и другими товарищами детали операции «Охота на индюков». Ломали голову над тем, где находится главарь фашизма и как до него добраться.

Украина велика. Она простирается более чем на 600 тысяч квадратных километров. Фашисты разделили ее на четыре части. В которой же из них обосновался Гитлер? Как это выяснить? В условиях оккупационного режима даже обычное перемещение представляет для разведчика серьезную проблему. В каждой из «четырех» Украин установлен свой особый пропускной режим, особые документы и деньги. Более того, Украина была перекроена и поделена.

Ровно был «столицей» так называемой настоящей Украины, в состав которой входили территории районов Киева, Житомира, Волыни, Подолии, Запорожья и Полтавы. Эта территория находилась под управлением рейхскомиссариата «Украина». В ее «столице» Ровно располагалась резиденция Эриха Коха, одновременно являвшегося заместителем Гитлера по оккупированным восточным районам и гауляйтером Восточной Пруссии. По этой причине Кох проводил немало времени и в Кенигсберге. Коху были подчинены генеральные комиссары, осуществлявшие власть на местах.

В Кракове находилась резиденция Ганса Франка. Он был правителем западных областей Украины, включенных в так называемое польское генерал-губернаторство. Генерал-губернаторство входило в состав «дистрикта «Галиция» с центром во Львове, которым управляли губернатор профессиональный разведчик эсэсовец Вехтер и его заместитель вице-губернатор Отто Бауэр.

Фашистская Румыния маршала Антонеску требовала свою долю добычи за участие в войне на восточном фронте. Несколько румынских армий бесславно сражались на стороне вермахта под Воронежем и на подступах к Сталинграду. Своему сателлиту немцы выделили так называемую «Трансистрию» с центром в

Одессе. В нее входили территории междуречья Буга и Днестра, а также Буковина, известная своими природными богатствами.

Харьковская, Черниговская, Сумская области, а также Донбасс и Крым находились в прифронтовой полосе и управлялись непосредственно военным командованием. Эти районы именовались военными зонами.

Кузнецов вновь спустился в штабную землянку.

– Мне кажется, – сказал он, – что в районе старой, а тем более новой советско-польской границы главной немецкой штаб-квартиры не может быть. Судите сами, – склонился он над большой картой западных районов Украины, доставленной из Москвы Два дня тому назад, – какой резон немцам останавливаться здесь, что они выигрывают? До фронта далеко, До Германии – рукой подать. Думаю, что штаб-квартиру нечего искать и вблизи фронта, – это было бы опасно для Гитлера. Наконец, еще одно – штаб-квартиры не может быть и в районах активного партизанского движения.

После обстоятельной дискуссии участники совещания решили, что наиболее вероятна дислокация штаб-квартиры Гитлера в четырех географических районах: Ровно, Луцк, Киев, Винница.

Медведев заметил при этом:

– Едва ли немцы разместили штаб-квартиру в центре какого-либо города или на одной из главных улиц. Это было бы слишком заметно. Скорее всего, они выбрали окрестности населенного пункта, где имеется развитая сеть дорог и в то же время легче замаскировать объект и организовать его охрану.

Началось тщательное обследование избранных районов. Прежде всего прочесали город Ровно и окрестности. Кузнецов, Шевчук, Гнидюк, Приходько, Струтинский, Мажура, Бушнин и их товарищи осмотрели все мало-мальски подозрительные объекты, но ни следов, ни признаков гитлеровской штаб-квартиры не обнаружили.

После этого наступила очередь Луцка. В этом городе находилась резиденция генерального комиссара Волыни и Подолии генерала Шена, выделявшегося даже среди фашистских палачей свирепостью. Подпольщикам Луцка приходилось нелегко. Но, несмотря на это, партизанские разведчики вместе с местными подпольщиками в течение двух суток прочесали город и его окрестности. Их мнение было едино: Луцк из списка подозреваемых объектов можно исключить, гитлеровской штаб-квартиры здесь нет.

Не обнаружили ее и в Киеве и его окрестностях.

Последней в списке стояла Винница. Этот город находится на

реке Южный Буг, и в то время он насчитывал около ста тысяч жителей. У Винницы древняя история. Не раз в этом районе развертывались военные баталии. Немецкие фашисты установили в Виннице жесточайший режим оккупации. Деятельность подполья и советской разведки в городе была крайне затруднена. Что касается отряда Медведева, то он находился от Винницы в 450 километрах, это превышает расстояние между Белградом и Будапештом.

Тем не менее надо было разведать и этот район. Но как? Этот эпизод подробно описывают А. Лукин и Т. Гладков в своей книге «Николай Кузнецов». Они отмечают, что на каком-то этапе поиска внимание разведчиков привлек один из номеров газеты «Волынь», которую оккупанты издавали в Ровно на украинском языке. Эту антисоветскую газетенку под эгидой оккупантов выпускал националист, предатель украинского народа Влас Самчук. В штабе партизанского отряда эту газету читали гораздо внимательнее, чем в гестапо, которое ее финансировало. Разведке партизан газета оказала немало ценных услуг.

Хорошо известно, что изучение и анализ газет противника – важный источник разведывательной информации. Эта истина подтвердилась и на сей раз. В одном из номеров «Волыни» было помещено сообщение о том, что в Виннице состоялось представление оперы Вагнера «Тангейзер», на котором присутствовал генерал-фельдмаршал Вильгельм Кейтель, начальник штаба верховного главнокомандования вермахта.

Эта информация не могла не привлечь особого внимания. На самом деле, что мог делать в Виннице, небольшом городе, генерал-фельдмаршал Кейтель? Конечно, он мог оказаться там случайно, проездом. А если нет? Ясно, что факт требовал дополнительной проверки.

Через несколько дней после этого случая поступила новая информация. Кузнецов, вернувшийся в Ровно, чтобы там искать ответ на поставленный Москвой вопрос, прислал в отряд экземпляр газеты «Дойче Украинише Цайтунг», которая выходила в Луцке на немецком языке. (Луцк расположен в 70 километрах западнее Ровно.) В рубрике «Хроника» этого номера газеты Кузнецов подчеркнул красным карандашом небольшую заметку. В ней говорилось, что в Виннице состоялся концерт берлинской королевской оперы, который удостоил своим присутствием лично рейхсмаршал Герман Геринг, вторая по рангу персона в фашистской империи.

Сопоставление двух сообщений о событиях в городе, который, кстати сказать, отвечал объективным требованиям обстановки, позволило предположить, что Гитлер мог избрать Винницу

местом дислокации своей главной штаб-квартиры. Доводы в пользу этой версии выглядели довольно обоснованными, но они еще не позволяли сделать окончательный вывод.

В истории разведки есть немало случаев, когда соединяется воедино, казалось бы, взаимоисключающее и, наоборот, когда рассыпается в прах то, что на первый взгляд выглядело логичным и обоснованным. Такие заблуждения могут обойтись очень дорого.

Обо всем этом было доложено в Центр, откуда поступило указание еще больше активизировать поиск местонахождения штаб-квартиры.

Медведев и Лукин вспомнили, что некоторое время тому назад в их отряд пришел Василий Неудахин, бежавший из немецкого концлагеря, расположенного где-то под Винницей. Они решили побеседовать с ним.

– В лагере, летом сорок второго года, – рассказал Неудахин, – ходили разговоры о том, что немцы строят в окрестностях Винницы крупные объекты, но какие именно, никто не знал. Точно могу сказать лишь одно: на эти работы из нашего лагеря было послано несколько тысяч заключенных, однако никто из них назад не возвращался. Всех их там расстреливали.

Кузнецова снова вызвали в отряд для обмена информацией. Здесь с большим интересом ожидали его сообщения о рейхскомиссаре Эрихе Кохе, который редко бывал в Ровно.

Однажды в доме Померанского Кузнецов как бы ненароком сказал майору Гейнриху:

– Приближается зима. Она у русских очень суровая. Хорошо бы на это время оказаться где-нибудь на юге, например в Одессе или Кишиневе. Я бы, пожалуй, не стал возражать и против Винницы, даже там теплее, чем в этих краях.

– Да, в этом отношении можно позавидовать рейхскомиссару Коху, – поддержал разговор майор Гейнрих. – Он как птица перелетная. Как только ударили морозы – сразу на юг. Вчера утром отбыл в Винницу. Сказал, что едет немного поохотиться на оленей. Говорят, у него великолепная коллекция охотничьих трофеев почти как у рейхсмаршала Геринга. Кстати, поехал он не один, а прихватил с собой шикарную блондинку лет двадцати пяти.

Кузнецов сделал вид, что его мало интересует, что делает и где находится гауляйтер Кох.

В это же время центру стало известно о том, что генеральный комиссар Киева Магуниа и генеральный комиссар Николаева Опперман неожиданно отбыли в Винницу. Это были уже веские аргументы, но и они требовали подтверждения. Дело в том, что

Кох нередко проводил совещания генеральных комиссаров не в Ровно, в «столице», а в других городах. Наверняка можно было сказать лишь одно – Кох отбыл не на охоту. Охота – это предлог, маскировка.

Между тем в Центр поступили сведения от украинских партизан – от генерала Сабурова, который сообщал, что рейхсфюрер СС Генрих Гиммлер со своим аппаратом находится в Житомире. В Центре сначала решили, что пребывание Гиммлера в Житомире – верный знак того, что где-то в окрестностях этого города находится и сам Гитлер. Но в это время поступила информация от Кузнецова, поставившая эту версию под сомнение.

Один «приятель» Кузнецова, офицер СД, рассказал ему, что на днях ему было приказано явиться в Житомир лично к рейхсфюреру СС Гиммлеру. Но когда майор прибыл в Житомир, он рейхсфюрера там не застал. Офицеру сказали, что рейхсфюрер срочно вызван куда-то недалеко и неизвестно, когда он вернется. Офицер, правда, не называл Кузнецову имени Гиммлера. Но этого и не требовалось, Кузнецов хорошо знал, что в Германии был всего один рейхсфюрер СС – Генрих Гиммлер.

Сразу возникал вопрос: «Кто мог вызвать, причем срочно, всемогущего шефа гестапо?» Ответ мог быть лишь один – Адольф Гитлер. Что касается места, куда его вызвали, то им вполне могла быть Винница.

Центр предложил Медведеву попробовать захватить в Ровно какого-либо высокопоставленного сотрудника рейхсканцелярии. Но осуществление такой операции было связано с немалыми трудностями. А самое главное, это могло насторожить немцев и демаскировать советских разведчиков в Ровно.

По этой причине предложенный Центром вариант был скорректирован. Решили захватить «языка» с помощью подвижной засады, которая должна перехватить где-либо на дороге немца, имеющего доступ в гитлеровскую штаб-квартиру, или информированного о месте ее дислокации.

В последнее время Кузнецов стал чаще встречаться со своими «приятелями» из администрации рейхсканцелярии. Остроумный и симпатичный лейтенант Пауль Зиберт, у которого всегда были при себе свободные деньги, пользовался популярностью среди фашистских офицеров.

Выше уже отмечалось, что по официальной версии Зиберт был сотрудником команды, занимавшейся изъятием материальных ресурсов оккупированных районов в пользу вермахта. Это учреждение предоставляло своим работникам многие официальные и неофициальные источники «личных доходов», недоступные армейским офицерам. Поэтому Зиберт мог

позволить себе сорить деньгами, не вызывая подозрений. Не только лейтенанты, но и капитаны и майоры не считали зазорным водить компанию с Зибертом и набивались к нему в приятели.

Особенно «сдружился» с Зибертом ответственный сотрудник рейхскомиссариата майор Гейнрих, рассчитывавший поживиться за счет добряка-лейтенанта. Кузнецов быстро понял тайные мотивы поведения Гейнриха и пользовался ими искусно. Он устраивал разного рода увеселительные вылазки и вечеринки, на которых неизменно присутствовал майор Гейнрих.

В рамках подготовки операции «Охота на индюков» Кузнецов решил завязать с Гейнрихом еще более тесные отношения.

Однажды в офицерском казино лейтенант пожаловался ему, что его угнетает скучная и однообразная жизнь в тылу.

– Э, мой дорогой Зиберт, вы большой идеалист и добряк. Или вы не понимаете, что сейчас не время самаритян? В условиях, когда события меняются с такой головокружительной быстротой, никогда не надо упускать миг удачи. Сегодня мед сам течет вам в рот, а завтра вы можете оказаться где угодно: будь то холодные окопы Сталинграда или горячие пески Африки. Вы же совершенно игнорируете возможности, которые вам предоставила судьба. Завтра всего этого может не быть!

– Вот не думал, что я произвожу такое впечатление на окружающих, – прикинулся простачком Кузнецов. – Скажу вам откровенно, что я совсем не чужд радостям жизни. Но они невозможны без денег, вы это знаете не хуже, чем я. Может быть, господин майор знает какую-нибудь золотоносную жилу? Если так, я готов немедленно вступить с вами в долю! – Кузнецов громко рассмеялся и слегка ударил ладонью по столу.

– Под такой жилой я мыслю приятельские отношения, – сухо ответил Гейнрих, прикусывая то верхнюю, то нижнюю губу в ожидании реакции Зиберта на его откровенное предложение.

Предложение майора не было для Зиберта неожиданным. Он помолчал, сколько того требовала учтивость, с тем чтобы затем осторожно задать вопрос по существу.

– Я вижу, что вы от меня что-то скрываете, господин майор. А между тем мы могли бы сотрудничать не только в деле добычи и переработки собственного злата, но и путем изъятия того, что добывают другие, превращая все это в дивные монеты, которые так скрашивают нашу короткую жизнь.

Гейнрих рассказал, что у него есть влиятельный приятель, который связан по службе с многими высокопоставленными офицерами и чиновниками, ведающими снабжением армии. В силу своих служебных обязанностей этот приятель часто

посещает различные города на оккупированной территории.

– Когда мы могли бы с ним встретиться? – спросил Зиберт совершенно нейтральным тоном, как бы подчеркивая, что его интересует лишь деловая сторона отношений с будущим партнером.

Гейнрих ответил, что в данное время его приятель должен находиться где-то южнее. Он участвует в работе какого-то важного совещания, после чего заедет в Киев. Оттуда на днях он вернется в Ровно, и Гейнрих их познакомит.

– Познакомите нас прямо на вокзале? – рассмеялся Зиберт.

– Почему на вокзале? Они все следуют автомашинами. Встретимся у меня.

Эту информацию трудно было переоценить. Кузнецов срочно передал ее в штаб отряда и в Центр. Майор Гейнрих в своей погоне за деньгами навел советскую разведку на путь, каким следовало захватывать важного «языка».

Похищение имперского советника

Партизанское движение на оккупированной территории Советского Союза особенно усилилось с лета 1942 года. Это подтверждается тем фактом, что немцы были вынуждены постоянно выделять для охраны своего тыла десятки дивизий. «Летом и осенью 1942 года, – пишет немецкий военный историк Норберт Мюллер, – для обеспечения коммуникаций в оккупированных советских районах и для борьбы против партизан было выделено, по неполным данным, около 350 тысяч немецких солдат».

Советская авиационная разведка и партизаны обратили внимание на то, что особенно сильно охраняется маршрут Киев – Винница – Львов. Повышенное внимание к этому пути можно было объяснить тем, что это была главная артерия снабжения двух наиболее мощных группировок фашистской армии: «Юг» и «Центр». Интересно отметить, что, полагаясь на усиленную охрану дороги, немецкие транспортные автомобили следовали по ним почти без конвоя, не принимая дополнительных мер безопасности.

На этом фоне бросался в глаза строгий пропускной режим, введенный на лесном участке дороги недалеко от Винницы.

Через много лет после описываемых событий Александр Лукин объехал места, где воевал Кузнецов. Побывал он и в Виннице. На восьмом километре шоссе Винница – Киев ему встретилось село Михайловка, расположенное на берегу Южного Буга. Не заезжая в село, Лукин поехал по дороге, уходящей направо, и скоро оказался в прекрасном сосновом бору. Вдали на опушке леса виднелась цепочка приземистых домиков. Внимание прославленного партизана не привлекли яркие рекламные щиты с надписями «Кемпинг» на русском и английском языках. Не остановился он и около источника родниковой воды, где скопилось немало советских и иностранных туристов. Его путь лежал к памятнику, что стоит недалеко от кемпинга.

Монумент воздвигнут над братской могилой, в которой покоится прах тех 14 тысяч человек, что строили из железа и камня гитлеровское убежище «Вервольф» – «Оборотень». В большинстве своем здесь захоронены советские военнопленные, а также поляки, югославы, чехи, бельгийцы, норвежцы. На краю деревни Стрижавка есть еще одна братская могила безымянных строителей штаб-квартиры. Здесь похоронена тысяча человек.

Лукин внимательно осматривал место, откуда на протяжении многих месяцев исходили команды, направлявшие армии

вермахта, где принимались решения о том, чтобы стереть с лица земли города и села, ликвидировать целые народы. Таким путем третий рейх пытался установить свое господство над миром.

На холмистой местности имеется немало кемпингов и селений, которые ничем не отличаются от Михайловки. Это Стрижавка, Калиновка, Якушинцы, Кордильевка, Павловка…

Но это подобие исчезает, как только путник входит в лес за деревней Михайловкой. Сначала ему бросается в глаза полуразрушенная асфальтовая дорога, которой, как видно, давно не пользуются. Затем он встречает на своем пути остатки железобетонных конструкций из огромных столбов и мощных перекрытий. Всюду валяются искореженные и порванные рельсы. Здесь же развороченные авиационными бомбами и снарядами бункеры и подземные ходы сообщения. Хочется поскорее пройти это сумрачное место, на котором лежит печать проклятия.

– Жаль, что не схватили его тогда, – с сожалением сказал Лукин своим спутникам. – Но все равно от наказания он не ушел.

* * *

Холодный угрюмый зимний день. Время только что перевалило за полдень. Над поляной, окруженной лесом, повис летний туман. Десятка два людей сгрудились около костра погреться перед дальней дорогой. Светловолосый «немецкий» лейтенант с автоматом в руках командует:

– По повозкам! Поехали!

Из леса, недалеко от большого села Рудня Бобровска, выехали пять длинных конных повозок. Подпрыгивая на неровной дороге, повозки направлялись окружным путем к шоссе Ровно – Киев, а точнее, на участок Ровно – Костополь.

На передней повозке находился «немецкий» офицер. Он был одет в длинную шинель и вооружен автоматом, который висел на ремне, перекинутом через шею, и парабеллумом. Кобура пистолета была расстегнута.

Спутниками Кузнецова были: Николай Струтинский, Михаил Шевчук, Николай Гнидюк, Петр Дорофеев, Алексей Глинко, Валентин Семенов, Виктор Семенов, Сергей Рощин, Николай Бондарчук, Иван Безукладников, Николай Приходько и другие. Они были вооружены автоматами, пулеметами, винтовками, ручными и противотанковыми гранатами. Эти люди играли роль полицаев, сопровождавших «немецкого» офицера. Одеты они были разношерстно: на одних – военные полушубки, на других – украинские куртки, на третьих – немецкие шинели, на четвертых

– темные ватники. Одинаковыми у них были лишь белые повязки на левой руке. Они курили махорку и горланили песни. Но в душе побаивались. Нет, не немцев, которые свысока относились к местным «стражам нового порядка». Они опасались, как бы не попасть под удар партизан. Те не станут разбираться, что перед ними свои, а не чужие. Отношение к предателям у них вполне определенное и четкое.

Мороз крепчал. От коней поднимался легкий парок. Деревья, стоящие по обеим сторонам дороги, покрыты густым белым инеем. Небольшая поземка метет жесткие сухие снежинки.

Двое встречных пешеходов торопливо свернули с дороги, подальше от беды, от этих наглых «бандеровцев», которые особенно злобствуют, когда под командованием немецких офицеров разъезжают по деревням, чтобы «навести порядок» или реквизировать продовольствие.

Когда «полицейская экспедиция» достигла шоссе и направилась в сторону Корца, уже смеркалось. Шоссе было покрыто снегом, но ехать было можно. Время от времени мимо проносились, погромыхивая на заснеженном асфальте, грузовики. Иногда встречались и легковые автомобили с небольшим сопровождением. Лейтенант на передней повозке, завидев в автомобиле офицерскую фуражку, резким взмахом руки отдавал честь.

Когда совсем стемнело, Кузнецов приказал восьми «полицаям» остаться в засаде на шоссе, а другим спешиться и пройти немного вперед за повозками. Затем повозки остановились. Операция по захвату «языка» вступила в решающую фазу.

Как назло, целые полчаса на шоссе никто не появлялся. Наконец издалека донесся шум мотора, который быстро усиливался. Судя по звуку, это был легковой автомобиль.

«Полицаи» бросились с шоссе на обочину и залегли в снегу, чтобы не попасть в полосу света автомобильных фар. Через мгновение автомобиль выскочил из-за изгиба шоссе. Кузнецов выстрелил по нему из пистолета, а Приходько бросил противотанковую гранату. Она взорвалась перед самым капотом «опеля», и черный лимузин рухнул с дороги в глубокий кювет. В живых в машине никого не осталось.

– Быстро собрать все бумаги, документы и оружие! – распорядился Кузнецов.

Но в это время из-за поворота появился еще один автомобиль, на сей раз многоместный полубронированный «опель» с желтыми фарами. Его пассажиры, видимо, слышали взрыв гранаты и стрельбу и заметили конские упряжки. Опасаясь

засады, автомобиль летел на максимальной скорости, не снизив ее и на изгибе дороги.

Пули автоматов и винтовок не пробивали броню такого автомобиля. Струтинский поставил на свой ручной пулемет Дегтярева диск с бронебойными пулями и сделал несколько коротких очередей. Автомобиль завилял вправо-влево, пока не свалился в кювет и не перевернулся. Из «опеля» послышались два выстрела. Казалось, что кто-то там покончил жизнь самоубийством.

Первым к автомобилю подоспел Николай Приходько. Он вытащил из машины трупы шофера и еще одного немца. Двое немецких офицеров остались в живых. Их спасло то, что они находились на заднем сиденье, имевшем усиленную броневую защиту. Но оба были контужены.

Пленные оказались крупными птицами: советник военного управления рейхскомиссариата «Украина» майор фон Райс и военный чиновник зондерфюрер Гаан. Оба были также высокопоставленными офицерами связи.

Майор Райс хотя и был в очень тяжелом состоянии, крепко прижимал к себе большую желтую сумку. Кузнецов вырвал ее у него резким энергичным движением.

– Пленных на повозки! Взять все вещи и оружие. Быстро занять свои места, – командовал Кузнецов.

Вдали послышался шум мотора третьего автомобиля, но его водитель, почуяв неладное, резко затормозил, развернулся и на полной скорости помчался в обратном направлении.

Из разбитого автомобиля Николай Струтинский вытащил небольшую радиостанцию. Немцы, кажется, не успели ею воспользоваться. Некоторое удивление вызвал пистолет, найденный Гнидюком в автомобиле на свободном сиденье. У этого пистолета системы «вальтер» не оказалось хозяина, так как у фон Раиса и Гаана, как и у трех убитых немцев, видимо из числа охраны, пистолеты остались в кобурах. Кроме того, в обойме «вальтера» недоставало двух патронов, а на рукоятке пистолета была свежая кровь. И наконец, у «вальтера» была двойная обойма – четырнадцать патронов, расположенных в шахматном порядке.

Этот «вальтер» позднее едва не стоил Кузнецову жизни.

Пленных уложили на повозку и тщательно прикрыли сверху сеном: чтобы не замерзли. Наступила тишина. Дорога снова была пустынной. Снегопад усиливался, заметая следы партизан.

После долгого пути по лесу партизаны прибыли наконец на первый «зеленый маяк» – на Кудринский хутор. В доме польского патриота Вацлава Жигадлы их уже ждал радист, готовый передать сообщение в Москву.

У хутора выставили охранение. Пленных Кузнецов приказал разместить в разных комнатах. Он все еще никак не мог взять в толк, почему такие крупные гитлеровские чины решились ехать на ночь глядя, почти без сопровождения. Потом он узнал от них же, что они задержались с выездом на несколько часов из-за поломки автомобиля. Эта задержка для них оказалась фатальной.

Рано утром следующего дня Кузнецов начал допрос пленных в присутствии радиста Виктора Михайловича Орлова, который хорошо говорил по-немецки.

Зондерфюрер Гаан чувствовал себя еще неважно Голова и рука у него были забинтованы, он лежал на широкой деревянной скамейке.

Майор Райс выглядел заметно лучше своего попутчика. Он сидел на табуретке около печки нахмурившись. В его округлых глазах легко можно было прочесть, что он крайне озлоблен и встревожен.

Кузнецов, одетый в немецкую военную форму, сначала зашел в комнату, где находился зондерфюрер Гаан. Переступив через порог, он отдал честь и представился, как это положено, когда младший по чину обращается к старшему.

– Лейтенант Пауль Зиберт! – прозвучал голос Кузнецова.

На основе записей и воспоминаний Виктора Орлова, Дмитрия Медведева, Александра Лукина и других можно восстановить весь ход допроса немецких офицеров на Кудринском хуторе.

– Садитесь, – хмуро предложил зондерфюрер Гаан, указывая Кузнецову на деревянную скамью.

Гаан был ошеломлен, увидев перед собой тщательно выбритого и застегнутого на все пуговицы «соотечественника».

– Что все это значит? Где я нахожусь? Кто вы? – воскликнул он.

– Вы находитесь в лагере советских партизан, господин майор.

– Каким же образом вы, офицер германской армии, оказались в лагере наших врагов?

– Я не немец, я русский!

– Вы говорите неправду! – возмутился Гаан. – Вы немец! Вы нарушили военную присягу и предали фюрера.

Зиберт пожал плечами и решил сменить тактику.

– Господин зондерфюрер, давайте говорить откровенно и трезво. Цвет германской армии, как известно, находится под Сталинградом, а наши войска там на грани полного уничтожения. Далее. Радио сообщило сегодня утром о том, что русские прорвали блокаду Ленинграда. Известно также, что англичане и американцы планируют вскоре ввести в действие крупные силы

своих войск. На основе этих и других объективных фактов я пришел к выводу о том, что война проиграна и что Гитлер ведет Германию к национальной катастрофе. Вам это должно быть известно лучше, чем мне. Поэтому я решил пойти на сотрудничество с русскими и советую вам как коллеге и соотечественнику не упрямиться, а быть со мною откровенным.

Но Гаан не внял словам Зиберта. Он злобно ругался, кричал и даже попытался ударить Зиберта ногой. Зиберту пришлось прекратить допрос.

Зиберт перешел в другую комнату, где находился майор фон Райс. Это был высокий рыжеволосый мужчина аристократической внешности.

– Военная присяга запрещает мне, господин лейтенант, вступать в разговор с предателем, – резко заявил фон Райс.

Но Кузнецов обладал терпением. Интуиция подсказывала ему, что на фашистских фанатиков лучше воздействовать благожелательным отношением и убедительными аргументами, чем пренебрежением и угрозами. Впрочем, могло обещать успех также сочетание этих двух приемов. Поэтому он решил не форсировать допрос, хотя Центр поторапливал его. Радист Виктор Орлов, присутствовавший на всех допросах, так описывает их ход в своих воспоминаниях:

> «После каждого допроса Николай Иванович тщательно обрабатывал полученные сведения, обобщал их и передавал мне, а я радировал их в отряд. Я вел радиопередачи на глазах пленных, в их присутствии.
>
> В тех случаях когда Райс сообщал важные сведения, Кузнецов просил его записать свои показания на бумаге, а если Райс отказывался, Кузнецов подходил к нему и смотрел на него в упор. Обычно Райс не выдерживал молчаливого противоборства и подчинялся требованию Кузнецова».

Таким путем удалось получить много ценных сведений и в частности дешифровать захваченную у пленных топографическую карту огромной территории. Пленные указали на карте все основные линии коммуникаций и средства связи на территории Украины, Польши и Германии. Эта карта оказала неоценимую помощь советскому Верховному Главнокомандованию. Пленные уточнили также месторасположение гитлеровской штаб-квартиры на Украине.

Постепенно пленные рассказали, пожалуй, все, что знали. Но на один вопрос они упорно отказывались отвечать: «Что означает красная линия на карте, которая начинается между деревнями

Якушинцы и Стрижавка а заканчивается в Берлине?»

– Это государственная тайна, – упорно повторяли оба пленных, будто сговорились заранее.

Кузнецов пытался найти индивидуальный подход к каждому из них.

– Откуда вы родом, господин зондерфюрер? – дружеским тоном спросил он Гаана. – Я надеюсь, это не государственная тайна? Судя по вашему акценту, мы, возможно, земляки.

Гаану понравился вопрос. Он подумал, что у него появилась возможность повлиять на «предателя»-лейтенанта, который, кстати говоря, с уважением относится к его аристократическому происхождению и к воинскому званию, а теперь даже интересуется местом его рождения.

– Я из Восточной Пруссии. Родился недалеко от Кенигсберга в старинной графской семье, родословная которой ведется с шестнадцатого века.

– Ну вот, я так и знал, что мы земляки, – оживленно сказал Кузнецов. – Я давно это почувствовал. Где еще найдешь таких упрямых и упорных людей, как мы, пруссаки! Если вобьем себе в голову что-нибудь, не отступимся от этого ни в жизнь. Даже если надо доказать, что на зайцев охотятся на танках, а на слонов – с воздушными ружьями. Из-за упрямства мы и сгорим в этом военном пожаре, хотя не мы его разожгли. А вот баварцы – те даже из этой ситуации выгоду извлекут. Поэтому я и решил стать реалистом и начал сотрудничать с русскими. Если вы последуете моему примеру, это будет в ваших собственных интересах.

Однако и на сей раз Кузнецову не удалось склонить Гаана на свою сторону. Гаан, правда, заметно смягчился по отношению к Зиберту, но упорно стоял на своем.

В отношении к фон Раису Кузнецов попробовал другую тактику.

– Предупреждаю, что больше не намерен терять с вами время. Меня не интересует то, что вы принимали военную присягу и клялись в верности фюреру. Преступники могут быть верными лишь своему преступному делу. Еще раз повторяю, – Кузнецов стукнул ладонью по столу, – что мы не успокоимся до тех пор, пока вы нам четко и ясно не объясните значение красной линии на карте. Зондерфюрер Гаан, да будет вам известно, уже дал нам по этому поводу определенные показания. Теперь мы хотим слышать вашу версию, чтобы решить, кто из вас говорит правду.

На третий день допроса фон Раис процедил сквозь зубы:

– Красная линия обозначает подземный многожильный бронированный кабель связи.

– С какой целью он проложен?

– Он устанавливает прямую связь между Берлином и деревней Якушинцы.

– А при чем здесь Якушинцы?

– Там находится соответствующий объект.

– Когда был проложен кабель?

– Летом сорок второго года, в июне.

– Кто прокладывал кабель?

– Русские военнопленные, тысячи человек.

– Где они сейчас?

– Они нейтрализованы.

– Что это значит? Выражайтесь точнее!

Майор опустил глаза.

– Предупреждаю вас в последний раз, что на мои вопросы вы должны давать конкретные и ясные ответы. Иначе…

Фон Райса начало трясти мелкой дрожью. Едва слышно он пробормотал:

– Они ликвидированы… Было специальное указание… Это дело рук гестапо.

Кузнецов с трудом сдержал гнев, услышав признание фон Раиса. После паузы он продолжал допрос.

– Объясните предназначение кабеля. Чтобы Гитлер мог говорить с Якушинцами?

– Напротив, чтобы Гитлер из Якушинцев мог говорить с Берлином.

– Как прикажете вас понимать?

Фон Райс поднял голову. Глаза у него были усталые, взгляд опустошенный. Он повернулся к окну, стекла которого покрыл иней. Начиналось зимнее холодное утро. Фон Райс вдруг вздрогнул, будто очнувшись ото сна, и испуганно посмотрел на Кузнецова. А затем, как человек, которому больше нечего терять, проговорил дрожащим голосом:

– В Якушинцах находится полевая, точнее говоря, передовая штаб-квартира Гитлера.

– Расскажите о ней подробнее, – потребовал Кузнецов.

– Никаких деталей я не знаю, – решительно заявил фон Райс. – В мои обязанности входили лишь вопросы связи со штаб-квартирой. О других делах спросите зондерфюрера Гаана.

– Как могло случиться, майор, что вы поехали в Ровно без сопровождения? Или не боялись партизан?

– Я уже говорил, что нас подвела неисправность машины. Аэродром был закрыт из-за сильной гололедицы. Кроме того, рейхсфюрер Гиммлер заверил, что его дивизии ликвидировали партизан в этом районе и что путь по шоссе на Ровно безопасен. Я лично первый раз поехал по этому маршруту на машине, и вот к

чему это привело.

– А зондерфюрер Гаан?

– О, это перспективный офицер, вернее, был перспективный, – поправился фон Райс. – Он весьма храбр, и в действительности это он настоял ехать автомобилями. Он, видите ли, очень спешил. У него любовь к какой-то полячке, она, говорят, вдова. Ее муж, офицер польской армии, погиб. Эта дама удивительно красива, но майор, судя по всему, не пользуется у нее особым успехом. К характеристике полячки надо добавить, что она заведует баром в отеле «Дойчегофф» в Ровно. Согласитесь, не лучшее занятие для женщины. Зондерфюрер Гаан много теряет из-за этого знакомства. Фюрер обещал произвести его в генералы еще три месяца назад, но этот случай все испортил. Зондерфюрера же интересует только полячка. Он вдовец, его жена погибла от английской бомбы.

Между тем несколько дней пребывания в плену и бесконечные беседы с Кузнецовым неузнаваемо изменили зондерфюрера Гаана. Он полностью освободился от высокомерия и надменности и, кажется, откровенно рассказал Кузнецову все, что знал.

1 июня 1942 года, примерно в 7 часов утра, зондерфюрер Гаан сел в большой специально оборудованный транспортный самолет. Спустя два часа самолет приземлился на аэродроме близ Полтавы. Аэродром уже был окружен эсэсовцами.

Через пятнадцать минут на аэродроме совершил посадку большой военный самолет, из которого вышли Гитлер, генерал-фельдмаршал Кейтель, генерал Хойзингер, Вагнер и адъютант Гитлера.

Зондерфюреру Гаану надлежало сопровождать фюрера третьего рейха.

Гитлер и его окружение переехали в ожидавший их бронепоезд, где состоялось совещание. Задача Гаана заключалась в том, чтобы окончательные решения, принимаемые на совещаниях Гитлера и сформулированные в виде приказов и распоряжений, доставлять командующим армий на восточном фронте и докладывать Гитлеру о том, как выполняются его приказы.

Немцы готовились к реваншу за поражение своей армии зимой 1941 года. Они были уверены, что на сей раз добьются успеха. В таком мажорном тоне был составлен доклад генерала-фельдмаршала Бока, посвященный плану предстоящей летней кампании на восточном фронте.

– Мой фюрер, Красная Армия потрясена ударами наших войск, но благодаря срочным пополнениям быстро

восстанавливается. В сорок втором году людские ресурсы русских еще будут, видимо, достаточны, чтобы избежать поражения. Наша задача состоит в том, чтобы молниеносными ударами отрезать Москву от ее тылов и одновременно окружать и уничтожать крупные группировки Красной Армии, тем самым ослабляя силу ее сопротивления, – самоуверенно изрекал фон Бок, моргая маленькими серыми глазками. На его лице, цвета потемневшей от времени иконы, блестели капельки пота.

Гитлер утвердил план, предложенный Боком, почти без изменений, напомнив, однако, о важности для Германии захвата новых источников сырья, нефти и продовольствия. Затем, приняв позу пророка, он изрек: – Быстрые и колоссальные победы нашей армии на Востоке могут поставить Англию перед выбором: или срочно предпринять крупную десантную операцию, то есть открыть второй фронт, или потерять советскую Россию как политический и военный фактор. Поэтому с большой вероятностью можно ожидать высадку противника где-то в Западной Европе, в зоне наших владений. Отсюда следует, что мы должны как можно быстрее добиться победы на Востоке.

Как известно, Гитлер ошибся в своих предположениях. Войска западных союзников высадились во Франции лишь в июне 1944 года, то есть через два года, когда судьба второй мировой войны была, уже практически решена на советско-германском фронте.

А сейчас свидетель этого совещания Гитлера, зондерфюрер Гаан, сидел с карандашом в руках и описывал все, что он знал о планах высшего германского руководства и об «Оборотне».

Многое из того, о чем писал он, Кузнецову уже было известно, но встречались и весьма ценные новые сведения.

Совещание в Полтаве означало завершение подготовки нового крупного наступления на восточном фронте, которое должно было стать прологом Сталинградской битвы.

В связи с этим Гитлер решил перенести свою полевую штаб-квартиру ближе к фронту, на территорию Советского Союза, чтобы отсюда непосредственно руководить войсками. 16 июля 1942 года штаб-квартира (ее шифрованное название – «Вервольф – «Оборотень», которое надо отличать от «Вольфшанце» – «Волчье логово», находившегося в Восточной Пруссии у Растенбурга) и главный штаб сухопутных войск передислоцировались в окрестности Винницы, в район небольшого леса, что в двух километрах от деревни Коло-Михайловки и в 200 метрах восточнее шоссе Киев – Винница. Севернее штаб-квартиры находится большой аэродром.

На основе сохранившихся документов, письменных свидетельств Райса и Гаана, воспоминаний и исследований П.

Кугая, С. Калиничева, А. Лукина, Т. Гладкова, В. Орлова, В. Герлитца и Б. Миллер-Хелебранта полевую ставку Гитлера «Оборотень» не трудно обрисовать.

Штаб-квартира фюрера отличалась весьма высоким комфортом. На ее постройку были согнаны специалисты из многих стран Европы. Из Праги доставили мостостроителей, из Варшавы – плотников. В концлагерях отобрали электриков, монтажников, теплотехников. Это были люди разных национальностей. Чтобы стимулировать их труд, им установили ежемесячную заработную плату, определили нормы выработки, завели учет выполненных работ. Однако когда специалисты сделали свое дело, их всех расстреляли: и теплотехников, и электриков, и мастеров по дереву. Всех, включая тысячи других военнопленных, которых привлекли к строительству.

Помещения, занимаемые Гитлером: бункер, кабинет, спальня, бомбоубежище, – находились глубоко под землей. С поверхностью они были связаны лифтами. Стены и перекрытия штаб-квартиры были сделаны из железобетона толщиной от трех до пяти метров. Все объекты, входившие в «Оборотень», были опоясаны двухметровым забором из металлической сетки и несколькими рядами колючей проволоки, по которой был пропущен электрический ток. Забор был оборудован электрической сигнализацией.

Ночь Гитлер обычно проводил в невысокой кирпичной вилле, которая была соединена с бункером подземным переходом. Снаружи вилла была тщательно замаскирована. Перед фасадом виллы располагались бассейн и цветник. Над созданием цветника трудились 12 цветоводов из Карлови-Вари. Все они затем были расстреляны. «Мертвые лучше хранят тайну» – таков был девиз нацистов.

Все наружные детали подземных объектов были окрашены в темно-зеленый цвет и скрыты от воздушного наблюдения искусственными лесными посадками. На территории «Оборотня» находилось три мощных бункера, вооруженных орудиями и пулеметами.

Недалеко от штаб-квартиры были построены электростанция, две радиостанции и водонапорная башня. Далее располагалась большая электропекарня; она обеспечивала хлебом личный состав двух дивизий.

На аэродроме в Калиновке постоянно дежурили 100 истребителей, 50 штурмовиков и 30 бомбардировщиков. Вблизи деревни Сальник дислоцировалась танковая часть. В этом же районе размещался штаб рейхсмаршала Германа Геринга. Он также предпочел забраться в глубокий и просторный бункер. В

административном здании и на вилле он появлялся редко.

Штаб-квартира имела специальную телефонную связь не только с Берлином, но и с Киевом, Харьковом, Днепропетровском, Ростовом, Ровно и Житомиром (в последнем находился штаб рейхсфюрера СС Генриха Гиммлера).

Вокруг леса было 30 наблюдательных пунктов. В радиусе пяти километров штаб-квартиру охраняли от воздушного нападения многочисленные зенитные батареи. На участке железной дороги Калиновка – Винница постоянно курсировал бронепоезд. Охрану района штаб-квартиры несли части войск СС. Они размещались в бараках в лесном бору и поблизости от него. Всех кто появлялся в запретном районе без соответствующего разрешения, расстреливали на месте.

Общее руководство охраной штаб-квартиры было возложено на генерала Ротенхубера, начальника имперской службы безопасности, который подчинялся непосредственно рейхсфюреру Гиммлеру.

Так перестала существовать тайна «Оборотня». Подробная информация о местонахождении гитлеровской штаб-квартиры была передана по радио в Москву. В Москве, в Ставке Верховного Главнокомандования, донесение с Кудринского хутора было воспринято как важная новость.

Сразу же возник вопрос: что делать? Выбросить ли воздушный десант или организовать авиационный налет на штаб-квартиру?

Для подготовки воздушного десанта требовалось не менее 10 дней. За это время высшее руководство третьего рейха могло покинуть Михайловку, тем более что пропажа майора Райса и зондерфюрера Гаана должна была насторожить немцев. Поэтому было решено нанести по «Оборотню» бомбовый удар.

22 декабря 1942 года 80 советских бомбардировщиков, сопровождаемых мощным эскортом истребителей, волна за волной бомбардировали объекты гитлеровской штаб-квартиры и превратили ее в груду развалин. Одновременно были уничтожены немецкие самолеты на аэродроме Калиновка.

В Центре и в Ставке с нетерпением ждали результатов воздушного налета.

Вскоре стали поступать донесения из Берлина, Львова, Лондона, ответившие на этот вопрос. Оказалось, что Гитлер и его свита покинули Михайловку еще утром 20 декабря, то есть через два дня после исчезновения майора Райса и зондерфюрера Гаана.

Позднее стало известно, что решение покинуть «Оборотень» Гитлер принял на совещании верховного главнокомандования 16 декабря 1942 года. По этой причине зондерфюрер Гаан спешил в

Ровно на встречу с полячкой в надежде уговорить ее поехать с ним в Германию. Дело в том, что по решению генерал-фельдмаршала Кейтеля Гаан возвращался на службу в штаб-квартиру.

Что же заставило Гитлера перебраться из «Оборотня» в «Волчье логово», в район города Растенбурга в Восточной Пруссии? Решающую роль сыграли здесь два фактора: мощные удары Красной Армии под Сталинградом, осуществлявшей поэтапно уничтожение и пленение отборных частей и соединений немецко-фашистской армии, и растущая активность партизанского движения на Украине, в Белоруссии и в Центральной России.

Историки утверждают, что Гитлер узнал об исчезновении 19 декабря при неизвестных обстоятельствах майора Райса и зондерфюрера Гаана. Это известие повергло его в ярость, и всю вину за происшествие он возложил на Гиммлера, усиленно распространявшего миф о «спокойствии» на дорогах Украины.

Судя по архивным документам абвера, в то время кто-то преднамеренно или по неведению пустил слух о том, будто Райс и Гаан стали жертвами бомбы, сброшенной советским самолетом. Не исключено, что эту стряпню сфабриковали в окружении Гиммлера, чтобы попытаться скрыть от Гитлера факт исчезновения двух немецких офицеров и находившихся при них важных документов. Последние, попади они к советскому командованию, могли иметь для немецкой армии самые опасные последствия.

Именно на это обстоятельство особенно напир. ал на совещании у фюрера шеф абвера Канарис, главный соперник Гиммлера в области разведки и контрразведки.

Гитлер рассвирепел и выхватил пистолет. В мгновение ока всемогущий шеф гестапо мог пасть жертвой обезумевшего диктатора. Но за Гиммлера вступился главнокомандующий люфтваффе Герман Геринг.

Фюрер долго еще не мог успокоиться. Даже прилетев в Растенбург, он не ответил на приветствия встречавших…

Люди, сопровождавшие Гитлера, утверждают, что его поведение на аэродроме объяснялось якобы тем, что он плохо чувствовал себя в полете.

В конечном итоге все это не имеет значения. Важно то, что в силу сложившихся обстоятельств Гитлеру удалось невредимым выбраться из «Оборотня». Найди он смерть здесь или попади в плен (что менее вероятно), кто знает, как дальше стала бы развиваться вторая мировая война.

Гитлер, однако, еще раз побывал в этих местах В 1943 году, в

период подготовки Курской битвы, он прибыл сюда, чтобы провести совещание с командованием восточного фронта. Это совещание проходило, как говорится в советской 12-томной Истории второй мировой войны, на территории винницкой психбольницы.

Драма на мосту

– Господин гауптштурмфюрер, доставлены три советских диверсанта. Они схвачены вчера рано утром у моста через реку Горынь. Все диверсанты были одеты в немецкую солдатскую военную форму. Четвертому, одетому в офицерскую форму, удалось бежать, хотя он, кажется, ранен. Они незаметно прокрались к мосту, зарезали часовых и приступили к минированию моста. Но их выдала своим стоном раненая сторожевая собака; они думали, что она уже мертва. После этого налета охрана моста усилена взводом солдат! – докладывал коренастый лейтенант СС Альберт Беер.

– Введите их, – сказал Петер фон Дипен, машинально поправляя воротник темной эсэсовской куртки.

«Большевики меняют тактику, пытаются проникнуть в наши ряды, и, может быть, им это удается», – думал гауптштурмфюрер, наблюдая, как пленные заходили в комнату.

– Где есть фаша паза? – на ломаном русском языке угрожающе спросил Петер фон Дипен, как только пленные остановились перед ним. Это были безусые юнцы. Немецкая военная форма была им явно велика.

Все трое молчали, глядя фон Дипену прямо в глаза. У младшего из них, Саши Олейника, школьника из Здолбунова, была раздроблена стопа правой ноги, которую немецкий санитар перевязал ему узким бинтом. Юноша не мог стоять, и его поддерживали два эсэсовца. Его товарищ по школе Витя Головко был ранен в голову и то и дело вытирал рукавом кровь, струившуюся по виску. У высокого Николая Сивко лицо было искажено от боли. Его оглушил ударом приклада немецкий солдат, когда он запутался в колючей проволоке.

– Хто фас посылал минирать мост? – Гауптштурмфюрер насупил брови и сжал пальцы рук в кулаки.

Юноши молчали, их взгляды ничего не выражали, словно им было безразлично происходящее, а ругань и угрозы эсэсовца не касались их.

Фон Дипен поднялся из кресла, лицо его было бледным, как у покойника, рот перекошен злобной гримасой, выпученные глаза налились кровью. Замахнувшись ногой, обутой в сапог, он ударил Сашу Олейника в живот. Тот упал на пол как подкошенный.

– Хто фам тал немецкую форму? – истерично кричал эсэсовец, безжалостно пиная ногами хрупкое тело израненного комсомольца.

Лейтенант Альберт Беер молча глядел на сцену допроса,

глубоко утонув в старомодном кресле. Всем своим видом он показывал, что готов прийти на помощь фон Дипену по первому зову.

– Фее будете крофью плефаться, если не признаетесь! – Гауптштурмфюрер приставил штык к горлу Сивко.

Сивко едва держался на ногах, руки у него были связаны за спиной.

– Ой, мамо! – воскликнул вдруг юноша и резким движением головы ударил эсэсовца в лицо.

Дипен отпрянул, но на ногах устоял. Он был взбешен.

– Увести и подвергнуть допросу третьей степени! – приказал он лейтенанту, который был известен в Ровно как один из самых жестоких палачей.

В борьбе против фашизма участвовал весь советский народ. Отвечая на призыв партии и правительства уничтожать фашистов везде, где бы они ни появлялись на советской земле, разрушать их базы и линии коммуникаций, три комсомольца из Здолбунова решили взорвать мост на реке Горынь, имевший важное значение. Воспользовавшись беззаботностью группы немецких солдат, игравших в футбол, они похитили у них три комплекта обмундирования. Их первоначальный план состоял в том, чтобы, одевшись в немецкую военную форму, подойти к бункеру моста и гранатами перебить охрану. Но затем они выяснили, что мост охраняет целая рота солдат, с которой им не справиться. Тогда они решили пойти на хитрость. Подобрались к мосту уничтожили ножами двух патрульных часовых и ранили сторожевую собаку. Она-то их и подвела. Раненый пес, очнувшись от удара, поднял такой вой, что разбудил немцев, находившихся в бункере. Юноши, вместо того чтобы немедленно скрыться, попытались установить мину и взорвать мост. Но им не удалось осуществить свой замысел. Немецкие солдаты, охранявшие мост, открыли по ним огонь. Все три комсомольца были ранены, а затем пленены.

* * *

– Дмитрий Николаевич, – обратился Кузнецов к Медведеву, – завтра утром мне понадобится красивая бричка с полуприкрытым верхом, охапка сена и ковер. В установленное время на дно повозки уложили радиопередатчик, несколько автоматов, гранаты, мины, запасные батареи и сверток с женской одеждой. Дело в том, что Центр прислал в Ровно радистку Валентину Константиновну Осмолову, которая еще до войны окончила курсы парашютистов. Осмолову решили разместить с радиостанцией в

доме Ивана Приходько под видом невесты его младшего брата Николая.

Относительно небольшие размеры Ровно делали почти невозможным для Кузнецова и его товарищей использовать радиосвязь – работа радиопередатчика была бы немедленно обнаружена, – а местонахождение рации запеленговано. Поэтому вся тяжесть доставки информации ложилась на связников.

В отряде «Победители» было много радистов. Это Л. Шерстнева, М. Ких, В. Орлов, В. Скворцов, А. Беспояско, А. Мороз и другие. Но всего лишь один радист вел передачи из лагеря. Остальные, чтобы затруднить работу немецкой службе радиопеленгации, уходили от базы на расстояние до двух десятков километров и оттуда вели сеансы связи.

С началом контрнаступления Красной Армии под Сталинградом резко возросла потребность Центра в информации о передвижениях немецких войск, которые гитлеровское командование направляло для деблокирования армии Паулюса, оказавшейся в окружении. В таких условиях налаженный способ передачи информации из Ровно в отряд, связанный с потерей времени, уже не устраивал командование. И Медведев скрепя сердце решился на рискованный шаг – засылку в Ровно радистки с рацией.

Николай Кузнецов сел в бричке на место седока. Рядом с ним – Валя Осмолова. Место кучера занял Николай Приходько, одетый в форму немецкого солдата. На обоих – седоке и кучере – были плащ-накидки, скрывавшие их немецкую форму одежды.

Для Вали Осмоловой приготовили целый комплект одежды и обуви: элегантную меховую шубу, с дюжину модных платьев и кофточек, модельные туфли, красивые чулки, отменные дамские сумочки, краску для волос и другие принадлежности женского туалета.

На последнем «маяке» Кузнецов и Приходько сняли плащ-накидки и остались в немецкой форме. За два километра до моста их остановил полицейский патруль. Лейтенант Зиберт, рядовой Приходько, их спутница вели себя безукоризненно, не вызывая никаких подозрений, Документы у них были в порядке. До этого патруля их проверяли уже дважды.

Казалось, что и На сей раз не возникнет никаких проблем. Они уже хотели трогаться дальше, как вдруг унтер-офицер, старший патруля, внимательно посмотрев на Валю, заявил:

– Вы, господин лейтенант Зиберт, можете ехать, но госпожа Кешко должна остаться с нами для дополнительной проверки. Госпожа невероятно похожа на особу, фотография которой найдена у одного из террористов, пытавшихся сегодня утром

минировать мост на Горыни.

Хододок пробежал у Кузнецова по спине. «Только этого нам не хватало. Кого же они сегодня схватили?» Он посмотрел на Валю, но не сказал ей ничего. Не мог же он в присутствии патруля спрашивать, не давала ли она кому-либо в отряде свою фотографию. Выяснять это сейчас не имело смысла. Надо было действовать, пока не поздно. Приходько уже незаметно положил руку на кобуру пистолета.

– Как вы смеете, господин унтер-офицер, в присутствии заслуженного немецкого офицера, – Кузнецов показал рукой на два Железных креста на своей груди, – так дерзко покушаться на честь и благонадежность девушки, в отношении которой он имеет самые серьезные намерения? Когда вернетесь в Ровно, немедленно явитесь на доклад к гауптштурмфюреру фон Дипену. Доложите ему, как непочтительно вы вели себя в отношении лейтенанта Пауля Зиберта! Хотя нет, отставить! Я доложу ему лично!

Унтер-офицер заколебался. Острый взгляд, мрачное выражение лица, повелительный тон слов придавали незнакомому лейтенанту вид опасного человека, от которого можно ждать неприятностей. А здесь еще эта дама кокетливо улыбается, сверкая глазами, и спокойно со смехом заявляет:

– Господин лейтенант, ну как вы не понимаете, что унтер-офицер выполняет приказание самого гауптштурмфюрера фон Дипена. Я уверена, что он сейчас находится на мосту. Давайте поедем туда немедленно, и пусть сам господин фон Дипен разберется с этим пустяковым недоразумением.

Выбирать не приходилось. «Во всяком случае, так мы хоть отделаемся от этого патруля, а там будет видно», – мелькнула мысль у Кузнецова.

Приходько стегнул лошадей. Снег на дороге был мокрый и серый. В воздухе висела влага. Дорога впереди была свободна.

– Едем через мост! – сказал Кузнецов.

– Ты действительно давала кому-нибудь свою фотографию? – спросил он Валю, которая понемногу приходила в себя после встречи с напугавшим их унтер-офицером.

– Нет, конечно, – ответила Валя, – простое совпадение. А не дай бог, если бы стали проверять!

Вдали, со стороны моста, показалась колонна мотоциклистов.

– Куда это они направляются? – озабоченно проговорил Кузнецов, – что это может означать для нас? Коля, правь как ни в чем не бывало и посильнее натяни вожжи, чтобы лошади не напугались.

Голова колонны между тем поравнялась с ними. Первый

мотоциклист отдал честь лейтенанту Зиберту, остальные последовали его примеру. Зиберт почти не опускал руки от козырька фуражки, словно принимал парад.

За мотоциклами шли броневики и танки. Воздух наполнился шумом двигателей, скрежетом и грохотом стальных гусениц боевых машин.

Лошади из последних сил преодолевали страх. Повозка ехала по самой обочине дороги. Приходько с превеликим трудом сдерживал лошадей, чтобы они не бросились в овраг.

Когда повозка была уже на мосту, из колонны вдруг выскочил легковой автомобиль, чтобы обогнать идущий впереди грузовик с солдатами. Кони перепугались. Приходько растерялся и, вместо того чтобы натянуть вожжи, отпустил их на мгновение. Лошади рванули сначала налево, потом направо и наскочили прямо на автомобиль. Коляска подпрыгнула несколько раз и завалилась набок. Столкновение было несильным, но левая лошадь поломала обе передние ноги, а правая получила небольшие повреждения.

Напуганный шофер-ефрейтор, извиняясь, развел руками, но Кузнецов негодующим жестом приказал ему немедленно убираться с глаз долой. Секунда, вторая, и мост опустел, очередная колонна еще не подошла.

Приходько и Кузнецов попытались поднять лошадей, еще не ведая, что левая из них больше никогда уже не встанет. А Валя совсем растерялась. Все, что лежало на дне коляски, тщательно укрытое дерюгой и сеном, вывалилось теперь на мост, буквально под ноги охранявших его солдат полевой жандармерии.

На этом все могло бы и кончиться. Закончилась бы здесь и биография Кузнецова, не обладай он бесценным даром настоящего разведчика – не теряться ни в какой обстановке, быстро находить единственно правильное решение и осуществлять его. «Для настоящего разведчика не бывает безвыходных ситуаций» – вот одно из главных правил, которые он усвоил во время учебы в Москве.

Прежде чем жандармы, охранявшие мост, смогли что-либо сообразить, лейтенант Пауль Зиберт оставил лошадей и, выхватив из кобуры пистолет, в два-три прыжка подскочил к Вале, которая словно остолбенела. Потом, тяжело дыша, гневно обрушился на растерявшихся жандармов.

– Немедленно приведите сюда гауптштурмфюрера фон Дипена или Ришарда. Пусть они посмотрят сами, какие у них бездельники служат. Поэтому вам террористы и подбрасывали мины под самый нос. Что глаза таращите, лентяи? Не видели русской партизанки? Ну-ка шевелитесь, быстрее, быстрее! Поднимайте коляску и кладите все на место. Быстро!

Немецкий солдат традиционно воспитывался в духебеспрекословного и бездумного повиновения приказам. Как офицер сказал, так тому и быть. О каком-либо сомнении не могло быть и речи.

Психология бездумного повиновения сработала безотказно и на сей раз: солдаты поспешно бросились выполнять приказание Зиберта. Николай Приходько помогал им, хотя ему, несмотря на сложность и опасность обстановки, хотелось громко рассмеяться. Немецкий автоматчик короткой очередью убил искалеченную лошадь, а труп ее солдаты сбросили в реку.

Пока Кузнецов регулировал движение на мосту, чтобы какой-нибудь грузовик не наехал на повозку, двое солдат стерегли Валю. Наконец все было уложено. Кузнецов подозвал к себе солдат и приказал:

– На мосту скопилось много мокрого снега. Если ночью подморозит, завтра здесь будет каток. Весь снег с моста надо убрать, а проезжую часть посыпать песком. На обратном пути я проверю, как выполнено мое приказание.

Приходько запряг в коляску оставшуюся в живых лошадь, которой предстояло одной везти тяжелую повозку.

– Поехали, – распорядился лейтенант, но в это время перед повозкой затормозил «опель» с откинутым верхом.

– Кого я вижу! – радостно воскликнул гауптштурмфюрер Петер фон Дипен, выходя из машины. Он был одним из ближайших «приятелей» Пауля Зиберта в Ровно.

Фон Дипен, большой любитель «радостей жизни», хронически страдал от безденежья и поэтому с первых дней знакомства буквально приклеился к Зиберту. Кузнецов регулярно «подкармливал» фон Дипена под разного рода благовидными предлогами: то проиграет ему крупную сумму в карты, то заплатит по счету в ресторане.

Гауптштурмфюрер фон Дипен контролировал работу квислинговских органов власти и офицеров немецкого происхождения. Характеристики, которые он давал сбоим подопечным, нередко представляли большой интерес для советских разведчиков. Кузнецов получал от него также сведения о паролях, действовавших в городе в ночное время, о сроках и месте карательных операций против партизан, о новых приказах командования и рейхскомиссариата, о взаимоотношениях в руководящей верхушке в Ровно, о настроениях среди офицеров и солдат…

Кузнецов соскочил с повозки, отдал честь и широко улыбнулся, показывая всем своим видом, что несказанно рад случайной встрече на мосту.

– Я только что думал о вас, господин гауптштурмфюрер. Вас словно само провидение послало. Везучий вы человек!

– Всякая птица наслаждается собственным пением, – сказал с улыбкой фон Дипен, предчувствуя, что Зиберт приготовил ему какой-то приятный сюрприз.

Зиберт склонился к эсэсовцу и прошептал на ухо:

– Я выполнил свое обещание. Достал вам великолепный золотой браслет.

– Благодарю вас, Зиберт, золотых оков я не боюсь, они не давят, – удовлетворенно произнес фон Дипен.

– А почему в вашей повозке лишь одна лошадь, Зиберт? Это же недостойно офицера вашего ранга! – удивился фон Дипен.

– Несчастье случилось, господин гауптштурмфюрер, могло быть и хуже! Столкнулись с военной машиной и одну лошадь пришлось пристрелить.

– Позвольте предложить вам мой автомобиль, прошу вас. А что это за дама едет с вами? И где это вы находите таких симпатичных? – Фон Дипен рассыпался в любезностях.

Неожиданно их разговор прервал мотоциклист, остановившийся перед ними.

– Господин гауптштурмфюрер, продвиньте немного свою машину, за мной следует автоколонна, – обратился мотоциклист к фон Дипену.

Фон Дипен заторопился к своей машине.

– Не забудьте, завтра встретимся в четыре часа, улица Ивана Франко, шесть, – на ходу говорил Кузнецов, сопровождая фон Дипена до машины. Он отдал честь фон Дипену и направился назад к повозке, словно бы забыв о его предложении пересесть к нему в машину.

– Трогай полегоньку! – приказал Кузнецов своему «солдату» Приходько.

Миновав мост, повозка свернула в один из проулков, чтобы не маячить на шоссе. Кузнецов пошел пешком, а «жених» с «невестой» продолжали путь к дому Ивана Приходько.

В тот же вечер Кузнецов пришел к Вале, чтобы помочь ей установить радиопередатчик. Он жил в то время у Иосифа Богдана, но своих немецких гостей он нередко принимал в доме Приходько. Благосклонное отношение немецкого офицера лейтенанта Зиберта к хозяевам дома никого из соседей Приходько не удивляло, так как Иван и его жена Софья числились фольксдойче.

Сведений о противнике в Центр передавалось много, и разведчики были особенно рады, когда узнавали, что Центр эффективно использует плоды их труда. Так, однажды Валя

радировала в Центр: «На аэродроме, расположенном в 8 километрах от города, находится около 100 боевых и транспортных самолетов».

Через несколько дней советские бомбардировщики полностью уничтожили это гнездо гитлеровских стервятников.

Как и ожидалось, немцы вскоре обнаружили, что в городе действует тайный радиопередатчик. По улицам Ровно стала курсировать специальная машина, на крыше которой была установлена антенна для радиопеленгации. Но установить точное местонахождение передатчика с помощью пеленгации не удавалось, поэтому в помощь радистам были выделены подразделения жандармов и солдат. Радиопеленгатор определял, откуда в эфир шли сигналы, а солдаты и жандармы прочесывали район, обыскивая дом за домом. Дома, в которых проживали фольксдойче, в принципе, обыску не подлежали. Но бывали исключения. Дом номер шесть по улице Ивана Франко солдаты никак не могли пропустить, так как он оказался в центре подозреваемого сектора.

В квартиру Ивана Приходько ввалилось сразу несколько солдат во главе с низкорослым унтер-офицером. Но стоило им переступить порог, как они сразу замерли по стойке «смирно». За столом в комнате для гостей уютно расположились гауптштурмфюрер фон Дипен и лейтенант Зиберт.

Унтер-офицер, оторопевший от неожиданной встречи, отдал честь офицерам и доложил фон Дипену, как старшему по званию:

– Где-то в этом районе работает русский передатчик, господин гауптштурмфюрер!

Эсэсовец, снисходительно махнул рукой.

– Ищите, ищите, желаю успеха! Но в следующий раз не забывайте, что лиц немецкой национальности беспокоить все же не следует.

Солдаты поспешно ретировались. Кузнецов налил фон Дипену очередную стопку рома, и беседа их продолжилась как ни в чем не бывало.

– Мой Зиберт! – озабоченно сказал фон Дипен. – В Сталинграде дела все хуже. Надо бы, пока не поздно, на всякий случай запастись презренным металлом. Боюсь, как бы мы не сломали там зубы.

– Ну что вы, господин гауптштурмфюрер. Там же река, а водой зубы не сломаешь. Одна ласточка весны не делает. Времена еще изменятся. – Кузнецов пытался уйти от конкретного ответа на предложение фон Дипена.

– Водой-то зубы, может быть, и не сломаешь, – меланхолично проговорил фон Дипен. – Но в воде водятся крокодилы, шутить с

которыми небезопасно.

* * *

19 ноября 1942 года артиллерийский гром возвестил о начале контрнаступления советских войск под Сталинградом. Немецкая группировка численностью в 330 тысяч человек оказалась в котле.

Новый, 1943 год не принес гитлеровцам ничего хорошего. Танковым частям Манштейна не удалось деблокировать окруженную группировку, в составе которой находились элитные соединения немецко-фашистской армии.

В ходе Сталинградской битвы немцы потеряли одну четверть всех своих войск, задействованных на советско-германском фронте, – было убито, ранено и пленено, а также пропало без вести полтора миллиона немецких солдат и офицеров. Только в самом котле было подобрано 147 тысяч трупов, а 91 тысяча солдат и офицеров сдалась в плен. Генерал-фельдмаршал фон Паулюс вместе с 24 генералами сдался 31 января 1943 года. Немецко-фашистские войска потеряли большое количество боевой техники, свыше 10 тысяч орудий и минометов, около 3 тысяч самолетов.

«Запасайся финансами, пока не поздно!» – эта мысль стала для фон Дипена основной после катастрофы германской армии под Сталинградом. Подобные настроения стали все чаще встречаться в рядах вермахта.

Валя Осмолова возвращается в отряд

В январе 1943 года ударили сильные морозы. Обычно во время похолоданий немецкие каратели снижали активность, а партизаны, наоборот, усиливали боевые действия.

Рейхскомиссар Эрих Кох, чтобы застать партизан врасплох, решил ударить по ним, не ожидая ослабления морозов; к Сарненскому лесу были подтянуты две немецкие дивизии. Но из этой затеи ничего не вышло.

О готовящейся операции стало известно Кузнецову. Об этом ему сказали фон Дипен и Ришард на вечеринке у Померанского. Кузнецов составил срочное сообщение, которое Валя Осмолова по рации передала в отряд Медведева. Партизаны заблаговременно оставили Сарненский лес и расположились на новом месте, в шестидесяти километрах от базового лагеря.

Разведданные из Ровно и его окрестностей поступали непрерывно.

Связным между партизанским отрядом и Кузнецовым на участке «зеленый маяк» – Ровно был Николай Приходько. Пешком, на лошади или на велосипеде он курсировал взад-вперед, доставляя сведения. На участке «зеленый маяк» – отряд действовал другой курьер. В иные дни Приходько по два раза проделывал свой путь, не вызывая подозрений. Документы у него были в порядке. В них, как обычно, указывалось, что он является местным жителем и происходит из мещан.

Николай и на сей раз, миновав двор, стал подниматься по крутым ступенькам лестницы, ведущей на второй этаж в квартиру, где жила Валя Осмолова. Она в это время проводила очередной сеанс связи. Передаваемые ею сведения были исключительно важны. Вот одно из них:

> «На восточный фронт движутся новые немецкие армии. Вновь реорганизован танковый корпус СС. В состав корпуса включены дивизии «Адольф Гитлер», «Мертвая голова», «Райх»…»

Это было время непосредственно после мощного удара Красной Армии, обрушившегося на немцев на северном участке их фронта и потрясшего до основания здание стратегии вермахта. Была прорвана блокада Ленинграда. Войска Ленинградского и Волховского фронтов, пробивавшиеся навстречу друг другу, соединились.

В феврале 1943 года Гитлер прибыл в Запорожье и провел

там трехдневное совещание высшего генералитета. На совещании присутствовали Манштейн, Йодль, Клейст и многие другие. Гитлер требовал остановить продвижение войск Красной Армии и подготовить такое контрнаступление, которое проложило бы немцам путь к конечной победе в войне.

«Мы создали такие танки, самолеты и орудия, каких до сих пор нет ни у кого. Поэтому я решил подготовить и провести грандиозное сражение, каких еще не знала история. Колоссальной силой оружия, созданного гением немецкого народа, мы окончательно и навсегда уничтожим Красную Армию и сделаем это в самом сердце России», – заключил Гитлер свое выступление на совещании.

Первые, еще неясные сведения о новой операции немцев Вале принес Кузнецов. Это было через два дня после совещания в Запорожье. Затем аналогичная информация поступила из Здолбунова от «жениха» Вали Николая Приходько. Кстати, ему совсем не в тягость была роль «жениха», так как он на самом деле был неравнодушен к Вале.

– Едва дождался назначенного часа, чтобы пойти к тебе. Снилась ты мне всю ночь, – заявил Николай, войдя в комнату.

– Ладно уж, не придумывай, – отшутилась Валя.

Улыбка осветила ее приятное, чисто русское лицо, но вид у нее был усталый: под глазами пролегли темные дуги, веки покраснели.

Приходько передал Кузнецову большой пакет, а сам прилег на диван отдохнуть. Кузнецов вскрыл пакет и углубился в изучение содержимого. Время от времени он посматривал в окно, наблюдая за улицей.

Вдруг он резко встал со стула и взволнованно воскликнул:

– Немцы! Коля, приготовься на всякий случай.

… Между, тем к дому приближались два офицера из числа новых приятелей лейтенанта Зиберта. В руках у них были какие-то свертки. Появление незваных гостей не очень беспокоило Кузнецова, если бы не одно обстоятельство: через несколько минут наступало время сеанса радиосвязи с Москвой, переносить который было крайне нежелательно. Предстояло передать очень важную информацию. Задумавшись на секунду, Кузнецов сказал Вале:

– Быстро ложись з постель. Ты больна, понимаешь? Приходько – на кухню! Будь начеку!

Валя мигом разделась и забралась под одеяло. Уши она закрыла большими кусками ваты, а потом обмотала голову широким бинтом. Кузнецов помог ей быстро наложить повязку. Красивая радистка на глазах превратилась в непривлекательную

девчонку, у которой болели то ли зубы, то ли уши.

– Теперь лежи спокойно, – сказал ей Кузнецов и пошел встречать гостей.

Дверь гостям открыла теща Ивана Приходько – Берта Грош. Сделав вид, что польщена визитом немецких офицеров, она радостно приветствовала их словами:

– Пожалуйста, господа офицеры, милости просим настоящих немцев в дом. Господин Зиберт в своей комнате просматривает свежую почту. Я немедленно сообщу ему о вашем приходе.

– Кого я вижу! – воскликнул Кузнецов, встречая гостей. – Мартин Клаус и Мартин Лауда! Какая удача! Хорошо, что пришли, а то я уже не знал, чем заняться сегодня вечером. Теперь все в порядке.

– Я не зря говорил Мартину, что в этом проклятом городе нет гостеприимнее офицера, чем Пауль Зиберт, – весело сказал гауптман Клаус, отличавшийся высоким ростом. – Мы, пруссаки, всегда и во всем первые, – самодовольно подчеркнул он свое землячество с Зибертом.

– Каждый кулик свое болото хвалит, – парировал Мартин Лауда. – Тем не менее, если быть объективным, нельзя не признать, что с нами, австрийцами, едва ли кто сможет соперничать. Мы, господа, подарили человечеству великого фюрера! Что вы на это скажете?

– Друзья мои, – с серьезным видом и очевидной дозой патетики в голосе обратился Пауль Зиберт к офицерам, – немецкая нация едина, и каждая ее часть по-своему величественна. Но я полностью разделяю гордость гауптмана Мартина, который родился в городе, давшем миру безусловного лидера немецкого народа и всех настоящих арийцев на земном шаре, нашего дорогого и великого Адольфа Гитлера. С огромным удовольствием на протяжении многих лет я тщательно изучаю все сказанное и написанное им и не перестаю поражаться новизне, свежести и гениальности его идей и мыслей. Вот, например, только сейчас, друзья мои, я просматривал фронтовые иллюстрированные журналы и наткнулся на одну из таких идей. Позвольте, я вам ее процитирую! Речь идет о положении под Ростовом, который атакуют славные воины вермахта:

– «Мы оказались перед необходимостью сократить число местных жителей. Эта мера представляет собой часть нашей миссии по сохранению германского народа. Нам надо развивать методы уничтожения людей… Я имею в виду ликвидацию целых расовых групп. Мы уже делаем это. Грубо говоря, я вижу в этом свою задачу. Жизнь сурова, значит, и мы должны быть суровы. Если я бросаю элиту немецкой нации в пекло войны и делаю это

без жалости и сожаления, значит, я тем более имею право устранить с лица земли миллионы людей низшей расы, которые размножаются, как грибы». Зачитав цитату, лейтенант Зиберт энергично выбросил правую руку в нацистском приветствии и воскликнул:

– Хайль Гитлер!

Оба немца вскочили со своих стульев и ответили Зиберту в той же манере.

– А мы, земляк, явились к вам не с пустыми руками! – сказал Клаус, развязывая шпагат и снимая бумагу с картонной коробки.

В ней оказались четыре бутылки ликера, бутылка шампанского, два батона первоклассной колбасы и круг сыра.

Застолье началось.

– Эх, кабы дамы украсили наше общество! – подстрекательски засмеялся темноволосый подвижный австриец.

В это время гауптман Мартин навострил уши, словно борзая, почуявшая добычу, и повернул голову к двери, ведущей в соседнюю комнату.

– Если я не ошибаюсь, господа, – он показал пальцем на дверь, – оттуда доносится покашливание какой-то особы.

– Мартин, не выдумывай. А потом мы же заняты сегодня. Вчера мы договорились о свидании с официантками из «Дойчегофф», разве ты забыл об этом? – пытался урезонить Клаус австрийца. – Кроме того, это немецкий дом, не забывай!

Но захмелевшего Мартина было трудно переубедить.

– Хороши же вы, Зиберт. У вас в гостях находится дама, а вы ее скрываете от нас. Пожалуйста, покажите вашу красавицу!

– Какая там красавица, – махнул рукой Зиберт. – Это больная родственница хозяина дома. Она нам испортила бы веселье.

«А что, если Клаус и Лауда пришли ко мне совсем с другой целью, – подумал Кузнецов, – может быть, дом уже окружен эсэсовцами?»

Зиберт пытался и так и этак усмирить Мартина, но тем временем и Клаус принял его сторону и тоже стал требовать, чтобы Зиберт представил им свою затворницу. Настал момент, когда оба немца с шумом поднялись из-за стола и двинулись к двери, за которой находилась Валя.

«Что делать?» – пронеслось в мозгу Кузнецова. Не спуская глаз с немцев, Кузнецов сунул руку в карман и осторожно снял с предохранителя свой вальтер, с которым никогда не расставался. Он подскочил к двери, опередив немцев, и распахнул ее.

Взору фашистов, напиравших на Кузнецова сзади, предстала кровать, на которой лежала больная.

Гитлеровцы несколько опешили. Немного погодя Мартин все

же попытался выйти из неловкого положения:

– Имею честь, фрейлейн, от моего имени и от имени моих коллег, просить вас украсить наш стол своим присутствием., Общество девушки немецкой национальности в этой суровой русской пустыне представляет для нас исключительное значение.

Валя лежала ни жива ни мертва. Но она быстро взяла себя в руки. В ответ на тираду немца застонала, изобразив болезненную гримасу.

– Ой, уши! Ой, зубы!

– Про… Прошу вас, фрейлейн, окажите нам честь!

– Уши! Зубы! Больно! Не могу больше. – На глазах Вали появились слезы.

Кузнецов, едва сдерживался, пытаясь оттеснить Клауса от кровати.

– Господа, прошу вас оставить в покое несчастную женщину, ей сейчас не до веселья. Пойдемте за стол.

Шаг за шагом он увлекал за собой обескураженных немцев, пока не закрыл за собой дверь Валиной комнаты.

Когда Мартин и Клаус наконец ушли, Кузнецов облегченно вздохнул и вернулся в комнату Вали.

– Все в порядке, Валюша, можешь вставать. Ты держалась молодцом, спасибо!

Валя сидела в кровати и, прижав руку к щеке, причитала:

– Ой, зубы! Ой, зубы! Ой, уши!

В глазах ее стояли слезы.

Кузнецов усмехнулся.

– Можешь прекратить. Все позади. Давай я сниму с тебя повязку.

– Зубы, зубы болят! И уши! На самом деле. Очень больно!

«Неужели она в шоке?» – подумал озадаченный Кузнецов, И в самом деле случилось невероятное. От сильного нервного потрясения у Вали действительно заболели и зубы и уши, хотя до этого она никогда на них не жаловалась.

Этот случай лишний раз подчеркнул опасность дальнейшего пребывания Вали в Ровно. По городу постоянно курсировали радиопеленгаторы. Кроме того, некоторые соседки стали проявлять повышенный интерес к «невесте» Николая Приходько. Поэтому Кузнецов решил, что будет лучше, если храбрая радистка, проработавшая с ним шестнадцать дней, возвратится в отряд.

Смерть Николая Приходько

Врач Альберт Цессарский вспоминал в «Записках партизанского врача», что Кузнецов освоился в Ровно и чувствовал себя совсем как дома. Каждые две-три недели он появлялся на «зеленом маяке», переодевался и отправлялся в отряд для доклада командованию и для краткого отдыха. Он бывал в эти дни в хорошем настроении, пел песни, читал стихи, шутил, смеялся Николай испытывал огромное счастье, вновь оказавшись среди своих.

«Главное в психологии немецкого офицера я усвоил быстро, – говорил Николай Кузнецов. – Гитлеровский офицер – это абсолютная фанатичная самоуверенность и безграничная дерзость. И я это копирую… Я понял, что у них в цене замкнутость, скупость на слова. Обо мне они говорили: «Ну и ловок же этот офицер». И испытывая симпатию ко мне, болтают без умолку, исповедуются мне, верят в мою скрытность, в то, что я умею хранить тайну».

Ценная информация буквально заполняла все вокруг. Надо было лишь уметь ее выявлять.

Однажды в казино Кузнецов терпеливо выслушивал жалобы начальника полевой жандармерии, который говорил о неразберихе, царившей в его подразделении.

– У меня даже архива приличного нет, его постоянно растаскивают то гестапо, то абвер. Кроме того, мы работаем в страшной тесноте, – сетовал Ришард.

– И у нас не лучше, – вмешивался в разговор невзрачный старший лейтенант, который всегда уютно чувствовал себя в обществе лейтенанта Зиберта, так как знал, что тот за него заплатит. – Наше отделение вчера срочно перевели в подвал. Там вообще не повернешься.

Кузнецов весь обратился в слух. Почему отделение перемещено? Реорганизация аппарата? Сокращение численности сотрудников? Отправка части работников на фронт? Интересно!

– Ничего страшного, видимо, это временная мера, – безразличным голосом высказал Кузнецов свое мнение.

– Ты прав, – согласно кивнул старший лейтенант Карло, – пока гостей не проводим.

Это уже совсем интересно! Но этого человека больше не надо спрашивать ни о чем. Кузнецов переводит разговор на другую тему, будто его не очень интересуют беды и печали его товарищей из комендатуры города. Рассказав пикантный анекдот, Кузнецов вскоре простился с ними.

Ранним вечером Кузнецов зашел в кафе на главной улице города, где обычно ужинал его приятель из рейхскомиссариата лейтенант Нецер. Между ними завязался оживленный разговор, в ходе которого Кузнецов сказал:

– Я здорово заработался последнее время. Как ты считаешь, не провести ли нам вечерок с моими знакомыми? Меня познакомили с одной девушкой, студенткой из Львова. Она приехала к тетке. Ее родители погибли под бомбежкой. Очень интересная девушка…

– У меня тоже дел выше головы, – признался Нецер. – Гауляйтер готовит доклад для гостей, и мы пятый день заняты едва ли не круглые сутки.

Вечером, около половины девятого, Кузнецов встретился в «Дойчегофф» с гестаповцем фон Дипеном и доверительно шепнул ему на ухо:

– Вы, конечно, знаете, что некто прибывает в Ровно, а я должен уже сегодня отбыть в свою часть. Я просто в отчаянии!

– Почему? – недоуменно спросил фон Дипен.

– Я давно мечтаю встретиться с ним, чтобы лично передать ему привет от моего отца, – они когда-то были знакомы.

– О, рехсмаршал пробудет здесь очень недолго и, вероятно, никого не будет принимать. Видимо, он спешит в Харьков. Вероятно, инспектирует авиационные части.

– Да, наверно, вы правы, – вздохнув, согласился Кузнецов.

Информация Кузнецова о предполагаемом прибытии Геринга в Ровно была передана в отряд, а оттуда – в Москву. Но Геринг почему-то изменил свои планы и в Ровно не появился.

Двумя днями позднее Приходько доставил на «зеленый маяк» подробный доклад Кузнецова о последних событиях в Ровно. Он пробыл здесь недолго и снова отправился в город с инструкциями для своего шефа. Но Кузнецов больше никогда не видел Приходько. Прошло несколько дней. О Приходько по-прежнему не было ни слуху ни духу. Исчезновение связного породило беспокойство у командования отряда. Последовало распоряжение всем разведчикам в Ровно прибыть на базу во избежание провала.

Неясность обстановки вынудила Кузнецова, Гнидюка, Шевчука и Николая Струтинского идти через Здолбунов. Но возникло новое препятствие. Из-за теплого южного ветра лед на реке Горыни необычно рано растаял. Единственный сохранившийся мост немцы охраняли зорко, а обходный путь составлял бы целых десять километров.

Разведчики разместились в квартире сестры Приходько – Анастасии Шмерег, муж которой – Михаил работал в железнодорожном депо. Петр Бойко, действовавший в

Здолбунове, предложил рискованный вариант: нанять военнопленного Леонтия Клименко (жившего на свободе под наблюдением и работавшего шофером у оккупационных властей), чтобы он перевез всю группу через мост на грузовике.

Клименко принял предложение и сразу после выполнения своей задачи получил от Шевчука обусловленную сумму денег. Как только путники, которых он благополучно перевез через мост, скрылись в придорожном лесу, Клименко понял, что это партизаны. Ему стало так стыдно за свой поступок, что он немедленно отыскал Бойко и вернул ему деньги. С этого времени Клименко стал активным членом подполья в Здолбунове.

Когда разведчики прибыли в отряд, в штабной землянке им показали радиограмму, которая была направлена в Центр. В ней говорилось, что Приходько был задержан патрулем полевой жандармерии примерно в десяти километрах от Ровно. Жандармов было двенадцать человек. Когда один из них решил обыскать повозку, Приходько выхватил автомат и дал по фашистам длинную очередь. Несколько жандармов упали, остальные стали отстреливаться. Приходько был ранен в левую руку. Отстреливаясь, он погнал лошадей в Ровно. Но у села Великий Житень его уже поджидал грузовик, набитый немецкими солдатами. Телефонный звонок обогнал Приходько. Немцы без всякого предупреждения открыли огонь. Раненный вторично Приходько спрыгнул в канаву и повел ответный огонь, Еще несколько фашистов было убито. Когда кончились патроны, Приходько прикрепил пакет с документами к гранате и бросил в фашистов. Последнюю пулю он оставил себе.

Николай Кузнецов был потрясен до глубины души вестью о гибели своего боевого друга. Под влиянием охвативших его чувств Кузнецов написал небольшую статью, точнее говоря, листовку о героической смерти Николая Приходько. Листовка называется «Подвиг» Ее оригинал хранится в Украинском государственном музее истории Великой Отечественной войны в Киеве она заканчивается словами: «Многие фашисты поплатятся своей головой за его смерть!»

26 декабря 1943 года Николаю Приходько посмертно было присвоено звание Героя Советского Союза.

Прибытие «невесты» Зиберта

В один из пасмурных мартовских вечеров в отряд пришла худенькая бледнолицая девушка. Ее звали Валентина Константиновна Довгер. От роду ей было 17 лет. На голове у нее была серая шаль, длинные концы которой охватывали грудь и завязывались за спиной, на ногах – валенки с галошами, через плечо девушки свисала котомка, а в правой руке она несла какой-то сверток. Все это заметно ее старило. Девушка была взволнованна.

– Пришлось привести ее сюда, – сказал сильным голосом разведчик Кочетков, поправляя свалявшиеся потные волосы на лбу. – Она мне заявила, что все равно пойдет в Цуманский лес.

Отца девушки, старого белорусского революционера Константина Довгера, боевого разведчика отряда «Победители», немцы схватили в начале марта 1943 года и жестоко казнили: бросили нагого в прорубь.

Валя объяснила, что оставила свой город Клесов и пришла к партизанам, чтобы заменить погибшего отца. В первый же день она настойчиво просила Медведева дать ей оружие. «В глазах ее была ненависть к врагу», – говорил позднее комиссар отряда Сергей Стехов.

В это же время в отряде оказался Николай Кузнецов. Готовясь к возвращению в Ровно, он попросил Медведева выделить ему помощника. Действительно, ему было нелегко жить в одиночестве среди врагов и на протяжении недель не иметь возможности произнести ни одного русского слова. Контакты с другими советскими разведчиками в последнее время пришлось прекратить во избежание провала.

Обсудив создавшуюся ситуацию, Медведев и Лукин с согласия Центра решили послать в Ровно Валю Довгер, исходя из того, что она безусловно заслуживала доверия, свободно владела немецким, польским и украинским языками. Тогда же было решено переселить и ее мать, Евдокию Андреевну Довгер, у которой в городе имелись дальние родственники и немало знакомых.

Размышляя над легендой для Вали, Медведев пришел к мысли послать ее в Ровно под видом «невесты» Пауля Зиберта. Этот вариант был бы хорошим прикрытием для обоих. Но Кузнецову он вначале показался неприемлемым.

– Валя слишком эмоциональна и непосредственна. Она не умеет скрывать свою ненависть к нацистам, настроена излишне агитационно. Мне нужна сотрудница хладнокровная,

выдержанная, с деликатными манерами.

Однако победила точка зрения Медведева. После этого из Центра пришло сообщение о том, что Пауль Вильгельм Зиберт «произведен» в обер-лейтенанты, а для Вали Довгер была прислана легенда, в которой говорилось, что ее отец – фольксдойче был убит партизанами за активную связь с оккупационными властями.

Энергичная девушка, на вид почти подросток, быстро завоевала доверие Кузнецова. Уже первые его отзывы о ней были положительные. Валя благодаря помощи одной из родственниц нашла квартиру для себя и своей матери, где в случае необходимости мог укрыться и Кузнецов. Она выдавала себя за фольксдойче и несколько раз появлялась в обществе Кузнецова в «Дойчегофф» и на главной улице города. С утонченной сдержанностью и почтительным вниманием она знакомилась с немецкими офицерами, «приятелями» обер-лейтенанта Зиберта.

Но этим ее роль не ограничивалась. По указанию руководства она сама перешла к активным действиям. Так, через одну свою приятельницу она познакомилась с Леоном Метко, инженером немецкой строительной фирмы «Гуго Парпарт», являвшимся сотрудником гестапо. Леон поверил ее рассказу об отце, убитом партизанами, и обещал помочь ей в легализации в Ровно. Он достал ей документ, в котором говорилось, что она живет в Ровно и работает продавщицей в магазине.

Метко был весьма общительный, даже назойливый человек. В своей шубе из овчины и меховой шапке он походил на огромного неуклюжего медведя. Валя познакомила его со своим «женихом» Зибертом, а Метко, в свою очередь, познакомил обер-лейтенанта с некоторыми служащими рейхскомиссариата и гестапо. Круг знакомых Кузнецова постоянно расширялся. Каждое новое лицо оказывалось ему чем-то полезным и необходимым.

Пятидесятилетний Метко среди офицеров имел репутацию прожженного сердцееда. Он постоянно был при деньгах, отличался остроумием и практичностью. Кузнецову он сказал уже при первой встрече:

– Мне милы лишь мои деньги и чужие жены! Но женщины лишь высшего сорта! Действуйте, господин обер-лейтенант, не считайте мух!

Кузнецов громко рассмеялся в ответ. Он не мог понять, что побудило инженера Метко взять покровительство над Валей. Может быть, она напомнила ему его шестнадцатилетнюю племянницу, отец которой, нацистский капитан, погиб где-то в Сербии от партизанской пули.

– Сербы, господин обер-лейтенант, вероломные и коварные

люди, испорченные до мозга костей. Настоящие кровопийцы! Они нечестно вели себя в отношении немецкого народа еще во время первой мировой войны. Не дай вам бог перевестись туда! Там нисколько не лучше нашему брату, чем в Брянских лесах. Большевистские банды заполнили Балканы. Дикая страна! – В глазах Метко стоял подлинный страх.

– Всякому овощу – свое время, господин Метко, – задумчиво произнес Кузнецов. – Дойдет черед и до Балкан. – Обер-лейтенант вынул из кармана записную книжку, в которую имел обыкновение заносить мысли и выражения нацистских заправил. И начал цитировать:

> «Сама по себе, судьба русских, чехов или каких-то сербов меня не беспокоит ни в малейшей степени. Процветает ли данная нация или гибнет – этот факт меня интересует лишь постольку, поскольку люди, ее составляющие, нужны нам как рабы нашей культуры; во всем остальном их судьба мне абсолютно безразлична».

Эти слова принадлежат Герингу. Или вот еще одно его изречение:

> «Низшей расе надо меньше жилищ, меньше одежды, меньше пищи и меньше культуры, чем высшей расе».

– А теперь процитирую вам указание Геринга. Он говорил:

> «Убивайте всякого, кто против нас. Убивайте, убивайте. Вы не несете за это ответственности. Я беру ее на себя. Поэтому убивайте!»

– Интересное высказывание я встретил у Бормана. Он писал:

> «Славяне должны работать на нас. Когда они нам больше не будут нужны, они могут умереть. Рост численности славян нежелателен».

– И в заключение приведу вам отрывок из «Памятки немецкому солдату». В ней говорится:

> «У тебя нет ни сердца, ни нервов. На войне они не нужны. Уничтожь в себе всякое чувство сожаления и милости – убивай всякого славянина, всякого русского. Не останавливайся, если перед тобой старик или женщина, девушка или ребенок – убивай!»

– Это, господин Метко, современная библия. Бог – на небе, фюрер – на земле. Когда человек хорошо усвоит национал-социалистическую идеологию, ему ничто не страшно, так как он непоколебимо уверен в том, что третий рейх непобедим! – сквозь стиснутые зубы закончил свою лекцию гестаповцу Пауль Зиберт.

Они вышли на улицу. Был слабый морозец. Сквозь сероватую дымку виднелись вдали огни костров, один за другим загоравшихся на башнях старой крепости.

– Говорят, что это партизанские костры. Может быть, партизаны уже в городе? – испуганно произнес Метко, словно обращался к самому себе. А его глаза неотрывно смотрели на колеблющееся пламя далеких костров.

Обер-ефрейтор Шмидт, имперский дрессировщик собак

Гауляйтер Восточной Пруссии и рейхскомиссар оккупированной Украины Эрих Кох сумел пережить войну и на протяжении многих лет, скрываясь под разными именами, избегать справедливого возмездия. Заместитель Гитлера по делам оккупированных восточных территорий, один из старейших руководителей нацистской партии, имевший членский билет номер шестьдесят, был арестован лишь в 1958 году. Его имя не раз упоминалось на заседаниях международного трибунала в Нюрнберге в 1946 году, судившего нацистских военных преступников. В то время предполагалось, что Эрих Кох мертв.

На скамью подсудимых он сел лишь 20 октября 1958 года в Варшаве. (Но трибунал отряда «Победители» приговорил Эриха Коха к смертной казни еще в 1942 году.) Постаревший, немного сгорбившийся, неприметный, словно облезлый кот, этот военный преступник, пославший на смерть миллионы людей, на суде изображал из себя раскаявшегося грешника, пытаясь таким наивным образом вызвать сочувствие и даже понимание.

Об этом процессе писала вся мировая пресса.

Любопытный эпизод произошел на этом процессе, когда давал показания в качестве свидетеля поляк Юзеф Курьят, бывший разведчик отряда «Победители».

– За преступления против украинского, польского, русского, еврейского, литовского, белорусского, чешского, словацкого, молдавского и эстонского народов наш отряд в сорок втором году осудил Эриха Коха на смерть. Этот приговор должен был привести в исполнение Николай Иванович Кузнецов, известный в отряде как Николай Васильевич Грачев, а в Ровно он действовал под видом немецкого офицера Пауля Вильгельма Зиберта. Вот здесь, – Курьят поднял вверх книгу, изданную в Польше под названием «Где старший лейтенант Зиберт?», – об этом подробно написано.

При упоминании имени Пауля Зиберта бывший заместитель Гитлера съежился. Сквозь дымку воспоминаний перед его глазами возник облик энергичного обер-лейтенанта, светловолосого и сероглазого.

– Пауль Зиберт! Прошу высокий суд прервать на несколько дней процесс и дать мне возможность ознакомиться с книгой о Пауле Зиберте.

В своем последнем слове бывший гауляйтер сказал такое, что

вызвал оживление в зале. Он заявил:

– Прошу высокий суд принять во внимание мою гуманность: ведь я сохранил жизнь Паулю Зиберту.

Варшавский суд приговорил «гуманного» гитлеровского военного преступника к смертной казни.

* * *

Рейхскомиссариат «Украина» размещался в здании бывшей гимназии, в которой, кстати, учился русский писатель Владимир Короленко. Это очень красивое и удобное здание находится на улице Калинина, которую оккупанты переименовали в Шлоссенштрассе. Эрих Кох разместил здесь и свою личную резиденцию.

Здание находилось в глубине большого парка. Ряды столетних дубов и лип, плакучие ивы, сосны, ели, платаны и березы придавали зданию вид модернизированного дворянского гнезда. За цветниками и газонами ухаживали мастера, привезенные из разных стран Европы.

В погожие теплые дни гауляйтер любил отдыхать в небольшой беседке в глубине сада, в тени кустов сирени. Большой бассейн, вода в котором подогревалась и постоянно циркулировала, предназначался лишь для него и для важных гостей из Берлина.

В состав рейхскомиссариата входило еще несколько помещений: вилла для адъютанта, здание для прислуги, медпункт, кухня, казарма для личной охраны и псарня для дрессированных собак.

Специалисты постарались обезопасить рейхскомиссара от возможного нападения как с земли, так и с воздуха. В саду были сооружены массивный бетонный бункер, подземные переходы, бомбоубежище, пулеметные гнезда и специальные наблюдательные посты.

Хотя Шлоссенштрассе была одной из самых важных и красивых магистралей города, жители Ровно старались обходить ее стороной, так как почти все здания были здесь реквизированы оккупантами под служебные и жилые помещения. Местные жители появлялись здесь лишь по вызову рейхскомиссариата, в определенный день и час. Полицаи и гестаповцы в штатском проверяли личность каждого, кто был им неизвестен, если он оказывался на Шлоссенштрассе. Многие за это поплатились жизнью.

Было время, когда Кох разъезжал по Ровно с видом монарха,

в открытой машине. Он выступал с речами, восседал на трибунах и за столом президиума на разного рода торжествах в честь прибытия в город руководящих деятелей третьего рейха. Акты возмездия, осуществляемые Кузнецовым и другими народными мстителями, скоро положили этому конец. Среди гитлеровских заправил стала расти паника.

Теперь Кох уже не бравировал. Он сидел в своем замке под усиленной охраной, скрытно выезжал из города и так же тайно возвращался, избегал появляться на улицах Ровно. Кох боялся отмщения за море пролитой им крови, за слезы и страдания, за массовый террор на украинской земле.

В отряде не переставали перебирать варианты уничтожения или захвата Коха. Но всякий раз приходилось отказываться от них ввиду их нереальности.

Однажды Валя Довгер сообщила Кузнецову, что к ней в магазин заходил старый знакомый их семьи поляк Ян Каминский. Выяснилось, что они живут недалеко друг от друга, и Каминский пригласил ее к себе на чашку чая. Молодая разведчица была удивлена откровенностью Каминского. Оказывается, он искал встречи с советскими подпольщиками, так как решил порвать с организацией польских националистов «Звезник валки зброной» («Союз вооруженной борьбы») из-за ее пассивности.

После долгих раздумий Кузнецов решил познакомиться с Каминским. Поляк произвел на него исключительно положительное впечатление. Он охотно дал клятву строго соблюдать все правила подпольной работы и с готовностью согласился собирать данные о немецких войсках и передавать их Вале.

Двумя днями позднее Каминский познакомил Кузнецова с обер-ефрейтором Шмидтом, дрессировщиком полицейских собак, которых содержали при рейхскомиссариате. Шмидт частенько наведывался в дом Каминского, так как был увлечен его соседкой Ядвигой. В отличие от других солдат, Шмидту, «ввиду особой важности выполняемой им работы», было позволено посещать ресторан отеля «Дойчегофф». Об этом Шмидт не преминул уведомить обер-лейтенанта Зиберта еще при первой их встрече – уж очень хотелось ему подчеркнуть свое значение в рейхскомиссариате.

– Я здесь не какой-нибудь писарчук, господин обер-лейтенант. У меня большой авторитет в рейхскомиссариате! Мне открыты все двери. Особенно меня уважают мои земляки. Вот, например, адъютант рейхскомиссара майор фон Бабах – мой закадычный приятель еще с детских лет. И все же я не чувствую себя счастливым…

Ярко-рыжий, веснушчатый обер-ефрейтор Шмидт, в глазах которого застыло уныние, энергично жестикулировал во время разговора. Хотя он и распространялся без меры о значимости своей персоны, на обер-лейтенанта аристократического происхождения он смотрел как плебей на господина, тем более что тот удостоил его предложением пообедать вместе в ресторане.

На следующее утро Шмидт раньше, чем обычно, закончил свои дела на псарне. Работать со служебными собаками мешали весенние лужи и грязь. По небу ползли дождевые облака. Шмидт не забывал, что в час дня его будет ждать в отеле обер-лейтенант Зиберт. Интуитивно он предчувствовал, что Зиберт может помочь ему в разрешении некоторых его проблем. А их у обер-ефрейтора Шмидта было немало.

– Собаки меня очень любят, но я живу хуже, чем они, господин обер-лейтенант, – жаловался обер-ефрейтор, держа на весу ложку горячего супа с кнедликами. – Нет мне счастья. Не зря говорят, что от кривого дерева – кривая тень. Я и раньше был гол, как сокол, а теперь и с войны вернусь с пустыми руками. Другие наживут за войну столько, что откроют магазины, кафе, обзаведутся семьями, и потекут к ним денежки, а я так и останусь бедняком.

– А чем бы вы хотели заняться после нашей победы? – деловито спросил Зиберт.

– Я и сам не знаю, господин обер-лейтенант. Мой земляк, майор Бабах, говорит, что я мог бы открыть школу дрессировки собак для армии и полиции. Войны ведь будут и после этой, господин Зиберт, значит, дрессированные собаки всегда потребуются. Но я не уверен, что мне удастся реализовать свои планы. Я человек добрый, не умею расталкивать других локтями. Несмотря на мои способности и заслуги как дрессировщика, мне будет трудно состязаться с другими. После войны нас, фронтовиков, вытеснят те, кто имеет свои салоны.

– Не падайте духом, господин Шмидт, новую жизнь не поздно начать и за пять минут до смерти, – старался приободрить обер-ефрейтора Кузнецов. – Даже если ваши планы не осуществятся, мы вместе постараемся найти лекарство от вашей болезни. Кстати, а почему бы вам не занять какое-либо приличное место в имении моего отца? – участливо спросил обер-лейтенант, делая вид, будто эта мысль случайно пришла ему на ум во время их разговора.

– Вы благородный человек, господин Зиберт, – ответил Шмидт, приятно удивленный неожиданным предложением. Его глаза повеселели. – Э, да что там говорить, если бы людей ценили

по их заслугам, где бы я сейчас был! Только на псарне гауляйтера Коха я выдрессировал семь первоклассных овчарок. Сейчас готовлю восьмую.

Эта восьмая возлежала сейчас у ног своего дрессировщика.

– Должен признаться, господин Шмидт, что таких умных собак, как эта, я еще не встречал. Когда настанет мир, я попрошу вас обучить для меня такую же. Я неравнодушен к умным и сильным овчаркам. Не зря говорят, что собака – надежный друг человека.

– Этот пес лучший из моей восьмерки, – вернулся на своего конька Шмидт. – Он безошибочно выявляет неарийцев, клянусь вам!

– Не может быть! И партизан?

– О!.. Партизан и евреев он узнает за километр!

– Значит, пес чует, где его добыча!

– Я понимаю, что делаю нужное дело, господин обер-лейтенант, только платят мне за это мало, – снова начал жаловаться Шмидт. – А ведь скольких генералов и министров спасли мои собаки от партизанской пули!

– Зарезанной овце не больно, когда с нее сдирают шкуру, мой дорогой Шмидт. Те, кого несчастье миновало, не в состоянии понять, почему это произошло. Поэтому ваш труд и не оценивается должным образом, – с горчинкой в голосе произнес Кузнецов, выражая сочувствие обер-ефрейтору.

– А у меня здесь в Ровно ведь девчонка есть. Кристально чистая, как слеза. Ее зовут Ядвигой. Имею в отношении нее самые серьезные намерения. Но она Очень любит транжирить деньги, чем причиняет мне большие муки. Из-за пристрастия к дорогим подаркам она флиртует с одним гестаповцем. Откровенно вам скажу, что на вид он полное ничтожество. К тому же баварец. Но денег у него полный карман. Он завалил Ядвигу подарками. А что прикажете делать мне!

Выяснилось, что прекрасная Ядвига тратила столько что Шмидту пришлось залезть из-за нее в долги.

– Все мы поджариваемся на одном и том же огне мой дорогой Шмидт, – вздохнул Пауль Зиберт. – Мне правда, не приходится жаловаться на нужду в деньгах; Благодаря отцу их у меня всегда хватало. – Кузнецов выдержал продолжительную паузу. – Но радости жизни я всегда любил и люблю…

– О, это хорошо!

– Жаль, что мы не были с вами знакомы, может быть, я оказался бы вам чем-нибудь полезен в ваших сердечных делах. Но и сейчас еще не поздно. Заходите ко мне, найдем что-нибудь подходящее для вашей Ядвиги, не стесняйтесь!

– Боюсь, что уже не имеет смысла, господин обер-лейтенант.

– Не отчаивайтесь, – произнес Зиберт, наблюдая одним глазом, как шеф зала пани Лела учтиво кланяется представительному генералу фон Илгену. – Вы мне нравитесь, Шмидт. Давайте выпьем за вашу умную овчарку, за ее здоровье. Может, она вызволит вас из временных трудностей своими успехами. У каждого из нас свои проблемы, – вздохнул Зиберт. – У меня тоже их хватает. Всего один пример. Моя невеста никак не может достать документ о том, что она фольксдойче. Ее отца убили партизаны, а все ее документы попали к ним в руки. Как теперь доказать ей свое арийское происхождение? Получается настоящий парадокс: в Великой Германии чистокровная немка должна доказывать свою личность!

– Да, это несчастье! – сочувственно закивал головой Шмидт.

– Но это еще не всё. Ее наметили к отправке в Германию.

– Не может быть!

– Видите, у каждого своя беда. Поэтому люди должны держаться друг друга. Я лично за товарища готов пойти в огонь и в воду.

– Не понимаю, господин обер-лейтенант, как же так получается! Наших людей везут из Германии сюда, а отсюда отправляют в Германию немку, которая хорошо знает и язык и народ этого края. Разве нельзя занять фрейлейн здесь, в рейхскомиссариате? Там ведь не хватает работников.

– А как это сделать, Шмидт? Не знаю, что отдал бы тому, кто помог бы мне в этом деле. Я ведь люблю ее и имею самые серьезные намерения.

– Да, это дьявольски трудная задача. Вот если бы у фрейлейн были документы… Нет, не знаю, что делать.

– О, дорогой Шмидт, вы дали мне прекрасную идею. Весьма благодарен вам за это. Этот вопрос может решить лишь один человек – рейхскомиссар Кох. Надо лишь выйти на него.

– Да, только он, – подтвердил обер-ефрейтор. – Может быть, вам сможет помочь мой земляк и приятель гауптман фон Бабах, адъютант рейхскомиссара. Пусть фрейлейн напишет заявление, а мы его протолкнем. Гауляйтер весьма ценит Бабаха. Он происходит из известной аристократической семьи. Его дед был генералом во времена Вильгельма.

– Если нам это удастся, мой дорогой Шмидт, я буду вам обязан до конца своих дней. Огромное спасибо вам и за саму идею. А о вас я позабочусь, можете на меня положиться… Только я не хочу быть неправильно понятым.

Кузнецов положил в карман обер-ефрейтору солидную пачку банкнот, которые он получил в отряде.

– Не надо, прошу вас. – Шмидт был возбужден. – Этого не требуется, господин обер-лейтенант, я предложил походатайствовать за вашу невесту из чисто дружеских побуждений.

– Вы на редкость искренний человек, Шмидт. И не стесняйтесь, пожалуйста. Помогать ближнему – святая обязанность людей. Или вы не христианин? За настоящего друга я готов на все…

Обер-ефрейтор просиял. Прежняя неловкость уступила место сознанию, что его трудности остались позади. И все это благодаря Зиберту. Шмидт формально принадлежал к подразделению подполковника Шилинга, но фактически подчинялся гауптману фон Бабаху. Дрессировка собак велась таким образом, что они признавали лишь двух человек – самого Коха и Шмидта. Поэтому и имперский обер-ефрейтор всегда был под рукой у фон Бабаха. Совместные дела еще больше сблизили их, не говоря уже о том, что они были земляками, а это у пруссаков всегда играло немаловажную роль.

Гауптман фон Бабах оказался падок на деньги и после знакомства с Зибертом старался сблизиться с ним. Ему импонировало общество «героя-фронтовика» грудь которого украшали два Железных креста. Как и многие тыловики, он был неравнодушен к боевым наградам.

– Если бы мне ваши заслуги, – открыто признался он однажды, – я бы со своими связями и способностями быстро стал генералом.

– Честно скажу вам, господин гауптман, для меня в этом мире важны лишь пять вещей: фюрер, Великая Германия, мужская дружба, женщины и деньги. Карьера меня не особенно интересует. Что касается денег, они меня интересуют лишь постольку, поскольку позволяют жить красиво.

Фон Бабах задумался, задетый за живое беззаботным отношением Зиберта к деньгам, которых ему самому так недоставало. «Выходит, – размышлял он, – я просто не умею пользоваться теми возможностями, которые дает мне мой пост».

– Я тоже не раб золотого тельца, но золото не пахнет, мой Зиберт! Без денег человек немощен, независимо от того, любит он их или нет. Вот, например, завтра ко мне приезжает из Берлина приятель, личный адъютант генерал-фельдмаршала Кейтеля. Мы с ним вместе учились в военной академии. Я должен буду сводить его и его друзей в ресторан, купить ему какой-нибудь подарок. Конечно, по служебной линии он получит все, что ему положено. Но он будет ожидать чего-то и от меня. Это естественно. А что прикажете делать мне, если всю зарплату до последнего

пфеннига я отсылаю жене?

И хотя фон Бабах придерживался покровительственного тона в отношениях с Зибертом, ему пришлось несколько раз брать у того взаймы. Чтобы не возвращать долг, он всякий раз делал намек, что окажет Зиберту какую-нибудь важную услугу. Случай с Довгер как раз и показался ему благоприятным для такого расчета. Хотя Валентина выдавала себя за фольксдойче, в рейхскомиссариате она не числилась как лицо немецкого происхождения. Поэтому ей неожиданно прислали повестку отправиться на работы в Германию. В отряде и в Центре это вызвало беспокойство и озабоченность. И пока думали да гадали, что делать, Кузнецов предложил хитрый план: добиться приема у рейхскомиссара Коха и попросить его лично отменить решение о посылке фольксдойче Довгер в Германию. А во время аудиенции совершить покушение на рейхскомиссара, которое получило бы широкий резонанс и в самой Германии, и среди порабощенных народов, и в странах антигитлеровской коалиции.

– Вопрос очень трудный, – оправдывался фон Бабах перед Зибертом. – Если бы повестка не была направлена, можно было бы это дело уладить. Единственное, что я могу сделать, – отложить отправку на две недели, а отменить ее может лишь сам гауляйтер Кох.

– Неужели господин рейхскомиссар станет заниматься такими пустяками? – недоуменно спросил Зиберт.

– К сожалению, иного пути я не вижу. Если фрейлейн Довгер, как вы говорите, является фольксдойче и если вы в ней заинтересованы, я сделаю все, что в моих силах, чтобы он вас принял, – ответил адъютант. – Сейчас Коха нет в Ровно. Он уехал в Берлин на похороны старинного приятеля, бывшего начальника штаба штурмовых отрядов, погибшего в дорожной катастрофе. Из Берлина он, вероятно, проедет в Кенигсберг и Варшаву. Как только он вернется в Ровно, я доложу ему о вашей просьбе. Вы же заранее приготовьте все бумаги, чтобы я мог их предварительно изучить. Вам надо будет явиться в парадной форме, да и фрейлейн Довгер пусть обратит внимание на свой туалет.

Обер-ефрейтор Шмидт известил Каминского, а тот Валю Довгер, что приезд Коха в Ровно ожидается 25 мая. На следующее утро прошение фольксдойче Валентины Довгер и Пауля Зиберта было передано фон Бабаху через Шмидта. Четырьмя днями позднее специальный посыльный постучал в дверь квартиры Валентины Довгер и вручил ей извещение из рейхскомиссариата, в котором говорилось, что Эрих Кох примет ее и ее «жениха» 31 мая 1943 года.

Благодаря мастерским действиям Кузнецова в раскинутую им

сеть попался человек, обязанностью которого было неусыпно бдить над заместителем фюрера, ревностно оберегать его жизнь, не останавливаясь перед самыми жестокими мерами. Фон Бабаху и присниться не могло, что он стал звеном в цепи акций, целью которых была казнь палача украинского и польского народов Эриха Коха.

Обер-ефрейтор Шмидт очень боялся партизан, но по-своему сотрудничал с ними через Кузнецова. За оказанные услуги Кузнецов выплачивал ему солидные вознаграждения, которые он представлял как аванс за будущую подготовку Шмидтом молодой породистой немецкой овчарки. Истина состояла в том, что каждая немецкая марка, инвестированная Кузнецовым в это дело, приносила бесценные дивиденты.

Валентина Довгер, которая после войны была провозглашена почетным гражданином Ровно, рассказывала, что накануне визита к Коху Кузнецов был совершенно спокоен. Это был необыкновенный человек. Его соратники и историки, подробно описывая методы работы Кузнецова, особо подчеркивают выдержку, предусмотрительность, хладнокровие Николая Ивановича. Этот человек, казалось, был лишен нервов и чувств. Но в отряде знали его и совсем другим: веселым, восторженным, общительным.

«Готовя какую-нибудь операцию, он разрабатывал детальную программу действий и затем осуществлял ее твердо и последовательно, действуя как машина. Не поддается разумению, как мог этот страстный человек действовать так хладнокровно и расчетливо в самых невероятных ситуациях», – пишет Альберт Цессарский в книге «Записки партизанского врача».

Вечером 30 мая Кузнецов и Валя обсудили последние детали своего визита к Коху. Решили, в частности, что пистолет следует положить в карман кителя, – откуда его можно вынуть легче и быстрее.

План покушения был смел и прост. Пауль Зиберт входит в кабинет, отдает честь, подходит к столу, вынимает пистолет и стреляет. Судя по всему, Кузнецов сознавал, что шансов на спасение после покушения у него и у Вали было мало. Поэтому эта часть плана даже не была достаточно детализирована. Просто предполагалось, что в возникшей суматохе Кузнецову и Вале удастся выйти в сад, за оградой которого их будут ожидать товарищи.

Непосредственно перед операцией Кузнецов изменил ранее принятое решение в отношении пистолета. Он переложил его из кармана куртки в карман брюк.

Прежде чем отправиться в резиденцию Коха, Кузнецов

попросил Валю присесть с ним на скамейку и мысленно еще раз проиграл весь сценарий аудиенции.

Особенно продумал он способ извлечения пистолета из кармана и стрельбы. Кузнецов регулярно тренировался в стрельбе навскидку, без прицеливания. В кармане его брюк лежал вальтер с полной обоймой патронов и на боевом взводе…

– Вашу руку, фрейлейн Валя, пошли!

Аудиенция у заместителя фюрера

В 1943 году лето пришло в Ровно раньше, чем обычно. Уже в 10 часов утра 31 мая солнце пекло с такой силой, что трудно было дышать. Все, казалось, погрузилось в дрему.

В центре города перед большим двухэтажным дворцом с колоннами остановился шикарный экипаж. Из него вышел элегантный подтянутый обер-лейтенант пехоты в парадной форме. Железные кресты первой и второй степени, знак за ранение свидетельствовали о том, что офицер был заслуженный фронтовик. Он протянул руку своей спутнице, худенькой сероглазой девушке, и помог ей сойти на землю.

На переднем сиденье, полный чувства собственного достоинства, важно восседал «кучер» Николай Гнидюк. Под его сиденьем были упрятаны автоматы и ручные гранаты. На соседних улицах дежурили «случайные прохожие» Михаил Шевчук, Василий Галузо, Николай Куликов, Георгий Струтинский и другие разведчики, готовые с оружием в руках обеспечить отход Кузнецова и Вали после покушения.

Перед воротами рейхскомиссариата расхаживают стражники с тупыми непроницаемыми лицами. Энергичным взмахом правой руки они отдают честь обер-лейтенанту. У главного входа его ожидает худощавый гауптман с живыми темными глазами.

– Дорогой мой Зиберт, рейхскомиссар ждет вас… Скажите кучеру, чтобы заехал во двор, – неудобно экипажу стоять перед правительственным зданием.

Черноглазый «кучер» забеспокоился, так как знал, что обычно городским фиакрам въезд на территорию рейхскомиссариата был запрещен. Но сейчас деваться было некуда и он заехал во двор.

Фон Бабах провел гостей в прихожую, в которой осуществлялась последняя административная проверка посетителей.

– Готовы ли пропуска обер-лейтенанту Паулю Зиберту и фрейлейн Довгер? – спросил фон Бабах эсэсовца, вытянувшегося по стойке «смирно».

– Все в порядке, господин гауптман! – четко ответил атлетического сложения унтер-офицер в черной форме.

Эсэсовец не мог не отметить про себя, что спутница обер-лейтенанта была очаровательной. Особенно хороши у нее были большие сияющие глаза и волосы. Ее походка и осанка с очевидностью свидетельствовали о том, что она конечно же выросла где-то в метрополии третьего рейха. Но эсэсовец все же не мог понять, почему гауптман, адъютант рейхскомиссара,

лично встречал и сопровождал какого-то обер-лейтенанта.

В приемном салоне на втором этаже находилось несколько старших офицеров и коренастый приземистый генерал. Вошел гауптман Бабах и объявил, что очередность приема он будет регулировать сам.

Присутствующие молча приняли к сведению его информацию. В салоне стояла мертвая тишина. На многих лицах лежала печать тревоги. Никто не знал, что ожидает его за этой дверью.

– Говорят, рейхскомиссар сегодня в хорошем настроении, – произнес полушепотом на ухо Зиберту полковник, на левой руке которого недоставало пальца. Голос полковника звучал, однако, неуверенно, словно он пытался убедить в этом самого себя.

Обер-лейтенант не ответил, лишь слегка улыбнулся и кивнул головой.

– Первой приглашается фрейлейн Довгер! – возвестил фон Бабах, открывая массивную обитую кожей дверь.

Это была первая неожиданность. Кузнецов предполагал, что или их пригласят к Коху вдвоем с Валей, или же первым вызовут его.

Валя взглянула на своего «жениха», слегка улыбнулась, затем энергично встала и пошла к двери. «Первое, что я тогда ощутила, было предчувствие, что больше мы никогда не увидимся», – рассказывала она позднее.

В большом роскошно меблированном кабинете Валя прежде всего увидела трех крупных темно-серых овчарок. Они лежали на полу и напряженно смотрели на нее злобными глазами. На стене висел огромный портрет Гитлера в толстой золоченой раме. Под портретом, глубоко утонув в кресле, за массивным резным столом сидел дородный мужчина, усы и прическа которого свидетельствовали о его стремлении во всем походить на своего шефа. Кох просматривал прошение Вали и даже не поднял глаз, когда она вошла в кабинет. Между ним и Валей сразу же встал один из охранников, второй занял место за креслом Коха, а третий охранник, выделявшийся громадным ростом и огромными ручищами, встал за Валей.

Еще одно непредвиденное обстоятельство – овчарки. Не помешают ли они Кузнецову осуществить его план? Валя дрожала от напряжения.

Кох был сердит. На его столе в папке лежали бумаги, свидетельствовавшие о моральном растлении ряда старших офицеров ровнинского гарнизона, включая одного генерала авиации, взятого, как говорится, с поличным. Рейхскомиссара прежде всего интересовал вопрос, не использует ли противник

этих патологических типов в интересах получения разведданных о вермахте.

Что касается обер-лейтенанта Зиберта, то за него ходатайствовал лично фон Бабах, пользовавшийся у рейхскомиссара полным доверием. Однако в нацистском лагере каждый подозревал другого, а интриги, обман, доносы считались обычным средством на пути к карьере.

– Чем вы занимаетесь, фрейлейн Довгер? – строгим голосом спросил Кох.

– Я работаю продавщицей в магазине фирмы братьев Бауэр, – тихо ответила Валя.

– Вы указываете в анкете, что окончили десятилетку, советскую, конечно. Какая же из вас продавщица?

– Я была вынуждена пойти работать после гибели отца, чтобы прокормить мать, сестру и себя. Мне помогал господин «Пеон Метко.

– Чем же вам не нравится Великая Германия? В прошении вы указываете, что в вас течет немецкая кровь, и в то же время отказываетесь оказать помощь своей подлинной родине! – повысил голос гауляйтер. Лицо его приняло высокомерное выражение, темные глаза смотрели строго на стоявшую перед ним тоненькую девушку.

– Я уже упомянула, господин рейхскомиссар, что после смерти отца содержу целую семью. Моя мама тяжело больна, а сестре всего лишь тринадцать лет? – тихо произнесла Валя, стараясь говорить как можно более убедительно. В ее голосе слышалось отчаяние. – Очень прошу вас, герр гауляйтер, разрешите мне остаться со своими родными. Я и здесь могу быть полезной германскому рейху. Я владею немецким, русским, украинским и польским языками. Могу переводить, печатаю на машинке.

– Откуда вы знаете господина Зиберта?

– Я знакома с ним уже восемь месяцев.

– А где вы познакомились?

– Случайно в поезде. Позднее, по пути на фронт, он заезжал к нам… Теперь я не могу жить без него.

– Чем вы можете доказать, что ваши родители происходят из Германии?

– У отца имелись все документы. Его дед переселился сюда из Регенсбурга. Но все бумаги пропали при гибели отца.

– Все это, фрейлейн, выглядит неубедительно. Я понимаю ваше положение, но неужели у вас не сохранилось ни одного документа?

Кох нерешительно покачивал головой. Ему явно понравилось,

что Валя свободно говорила по-немецки и по-польски. В разговоре он несколько раз переходил с одного языка на другой, и Валя без затруднений следовала за ним.

– Не знаю, что делать с вами, фрейлейн Довгер. Надо еще подумать. Вас известят о моем решении, – завершил разговор Кох. – Вы свободны, можете идти. Пусть войдет обер-лейтенант Зиберт.

Прежде чем фон Бабах пригласил Кузнецова, через вторую дверь в кабинет Коха вошли два унтер-офицера с огромной овчаркой, которая сразу же уселась впереди письменного стола. Три других овчарки остались на своих местах.

– Хайль Гитлер! – резко выбросил вперед правую руку в нацистском приветствии обер-лейтенант Пауль Зиберт, едва переступив порог кабинета Коха.

– Хайль! – негромко ответил Кох, не вставая из кресла, и движением головы предложил Зиберту сесть на стул, поставленный посередине комнаты.

В тот же миг за плечами Зиберта встали два эсэсовца, готовые схватить его при малейшем сомнительном движении. Третий эсэсовец занял место за креслом Коха, а еще двое стояли у зашторенных окон.

Кузнецов сразу оценил создавшуюся обстановку. Путь к столу ему преграждала овчарка, и стрелять в Коха пришлось бы с расстояния в пять-шесть шагов. Овчарка сразу же предупреждающе заурчала, стоило ему сделать рукой движение в направлении кармана. Один из эсэсовцев, стоявших позади, неожиданно взял его сильной рукой за плечо и прошептал:

– Господин обер-лейтенант, здесь не разрешается ни носовой платок вынимать, ни совать руку в карман. Что делать? Такого приема Кузнецов не ожидал. Операция представлялась ему иначе. В такой обстановке выстрелить из пистолета ему не удастся. Прежде чем он выхватит из кармана пистолет, эсэсовцы и овчарки разорвут его на куски. Позднее, анализируя эту ситуацию, Кузнецов говорил, что уничтожить Коха можно было лишь одним путем – взорвать на себе мину или противотанковую гранату. Кузнецов не мог тогда предположить, что охрана у Коха будет такой сильной. Ему еще не приходилось слышать, чтобы кто-либо из верхушки третьего рейха принимал подобные меры личной безопасности.

Кох начал беседу довольно раздраженно, показывая, что не одобряет выбора обер-лейтенанта.

– Мне не ясно, обер-лейтенант, как у вас все это произошло? Вы, кадровый немецкий офицер, а влюбились в девушку сомнительного происхождения. Не отрицаю, она отлично говорит

по-немецки, но я интуитивно чувствую, что в ней есть примесь русской или еврейской крови.

– Фрейлейн Довгер – чистокровная арийка, герр рейхскомиссар! – учтиво ответил Зиберт. – Ее отца, который был предан фюреру и Великой Германии, убили партизаны. Я знал его лично. Разве его дочь заслужила такого сурового отношения со стороны фатерланда?

– Хорошо, хорошо, – Кох остановил его движением руки.

Кузнецов напряженно размышлял над тем, каким образом следует использовать создавшуюся ситуацию. Ему было очевидно, что настроение Коха меняется в лучшую сторону. Но он еще не отказался и от первоначального плана, хотя это и было бы самоубийством.

– Зиберт, вы член национал-социалистической партии?

– Так точно, герр рейхскомиссар. С 1937 года.

– Откуда вы родом? – продолжал задавать вопросы Кох.

– Из Восточной Пруссии, герр рейхскомиссар. Из Кенигсберга.

– Неужели! Так мы же земляки! А кто ваши родители, земляк? – Кох с интересом смотрел на Зиберта.

– Мой отец давно умер. Он был управляющим имения князя Шлобиттена, что вблизи Элбинга, господин рейхскомиссар. А я до ухода в армию был помощником нового управляющего.

– Подождите, подождите! – Кох задумался на мгновение. – Кажется, я припоминаю вас. Точно, вспомнил! В тридцать пятом году я был в тех местах на охоте и однажды ужинал в замке Шлобиттена. О, какой это был прекрасный вечер, я его никогда не забуду. Охотничий шницель с белым вином! Да, помню, что в замке я разговаривал с управляющим и его помощником. Так, значит, это были вы?

– Так точно, герр рейхскомиссар, то был я, – скромно ответил Кузнецов. И добавил: – Для меня большая честь, что вы запомнили тот случай. У вас абсолютная память.

Происходило невероятное. Кох «узнал» в советском разведчике помощника управляющего одного крупного поместья в Германии. Самое любопытное состояло в том, что Кузнецов никогда не был в Шлобиттене.

Тон беседы резко изменился. Кох угостил Зиберта египетскими сигаретами.

– А за что вы получили Железные кресты, обер-лейтенант?

– Первый – за поход во Францию, второй – на ост-фронте.

– Чем занимаетесь в данное время?

– После ранения временно служу в «Виршафтс-коммандо», господин рейхскомиссар. Ожидаю направления на фронт, в свою часть.

– А где она находится сейчас?

– Под Курском, герр рейхскомиссар.

– О, интересно! Тогда вам надо побыстрее поправляться, мой храбрый земляк. Фюрер готовит большевикам сюрприз именно под Курском. Мы нанесем им там удар такой силы, что переломим хребет. Наступают события, которые поставят Россию на колени. Под Курском вы сможете отомстить за свои раны, дорогой мой земляк!

Перед Кузнецовым предстал подлинный фанатик-фашист, охваченный ненавистью и презрением к противнику. Кулаки его были сжаты, зубы стиснуты, время от времени он стучал кулаком по столу, предвещая страшную кару всем, кто осмелится противиться великой Германии.

Драматичный поворот беседы ошеломил Кузнецова. Рейхскомиссар заговорил о событиях, огромное значение которых советский разведчик сразу почувствовал, но в тот момент он был еще не в состоянии полностью осознать их подлинные масштабы и возможные последствия.

– Имеются люди, – продолжал Кох, – которые после Сталинграда начали выражать недовольство. Появились слухи о втором фронте, о возможности заключения перемирия. Но эти паникеры забыли, что в Германии давно уже правит не император Вильгельм, а великий фюрер. Его гений, предвидение и упорство уберегут Германию от такой глупости. Второго фронта, мой земляк, не будет ни в этом году, ни в следующем. Его не будет никогда! Можете сказать об этом своим солдатам и офицерам, когда будете на фронте. У славянской расы больше не будет ни Чудского озера, ни Куликова поля. Поражение под Курском будет концом экспансии славян. Приходилось ли вам встречаться в бою с русскими танками, обер-лейтенант?

– К сожалению, да. Должен признать, что их тридцатьчетверки весьма неприятны, но это совсем не значит, что с ними нельзя бороться.

Коха охватил приступ злобы. Эсэсовцы обеспокоенно смотрели на него. Даже овчарки повернули головы в сторону рейхскомиссара, будто он обращался к ним.

Кузнецов окончательно принял решение отменить покушение. Обезумевший гауляйтер открывал перед ним тайны первостепенной важности. О них должен был знать Центр.

– Через полтора-два месяца русские узнают силу наших новых «тигров» и «пантер». Броню этих машин не берет ни один снаряд, ни одна граната.

Позднее, на процессе в Варшаве, Кох заявит, что во время беседы с Кузнецовым он был немного пьян. Видимо, этим можно

объяснить тот факт, что в один из моментов разговора он встал из кресла и подошел к большой карте, висевшей на стене. Его лицо покраснело, глаза сверкали, голос гремел на весь кабинет.

– Фюрер готовит большевикам внезапный удар. На сей раз будет совсем не так, как было под Москвой в сорок первом или под Сталинградом в сорок втором. Готовится нечто исключительное! Это будет последнее усилие, от которого разлетится вдребезги и второй фронт, и большевизм, и его агентура в оккупированных странах. О, когда фюрер решил ударить Россию в ее сердце, мы снова поверили в его гениальность. Проделаем брешь, раздробим большевизм, вытащим Красную Армию из укрепленных городов в бескрайнюю степь и больше никто не будет в состоянии остановить лавину непобедимого вермахта!

Кузнецов не верил собственным ушам. Эрих Кох, заместитель Гитлера, в случайном разговоре с каким-то обер-лейтенантом, пусть даже «знакомым» и «земляком», выбалтывал строжайшую государственную тайну – о подготовке грандиозной битвы под Курском и Орлом.

Рейхскомиссар понемногу успокаивался, победоносно поглядывая на восхищенные лица своих слушателей. В кабинете наступила тишина. Большая темно-серая овчарка, сидевшая перед столом, несколько раз зевнула, широко открывая пасть, и почесала ногой ухо.

Кох пододвинул к себе прошение Вали и написал на нем:

> «Отменить решение об отправке Валентины Довгер в Германию. Принять ее на работу в качестве служащей в отдел учета и сводок рейхскомиссариата. Учесть, что она владеет немецким, русским, украинским и польским языками.
>
> Эрих Кох».

Внедрение советской разведчицы в администрацию заместителя Гитлера имело далеко идущие последствия для борьбы разведслужб Советского Союза и фашистской Германии.

Эриху Коху и во сне не могло присниться, что содержание его беседы с одним рядовым посетителем, за которого поручилось доверенное ему лицо, вечером того же дня будет дословно передано в Москву.

* * *

После получения сообщения от Кузнецова в Москве

состоялось срочное заседание Ставки Верховного Главнокомандования. К этому времени в распоряжении Ставки уже имелись сведения и из других источников, свидетельствовавшие о том, что немцы готовят грандиозную, решающую битву в центральной и южной России. Эта информация давала Красной Армии возможность заблаговременно принять соответствующие меры и парировать намерения и действия немцев.

Разведданные, как известно, могут носить двоякий характер. Одни из них являются подлинными и раскрывают планы противника, вторые – специально подбрасываются противником для введения другой стороны в заблуждение. Во время второй мировой войны немецкие фашисты зарекомендовали себя мастерами маскировки своих подлинных намерений, специалистами в деле обмана и провокаций. Поэтому донесения из немецкого тыла в Москву принимались весьма настороженно, многократно перепроверялись и сравнивались с данными из других источников. Они анализировались в контексте глобальной обстановки и реальных возможностей противника.

Отношение к полученному разведдонесению во многом определяется тем, из какого источника оно получено, кто его автор, насколько данный разведчик квалифицирован, чтобы правильно понять сущность проблемы, выделить ее основные черты. Ни один разведчик, даже самый талантливый, не может решить судьбу битвы в современной войне, а тем более судьбу всей войны. Но он в значительной мере может содействовать успеху своей армии, оказать неоценимую помощь командованию. Знание планов противника, даже неполное, дает огромное преимущество.

Многие гитлеровские генералы, уцелевшие в войне, писали в своих мемуарах о Курской битве. Так, в воспоминаниях начальника штаба сухопутных войск генерала Цейтулера отмечается, что немцы еще в 1943 году «поняли, что кто-то выдал русским тайну об операции «Цитадель» (так именовалась немцами Курская битва) задолго до того, как она началась». Немецкие историки, пишет Х. Даме, были поражены, узнав из советских источников, что тайну операции «Цитадель» выдал не кто другой, как один из заместителей фюрера.

Эрих Кох, который в тот момент был немного разогрет алкоголем (во всяком случае, такое заключение следует из его дневника, где подробно перечислено, что делал, пил и ел в те дни гауляйтер Восточной Пруссии). Для хода второй мировой войны донесение Кузнецова об операции «Цитадель» имело несравненно большее значение, чем если бы он 31 мая 1943 года осуществил

акт справедливого возмездия по отношению к Эриху Коху. Советские историки подчеркивают огромную заслугу Николая Кузнецова в том, что он своевременно, из авторитетного немецкого источника узнал о подготовке гитлеровской армией наступления под Курском и Орлом.

Курская битва продолжалась 50 дней (с 5 июля до 23 августа 1943 года). В сражении на степных просторах центральной и южной России с обеих сторон участвовало свыше четырех миллионов человек, около 70 тысяч орудий и минометов, свыше 13 тысяч танков и около 12 тысяч самолетов. Немцы использовали в этой битве 100 своих дивизий, из которых 30 дивизий было разгромлено.

В целом противоборствующие стороны были равны по численности своих войск, за исключением первой фазы битвы, когда преимущество было на стороне гитлеровской армии.

Гитлер надеялся повернуть ход войны на востоке в свою пользу. Ему нужен был реванш за поражение под Сталинградом. Ему требовалась эффектная победа, чтобы поднять моральный дух армии, восстановить престиж Германии, запугать сателлитов, которые после Сталинграда начали колебаться.

Гитлеровское наступление, начавшееся 5 июля, натолкнулось на систему мощной, глубоко эшелонированной обороны. Уже в первый день сражения фашисты понесли огромные потери. Особенно ожесточенный бой произошел у станции Прохоровка, где на пространстве в несколько квадратных километров схватились 1200 танков советского генерала Ротмистрова и фашистского генерала Гота. За день боя гитлеровцы потеряли до 400 танков и свыше 10 тысяч солдат и офицеров убитыми. Маневренные советские тридцатьчетверки разбили в пух и прах фашистские стальные крепости, тяжелые и неповоротливые «тигры» и «пантеры».

Не позволяя противнику привести себя в порядок, советские войска, которыми командовали Маршалы Советского Союза Жуков, Василевский, генералы Рокоссовский, Ватутин, Конев, Малиновский, перешли в контрнаступление и освободили Орел, Белгород, а позднее Харьков, гоня перед собой армии фон Манштейна, фон Клюге, Моделя.

Курская битва – величайшая битва в истории. Здесь вермахт понес самое тяжелое поражение во второй мировой войне. От этого поражения он так и не оправился, писал Маршал Советского Союза Александр Михайлович Василевский в книге «Дело всей жизни». После Курской битвы немецко-фашистское командование было вынуждено окончательно перейти к стратегической обороне на всем советско-германском фронте.

Салон пани Лисовской

Вернемся к событиям, которые развивались в Ровно, в то время как на бескрайних просторах центральной и южной России, опаленных июльским зноем, погибали когда-то непобедимые армии третьего рейха.

Борьба между разведслужбами в районе Ровно достигла кульминации. Фашисты прилагали отчаянные усилия, чтобы воспрепятствовать деятельности советской разведки и партизан. В город один за другим приезжали крупные деятели немецко-фашистской разведки и контрразведки, специалисты по радиопеленгации и борьбе с партизанами.

По заказу абвера фирма «Лёве Опта» изготовила портативные радиопеленгаторы, чтобы агенты могли прочесывать улицы городов и поселков в поисках подпольных передатчиков. К дешифровке перехваченных радиограмм нацисты привлекли известного берлинского математика Вильгельма Фаука. Но Орлов, Шерстнева, Осмолова и другие радисты продолжали сводить на нет усилия фашистов как содержанием своих сигналов, так и оперативностью в смене мест. По указанию Медведева радиопередатчики непрерывно перемещались из одного убежища в другое. Одновременно изменялись время и частоты радиопередач.

Йоргелс, шеф гестапо в Ровно, решил привлечь к работе в фашистской разведке двоюродных сестер Лидию Ивановну Лисовскую и семнадцатилетнюю Майю Микоту, отличавшихся редкой красотой. Лидия работала шефом зала в отеле «Дойчегофф», а Мария, выступавшая под именем Майя, – в кафе «Нур фюр Дойчен» («Только для немцев»).

Лидия Лисовская, которую немцы звали «пани Лела», в свои 26 лет уже четыре года была вдовой. В начале второй мировой войны она была в польской армии в качестве сестры милосердия. Ее муж, польский офицер, погиб в фашистском плену.

О красоте молодой полячки ходили легенды. Она окончила балетную школу и консерваторию, хорошо стреляла и мастерски владела искусством верховой езды. Еще перед войной ей предлагали работу в Голливуде, но блистательной карьере киноактрисы она предпочла замужество.

Все это, а о муже Лидии немцы практически ничего не знали, импонировало ее многочисленным поклонникам в Ровно, которых она, однако, умела держать на расстоянии. Никто не мог похвастаться, что пользовался у Лидии серьезным успехом, в том числе и зондер-фюрер Гаан, который распространил среди

приятелей слух, будто пани Лела дала согласие выйти за него замуж. Гаану, по всей видимости из-за знакомства с Лисовской, было отсрочено присвоение генеральского звания, хотя он и имел «особые заслуги перед фюрером и Великой Германией».

Пани Лела разрешала некоторым постоянным посетителям отеля бывать у нее дома, а иногда позволяла им приводить с собой своих знакомых, которых вихрь войны забросил в Ровно.

Среди тех, кто бывал у нее на улице Легионерская, 15, были полковник Адам Шумахер, майор фон Дипен, инженер Леон Метко и другие.

Эти визиты, естественно, могли вызвать сомнение в добропорядочности хозяйки дома, но Лисовская на самом деле вела себя достойным образом. Она дружила лишь с Майей, своей сестрой, а от сотрудников отеля отгораживалась своим аристократическим происхождением.

Жители Ровно ненавидели и презирали сестер-полячек, которые, по их мнению, открыто флиртовали с гестаповцами, посылавшими ежедневно на смерть сотни и тысячи людей. Молодые подпольщики всерьез намеревались бросить в окно квартиры Лисовской гранату. Майя была однажды остановлена на улице одним стариком, который обозвал ее последними словами и пригрозил ответственностью, «когда придут наши».

На кухне отеля «Дойчегофф» одно время работал бывший пленный Владимир Грязных. Однажды, после обеда, Грязных случайно заглянул в комнату отдыха для персонала отеля на первом этаже, дверь в которую была полуоткрыта. Он удивился, увидев на диване плачущую пани Лелу, которая, как он знал, хорошо относилась к нему.

– Заклинаю всем, что вам дорого, Володя, никому ничего не говорить! – воскликнула пани Лела. – Я должна дать вам это прочитать! Вы узнаете, как мы живем, на кого работаем. О, ужас! Я не в силах успокоиться, – и она протянула ему пожелтевший лист бумаги.

Это было письмо, которое передал ей унтер-офицер Борис Нелепка, фольксдойче по матери и чех по отцу. Он нашел это письмо в жестяной коробочке, спрятанной под досками в одном из дворов в небольшом городке под Витебском. Говоря точнее, коробочку обнаружил один немецкий солдат, а письмо он отдал Борису для перевода. Борис ненавидел фашистов. Письмо было написано по-белорусски. Борис понял его содержание лишь частично, но оно его так взволновало, что он попросил свою знакомую Лисовскую перевести письмо полностью.

В левом верхнем углу письма стояла дата: 12 марта 1943 года. Ниже в письме говорилось:

«Дорогой мой папочка!

Пишу тебе из фашистского рабства. Когда ты, папа, будешь читать это письмо, меня уже не будет в живых. И я прошу тебя, отец: отомсти фашистским кровопийцам. Это тебе наказ от твоей умирающей дочери…

Когда вернешься, маму не ищи. Ее убили фашисты. На допросе офицер требовал сказать, где находишься ты, и бил ее по лицу плеткой. Но мама не дрогнула и гордо ему бросила: «Вы меня плетью не запугаете. Я знаю, мой муж вернется и вышвырнет вас, подлых захватчиков, с нашей земли!..» Тогда офицер выстрелил маме в голову…

Папочка, мне исполнилось сегодня 15 лет. Я очень похудела, глаза у меня ввалились, кожа на руках потрескалась, волосы мне остригли под ноль. Когда я кашляю, из горла идет кровь – они отбили мне легкое.

А помнишь, папа, мое тринадцатилетие? Как весело отмечали мы мой день рождения! Ты мне сказал тогда: «Расти, доченька, на нашу с мамой радость и счастье!» Играл патефон, подруги поздравляли меня, мы пели наши любимые пионерские песни.

А сейчас, папа, как посмотрю на себя в зеркало, мне становится страшно. Платье – одни лохмотья, на шее оттиснут номер, словно я преступница; я высохла, как скелет, мои глаза постоянно слезятся. Разве скажешь, что мне 15 лет! Я больше никому не нужна. Здесь многие люди никому не нужны. Слоняются голодные, запуганные проклятыми овчарками. Каждый день людей уводят расстреливать.

Да, папа, я рабыня у немецкого барона. Стираю белье и убираю скотный двор. Работы много, а кормят два раза в день. Ем я из корыта вместе с поросятами Розой и Кларой. Так приказал барон. «Русские были и будут свиньями», – говорит он. – Я очень боюсь Клары. Это большая и ненасытная свинья. Она мне едва палец не откусила, когда я из корыта вытаскивала картофелину.

Живу я в хлеву, заходить в дом мне запрещено. Однажды горничная, полячка Юзефа, дала мне кусок хлеба. Хозяйка, узнав об этом, отхлестала ее плеткой.

Два раза я пыталась бежать, но управляющий настигал меня и возвращал назад. Барон приходил в бешенство. Он бил меня ногами, пока я не потеряла сознание. Затем меня обливали водой и бросали в

подвал.

Сегодня я узнала новость, Юзефа сказала мне, что господа возвращаются в Германию, забирая с собой большую партию рабов и рабынь из нашего края. Они хотят забрать и меня. Но я не хочу ехать в эту распроклятую Германию и не поеду! Лучше я умру на родной земле, чем позволю затоптать себя в грязь на проклятой чужбине. Только смерть может спасти меня от тяжелых мук.

Не хочу больше страдать, как рабыня, у этих проклятых, свирепых фашистов, которые не дают мне житья…

Заклинаю тебя, отец: отомсти за маму и за меня.

До свиданья, дорогой папочка, иду умирать.

Твоя дочь Катя Сусанина.

Сердце говорит мне: письмо дойдет».

На потертом мятом конверте было написано: «Действующая армия, полевая почта… Сусанину Петру Ивановичу». На обратной стороне конверта карандашом была сделана приписка: «Дорогие дяденьки и тетеньки, кто найдет это спрятанное от немцев письмо, прошу вас: бросьте его в почтовый ящик. Я повесилась на дереве».

В глазах Владимира Грязных стояли слезы.

– Прошу вас, пани Лела, отдайте мне это письмо. Я доставлю его по адресу, передам его нашим!

Лисовская резко вскинула голову и посмотрела в глаза Владимиру.

– Хорошо, Володя, возьмите письмо. Я верю вам!

* * *

Над рекой сонно покачивался легкий туман. Наступающий рассвет разгонял белесые облака. Вдали проступали очертания темных гор.

– Там партизаны! – сказал сам себе Владимир Грязных, развешивая на ветвях дерева мокрые брюки и куртку.

Этой ночью он в одежде переплыл Горынь, имея при себе в закрытой стеклянной баночке письмо Кати Сусаниной. Лишь на пятый день поисков ему удалось выйти на один небольшой «зеленый маяк» партизан, находившийся недалеко от дороги Ровно – Луцк. Катино письмо было послано самолетом в Москву.

Грязных рассказал Медведеву, Лукину и Стехову, что, по его

мнению, Лидия Лисовская ненавидит оккупантов, но тщательно скрывает это. Руководство отряда пришло к выводу, что Лисовская с ее умом и связями была бы полезна для советской разведки.

Николаю Гнидюку было дано задание собрать о Лисовской необходимую информацию и постараться познакомиться с ней. Ему это удалось, правда, в данном случае он выступал под именем пана Болека.

Познакомившись с Лисовской ближе, Гнидюк открылся ей, сказав, что он партизан. Для Лидии это было полной неожиданностью. Она побаивалась пана Болека, у которого была репутация ловкого и напористого спекулянта, о нем Леон Метко говорил, что он сотрудничает с гестапо. Инженер Метко действительно так считал, поскольку не раз видел Болека в обществе агентов тайной полиции и слышал от них похвальные отзывы о нем.

Некоторое время спустя Лисовская рассказала Болеку, что немцы уничтожили всю ее семью и что она и ее сестра ненавидят фашистских офицеров до глубины души, хотя и принимают их у себя.

«Пусть только нам скажут – мы отравим любого из них», – заверила она.

– Все эти знакомства, – сказала Лидия, – спасают меня от угона на принудительный труд в Германию. Кроме того, есть еще одна причина…

Эта «вторая причина», вскользь упомянутая Лидией, привлекла особое внимание опытного разведчика. О ней был немедленно поставлен в известность Центр. Было высказано предположение, что Лисовская, возможно, сотрудничает с какой-либо польской националистической организацией за границей или с английской «Интеллидженс сервис». Тем временем Гнидюк начал получать от Лидии и Майи разведывательную информацию, но держал ее в резерве до уточнения личности пани Лисовской.

Через несколько дней из Центра пришло сообщение, в котором говорилось, что Лисовская еще до войны оказала советской разведке ряд серьезных услуг. Паролем для связи с ней были слова «Привет от Попова».

Из Центра поступило указание Кузнецову войти в контакт с Лисовской, но не раскрывать себя до тех пор, пока не будет уверенности, что ей можно доверять. В салон к пани Леле обер-лейтенанта Зиберта привел инженер Леон Метко. Представляя его хозяйке, Метко сказал:

– Обер-лейтенант Зиберт происходит из образцовой немецкой

семьи. В святой войне за жизненное пространство и процветание третьего рейха он достойно представлял пруссаков и был награжден великим фюрером Железными крестами первой и второй степени!

Зиберт поклонился Метко в знак признательности и продолжил знакомство с гостями. Пока он этим занимался, Леон Метко по секрету шепнул Лисовской, что обер-лейтенант временно служит в организации, занимающейся реквизицией, и что денег у него – куры не клюют.

Лисовская с улыбкой заметила, что обер-лейтенант нравится ей не только потому, что он боевой офицер и обладает хорошими манерами, но и потому, что у него «такие же глаза, как у нее… только у Зиберта они более выразительные». Все засмеялись, почувствовав, что обер-лейтенант завоевал симпатию хозяйки.

– Рыба ищет, где глубже, а человек – где лучше! – произнес инженер Метко. Он строил планы увезти пани Лелу с собой в Германию, но последнее время ему казалось, что на этом пути ему мешает весьма импозантный капитан Людвиг Шпер, недавно переведенный в Ровно из Франции. Что касается Зиберта, то Метко не считал его своим возможным соперником, так как знал, что у него есть невеста, которая служит в рейхскомиссариате.

– Обер-лейтенант Зиберт – воспитанный и аккуратный человек, – сказал Метко пани Леле. – Он постоянно в разъездах, в Ровно бывает по нескольку дней в месяц, не больше. Ему приходится мотаться по отелям и квартирам с сомнительной репутацией. Поэтому он очень хотел бы свить где-нибудь «постоянное гнездо». Уверяю вас, вы не пожалеете, если сдадите ему одну из комнат в ваших апартаментах.

Лисовская согласилась, тем более, что немецкая комендатура могла в любое время вселить в ее трехкомнатную квартиру любого немецкого офицера.

Зиберт быстро стал своим человеком на улице Легионерской, 15. Квартира Лисовской стала для него еще одним убежищем.

По указанию командования отряда сестры продолжали свое специфическое сотрудничество с гестапо и абвером. В салоне пани Лисовской проводили свободное время офицеры и высокопоставленные чиновники. Здесь они не только пили, ели, развлекались. Они разговаривали! Интересные женщины, музыка, вино, коньяк развязывали языки. В салон стекалась самая различная информация военного, политического, экономического характера. Здесь распространяли сплетни о коллегах по работе, рассказывали фронтовые эпизоды, хвастались успехами на службе, ругали не очень высокое начальство, упоминали тайны, связанные с деятельностью советских подпольщиков, приводили

различные случаи из жизни военнослужащих вермахта, обсуждали кадровые перемещения, рассуждали о новом тайном оружии, которое «полностью изменит ход войны в пользу Германии», говорили о настроениях среди солдат, о передвижениях войск и подготовке новых наступлений, о карательных экспедициях против партизан.

– Россия все же дикая страна, – меланхолично изрек холеный капитан Людвиг Шпер. – О, разумеется, – он галантно поклонился, – здесь имеются прекрасные женщины. Но, согласитесь, оказаться в России после Парижа – это более чем ужасно.

– Вас, что же, перевели сюда в порядке наказания? – ехидно спросил Метко.

– Какое там наказание, господин инженер. Пришел приказ на все подразделение сразу. Командир батальона майор Кун, узнав о приказе, напился до такой степени, что вывалился из автомобиля. Бедняга, сломал три ребра и ногу. До сих пор находится в госпитале.

– Где вы так загорели? – спросила Майя майора-танкиста, на лице которого светлели лишь зубы да волосы. – По всей видимости, отдыхали где-нибудь?

– Шила в мешке не утаишь, фрейлейн Майя, – рассмеялся майор. – Все меня об этом спрашивают, а некоторые даже с завистью. Хотел бы я, чтобы они так отдохнули и позагорали под африканским солнцем, в пустыне! Не понимаю, зачем нам нужен этот песок Африки. Это не для нас, европейцев. Слава богу, вся моя дивизия переброшена теперь на восточный фронт. Но рассказывают: здесь гораздо легче сложить голову.

– У каждого свои заботы, – заметил майор Франц Клюге, летчик. – Кое-кому, например, надо менять Ровно на Орел. Не очень это приятно, господа, хотя я и уверен, что вернусь оттуда с «дубовыми листьями».[11] У меня теперь новый самолет, он быстр, как пуля.

– Завидую вам заранее, – вмешался в разговор Зиберт. – Может ли быть большая честь для немцев, чем получить лично из рук фюрера награду за успехи в борьбе против большевиков!

Зиберт обнял Клюге и выпил с ним шампанского на брудершафт. Раздались спонтанные аплодисменты. Майя подошла к Клюге, поцеловала его в щеку и пожелала новых побед в небе.

Вечеринки и приемы в салоне пани Лисовской были важным источником информации для советской разведки.

Знакомство с Лисовской и Майей существенно расширило возможности Зиберта, особенно в том плане, что теперь он мог

свободно, по собственному выбору, приглашать гостей в дом, который пользовался благосклонностью и хорошей репутацией у абвера и гестапо.

«Привет от Попова»

В один из вечеров в салоне пани Лисовской появился новый гость – Грабнер, начальник политического отделения концлагеря Аушвиц.[12] Он прибыл в Ровно в рейхскомиссариат «Украина», чтобы обсудить вопрос об отправке новых жертв в концлагерь. На улицу Легионерскую Грабнера привел друг его юности доктор Альберт Франк, который называл квартиру пани Лелы «маленьким Гейдельбергом», поскольку там он обычно разглагольствовал на философские темы.

О личности Грабнера и его деятельности убедительно свидетельствует донесение, которое он направил Гиммлеру по возвращении из Ровно. В письме говорилось:

> «Составы с заключенными, предназначенными для умертвления в газовых камерах, прибыли на сортировочную станцию Биркенау. Здесь людей выгрузили из товарных вагонов, построили в шеренги и забрали у них все личное имущество. Затем отобрали детей и молодежь до 18-летнего возраста и направили их в газовые камеры. В соответствии с инструкцией то же самое сделали с теми, кто старше пятидесяти лет. Остальные заключенные должны были пройти комиссию, членами которой были начальник охраны лагеря, лагерный врач, начальник политического отделения и начальники бараков. Заключенный должен был предстать перед комиссией нагим. Если обнаруживали беременных женщин, их сразу же направляли в газовую камеру. Остальных строили и рассчитывали на первый-второй. Первый номер означал жизнь, второй – смерть. Поскольку крематории не успевают сжигать трупы, мы разводим дополнительные костры на улице. Комендант лагеря оберштурмбанфюрер Гее приказал бросать в костер людей живыми, особенно детей».

На вечеринке Грабнер не скупился на комплименты в адрес Лисовской, но она выслушивала их без видимого интереса. Затем разговор зашел о новом тайном оружии, о котором ходили упорные слухи.

– Новое секретное оружие, созданное гением немецкой нации, сровняет с землей Москву, Ленинград и все остальное, – высокопарно заявил майор Клюге. – Смею заверить вас, господа, что я имел честь лицезреть это оружие собственными глазами.

– Полностью согласен с вами, – с серьезным видом вмешался в разговор обер-лейтенант Зиберт. – Я тоже кое-что знаю об этом оружии. Слышал, что скоро вся наша армия будет полностью перевооружена, начиная от личного оружия и кончая самолетами и орудиями. Вот вам всего лишь один небольшой пример. Недавно, во время поездки в Берлин, мне подарили пистолет новой конструкции. Таких пистолетов в других странах нет. Это вальтер с двойным магазином, в котором помещается четырнадцать патронов. Полюбуйтесь на него, – и Зиберт вытащил из кобуры свой вальтер и положил его на ладонь левой руки.

– Не важничайте, обер-лейтенант! – сказал майор инженерных войск со шрамом на руке. – Я раньше вас имел такой вальтер. Это оружие создано довольно давно, и скоро оно поступит в войска в массовом порядке. Я же лишился своего пистолета при довольно трагических обстоятельствах. Не дай вам бог такое пережить!

– Расскажите, пожалуйста, про этот случай, – попросила майора Лидия. – Вас так интересно всегда слушать.

– В тот печальный день, господа, если вы помните, погибли майор фон Райс и зондерфюрер Гаан. Мы втроем возвращались из Винницы в сопровождении нескольких солдат. Неожиданно на нас напали бандиты.

Майор сделал паузу и затем продолжил свой рассказ:

– У меня был при себе точно такой же вальтер, какой показывает нам сейчас обер-лейтенант Зиберт. Я успел сделать из него несколько выстрелов и, судя по крикам, кого-то или убил, или ранил. Но и сам я был ранен в правую руку. Вот, посмотрите, – майор показал шрам на запястье. – Был мороз, снег – по колено. Все же, благодарение богу, мне удалось выскочить из машины и скрыться в придорожном лесу прежде, чем подбежали партизаны. Но номер того пистолета я помню и сейчас – 46710.

«Кажется, я дал промашку, – подумал Кузнецов. – Ну да ладно, будь что будет». Он, не таясь, посмотрел на пистолет, который все еще держал в руке, затем поднес его к губам и поцеловал. На вороненой стали достаточно отчетливо проступали злополучные цифры – 46710. «А что, если кто из присутствующих захочет посмотреть пистолет?» Невольно подумалось, что в комнате у него имеется автомат, да и пистолет заряжен полностью. Четырнадцати патронов хватило бы, чтобы изрешетить всю компанию, пока они разберутся и поймут, что к чему. Но это означало бы конец его разведывательной работы в Ровно…

В этой обстановке Кузнецов, как свидетельствуют А. Лукин и

Т. Гладков, сумел мгновенно найти единственный, удивительно точный психологический ход, чтобы исправить ошибку.

Медленно, чуть ли не ритуальным движением, он поднес пистолет ближе к глазам, развернул его стороной, где был выбит номер, и несколько мгновений рассматривал его.

– Какой номер, вы сказали, был у вашего вальтера?

– 46710, – ответил майор.

– Тогда я сдаюсь, – с добродушной улыбкой проговорил Зиберт, как бы признавая превосходство майора. Этот номер больше. Значит, вы имели такую замечательную вещицу раньше меня… Яйца курицу не учат! – шутливо заключил он и спокойно положил злополучный пистолет в кобуру.

Лисовская заметила, что Зиберт несколько изменился в лице и как-то весь напрягся, когда майор рассказывал о происшествии с его вальтером. Она не могла объяснить себе, что с ним происходит, но чувствовала, что ему сейчас нехорошо, и в душе хотела, чтобы он одержал верх в словесном поединке с майором. Этот необычный Зиберт (ему было в то время 32 года), сын прусского дворянина, человек богатый, веселый, общительный, всесторонне образованный, вызывал у нее двоякое чувство.

Своим внешним видом, манерой поведения, культурой он привлекал внимание Лисовской. Но она особенно ненавидела представителей интеллектуальной фашистской элиты, которая философскими рассуждениями пыталась оправдать свои гнусные преступления.

– У обер-лейтенанта Зиберта голос соловьиный, а когти ястребиные, – доверительно говорила она Гнидюку. – Я не могу забыть ни на минуту, что этот холеный нацист получил свои награды за то, что безжалостно убивал поляков и русских… Нет-нет, получит он от меня чашу с отравой в дополнение к своим фашистским крестам.

– Это была бы ваша фатальная, самоубийственная ошибка, – ответил Гнидюк. – Немцы сразу бы раскрыли и вас, и многих других. В городе начался бы террор, что значительно затруднило бы ведение подпольной работы. Прошу вас не трогать Зиберта. Это мнение не только мое, но и командования отряда.

– Поверьте, Болек, мне легче, когда я имею дело с каким-нибудь фашистом-дегенератом, чем с фашистом-интеллектуалом, претендующим на изречение истин. Нет, я отравлю его!

Лидии становилось с каждым днем все труднее сдерживать свое желание уничтожить Зиберта. А она была не из таких, кто отказывается от задуманного.

Кузнецов заметил это и запросил Москву. Центр ответил, что он может открыться Лисовской с помощью старого пароля:

«Привет от Попова!»

До получения этого разрешения Кузнецов на вся кий случай уехал из Ровно. Вернулся он в город лишь получив сообщение Вали Довгер о прибытии в «украинскую столицу» министра третьего рейха и теоретика фашистской партии Альфреда Розенберга.

Ликвидация Розенберга накануне Курской битвы вызвала бы сильный резонанс в мире, угнетающе подействовала бы на солдат вермахта и, наоборот, с удовлетворением была бы встречена бойцами Красной Армии. Во всяком случае эта акция возмездия усилила бы тревогу в фашистской верхушке, которая и так уже теряла уверенность в себе. Исходя из этого, Медведев поручил Кузнецову подготовку и осуществление ликвидации одного из фашистских главарей.

Непосредственными исполнителями приговора были назначены Михаил Шевчук и Петр Ершов. Однако, вопреки первоначальной программе, Розенберг в Ровно не приехал. Он задержался в войсках, где проводил совещания с армейскими пропагандистами, пытаясь поднять их моральный дух обещаниями грядущих побед. В один из дней подготовки акта возмездия против Розенберга Кузнецов решил открыться пани Лисовской. Выбрав момент, когда они были в доме одни, он зашел к Лидии в комнату и непринужденно сказал:

– Все забываю передать вам привет. Извините, я должен был сделать это давно.

Лисовская не проявила к его словам особого интереса, лишь подернула плечами.

– Откровенно говоря, ваши приветы не очень меня интересуют. Большинство ваших приятелей я предпочла бы не видеть вообще.

– Я хочу передать вам привет от человека, который наверняка не относится к тем, кто вам противен, Лида. – Кузнецов скрестил руки на груди, улыбнулся и, глядя прямо в глаза Лисовской, отчетливо произнес: – Привет от Попова!

Лисовская была ошеломлена, тем более, что слова пароля Зиберт произнес на чистом русском языке. До этого они говорили лишь по-немецки.

* * *

В небе над городом повис серп луны. Сквозь открытое окно в комнату вливается тяжелый запах гвоздики. Издалека доносится мелодия какой-то песни. Лидия в задумчивости положила голову

на руки. Она чувствует себя разбитой, сердце охвачено тревогой и печалью.

Много часов ее мучает один и тот же вопрос, на которые она не находит ответа. Неужели гестапо и абвер вышли на ее след? Возможно ли, что сероглазый обер-лейтенант – их человек или он не немец, а действительно Грачев? Нет, конечно же он немец, хотя, может быть, он наш?

Лисовская медленно поднялась с дивана, тяжело вздохнула и зашагала по комнате. «Нет, конечно же он наш! Не случайно, видно, я ему и симпатизировала и боялась его одновременно. Нет ничего страшнее самого страха. Хотела убить его, так как боялась сама себя. Боялась, что не смогу обуздать свою ненависть к нацистам. А он, оказывается, наш! Наш он, пусть теперь будет хоть русским, хоть немцем!»

Девушка с Голубого Дуная

– Поймите, доктор, мне неприятно ходить в немецкой военной форме. Я постоянно чувствую, что живу среди врагов. Даже для местных жителей, кто я? Герр офицер, герр Зиберт, то есть враг! И я не имею права сказать им, кто я на самом деле. Значит, я никому не могу довериться – ни своим, ни чужим. Во всем я должен сомневаться, все проверять и перепроверять. Нервы не выдержали бы, если бы не удавалось время от времени побывать в отряде. Здесь, среди своих, я словно сбрасываю тяжелое бремя постоянной опасности и могу свободно вздохнуть, расслабиться, – жаловался однажды Кузнецов врачу Альберту Цессарскому.

Кузнецов никогда не забывал, что гитлеровцы подозревают наличие в городе советских разведчиков. Иногда им удавалось находить убедительные тому доказательства. Работа по раскрытию сети советской разведки велась постоянно и широко. В гестапо и абвере трудились профессионалы, умевшие находить следы, которые неизбежно оставлял противник.

Полицейский режим в Ровно отличался исключительной строгостью. Поэтому советской разведке было нелегко работать в этом городе. В связи с этим особую важность приобретал вопрос о документах для разведчиков.

В общей сложности документы у разведчиков из группы Кузнецова гестаповцы, абверовцы, жандармы и военные патрули проверяли свыше четырехсот раз.

Много раз проверяли документы и у Пауля Вильгельма Зиберта, включая проверку со стороны личной охраны рейхскомиссара Коха. В отряде проявляли особую заботу о том, чтобы все данные в «служебной книжке» Зиберта были в полном порядке. В ней было немало всякого рода записей: о наградах, перемещении по службе, о присвоении очередных званий – сначала «обер-лейтенанта», а затем – «гауптмана». Немцы и представить не могли себе, что человек, который говорил по-немецки так, словно вырос в Берлине, был инженером с Урала, стопроцентным русским.

В один из первых дней после начала Курской битвы документы у Кузнецова проверяли трижды. Два раза это делали офицерские патрули, а третьим проверяющим оказался пехотный полковник. Внимательно изучив его документы, полковник неожиданно спросил:

– Где вы питаетесь, обер-лейтенант?

Зиберт назвал несколько мест.

– Странно, я знаю в лицо всех офицеров гарнизона, а вас вижу впервые.

Зиберт учтиво объяснил, что в силу особенностей своей службы он не находится в городе постоянно, а появляется здесь время от времени.

Хотя документы у него были в порядке, Кузнецов обеспокоился. Тройная проверка на протяжении одного дня могла, конечно, оказаться случайностью, ну а если это было результатом какого-либо упущения с его стороны или, наконец, следствием какой-либо другой серьезной причины? На всякий случай в отряде решили, чтобы Кузнецов на время затаился и несколько дней не выходил в город.

Вечером того дня Кузнецов встретился с Валей Довгер, которая сообщила, что утром в Ровно тайно побывал Альфред Розенберг, и поэтому на главных улицах города документы проверяли у всех без исключения. В рейхскомиссариате, сказала Валя, царило необычное оживление, непрерывно поддерживалась телефонная связь с Берлином и фронтом, ответственные работники канцелярии целый день не покидали своих кабинетов. В резиденции Коха в последние дни побывало необычно много генералов и старших офицеров.

– Немцы чего-то ждут. Предстоит какое-то важное событие, – заключила Валя.

Нет необходимости говорить о том, что вся эта информация была немедленно передана в Москву.

Кроме обычных для немецкого офицера документов Кузнецов имел еще два – специальный пропуск абверовской службы и гестаповский жетон за номером 4885. Пропуском и жетоном, которые давали большие права, он пользовался в самых исключительных случаях – всего несколько раз.

Но у Кузнецова не было в Ровно законного жилья. Заявление на прописку следовало подавать в военную комендатуру и полицию. Этот путь был заказан ему, так как обер-лейтенант Зиберт нигде не числился в качестве военнослужащего вермахта. Даже самая поверхностная проверка установила бы, что он «человек со стороны».

Кузнецов вел кочевой образ жизни, находился в постоянном движении, менял квартиры и местонахождение. Его мобильность намного возросла, когда ему пришла идея пользоваться автомобилями, «позаимствованными» у немцев – в гараже рейхскомиссариата, в гарнизонной комендатуре или в какой-либо воинской части. В зависимости от характера и продолжительности операции автомобили использовались или с

подлинными номерами, или с новыми. Иногда захваченные автомобили перекрашивались и использовались многократно.

Шофером у Кузнецова был его бесстрашный соратник Николай Струтинский. В машине всегда содержался солидный запас всякого рода сувениров, которые помогали галантному обер-лейтенанту в деликатных ситуациях, облегчали заводить новые знакомства.

Однажды после полудня Пауль Зиберт «случайно» познакомился на почте с красивой немкой Лотой Гейне, одолжив ей авторучку, чтобы написать адрес на посылке. Как бы ненароком, увидев то, что она написала. Зиберт воскликнул:

– Неужели вы из Тутлингена, что на берегу прекрасного голубого Дуная? Так мы же почти земляки с вами! Как случилось, что из такого райского местечка вас забросило в эту русскую пустыню, фрейлейн?

– Господин обер-лейтенант тоже из Тутлингена.

– Нет, я из Ульма, это ниже по течению. Но я не сдержался, когда увидел, что мы с вами почти из одних мест, простите!

Молодая немка заинтересовала Кузнецова по многим причинам. Во-первых, она работала в штабе начальника войск резерва группы армий «Юг» генерала авиации Китцингера. Во-вторых, в случае необходимости в ее квартире, видимо, можно было бы найти временное пристанище. В-третьих, через нее можно было бы завести новые знакомства среди офицеров гарнизона.

– Фрейлейн Лота, сочту за честь, если, вы позволите в память о нашем знакомстве подарить вам авторучку. Как это ни странно, но именно она нас познакомила.

Так авторучка с золотым пером «Мон Блан» оказалась у Лоты.

Потом они немного прошлись по городу, беседуя на разные темы. Кузнецов видел, что нравится Лоте, и при расставании они договорились встретиться завтра в девять часов вечера в сквере на Немецкой улице.

Однако у Кузнецова сложилось впечатление, что его новая знакомая едва ли является рядовой служащей. А если это так, то она, видимо, придет на свидание не одна, попытается проверить своего «земляка» с голубого Дуная.

Во всяком случае, такой вариант исключать не следовало. Поэтому на следующий день Кузнецов пришел на десять минут раньше, чем было условлено. Лота была уже там, она стояла на тротуаре напротив сквера. Кузнецова это насторожило. Невдалеке от нее прохаживались три эсэсовца, а на углу улицы около большого черного автомобиля стояли двое в штатском.

В создавшейся обстановке отступать было некуда. Эсэсовцы

уже зафиксировали его появление. Не исключалось, что кто-нибудь шел за ним сзади. Поэтому Кузнецов хладнокровно продолжал свой путь и прошел мимо Лоты, не взглянув в ее сторону. Лота не узнала его, так как из-за ненастной погоды он был в черной офицерской накидке, скрывавшей знаки различия и очертания фигуры. Отдав честь эсэсовцу – штурмбанфюреру, Зиберт свернул в первый встретившийся переулок и растворился в вечернем сумраке.

Впоследствии так и не удалось выяснить, действительно ли Лота пришла на свидание в сопровождении эсэсовцев, или же все это было случайным совпадением. Кузнецов не замечал за собой какой-либо слежки, и, судя по всему, фашистская контрразведка еще не включила его в поле своего зрения.

Но вскоре один случай вновь напомнил о проблеме, возникшей в связи с Лотой Гейне. Шевчуку удалось узнать, что гестапо забросило в отряд Медведева своего опытного агента, который представился командованию отряда бывшим военнопленным, бежавшим якобы из немецкого концлагеря. Почувствовав, что ему не поверили, фашистский лазутчик бежал из отряда, но вблизи Ровно его перехватили разведчики из группы Кузнецова и расстреляли.

Среди бумаг, найденных у агента, оказалось подробное описание Николая Кузнецова. Лазутчик гестапо, правда, сомневался относительно того, на кого работает обер-лейтенант Зиберт – на советскую или английскую разведку. Но не приходится сомневаться, что миссия Пауля Зиберта закончилась бы трагично, если бы агент успел оповестить своих хозяев о том, что он видел и слышал в Цуманском лесу о Кузнецове.

Взрыв прозоровского моста

9 мая 1943 года в штабе немецкой группы армий «Центр» разыгрались драматические события. Генерал-фельдмаршал Клюге выстрелил из пистолета в генерала Шекендорфа, начальника тыла этой группировки, в момент его доклада о нападении партизан на железнодорожные станции и транспорты на дорогах Украины. Клюге просто осатанел, узнав, что за последние четыре дня партизанами было уничтожено 11 составов, перевозивших из Западной Европы под Курск войска и технику.

– Смею доложить, господин фельдмаршал, что по сравнению с тылами группы армий «Юг» у нас положение благополучное, – оправдывался Шекендорф. – Там за последнюю неделю выведено из строя 125 железнодорожных составов.

В советской двенадцатитомной «Истории второй мировой войны» приводится приказ Верховного Главнокомандования от 26 апреля 1943 года, которым предусматривалось срочно парализовать двадцать шесть крупных железнодорожных узлов в тылу группы армий «Юг». Среди них первыми в списке стояли Здолбунов, Шепетовка, Коростень и Сарна. Это был новый сигнал к развертыванию «рельсовой войны».

«Опасность со стороны партизан растет с каждой неделей. Они полностью завладели огромными территориями в оккупированной России», – записал в те дни в своем дневнике шеф фашистской пропаганды Йозеф Геббельс.

«В районе Здолбунова положение драматичное. Активность партизан неудержимо растет… Все железнодорожные узлы забиты из-за невозможности использовать линии», – докладывал генерал Китцингер в Главный штаб в Растенбург.

В это же время Центр непрерывно напоминал отряду «Победители» свое указание: «Немедленно информируйте о типе и грузе каждого эшелона, проходящего через Здолбунов».

Здолбунов – важный железнодорожный узел, через который проходят железнодорожные магистрали с запада на Киев, Курск, на юг России, на Черное море.

Здолбуновский железнодорожный узел связывал Германию с восточным фронтом. По магистралям Львов – Киев, Ковель – Луцк – Киев, Минск – Сарны – Киев через Здолбунов в обоих направлениях – с запада на восток и с востока на запад – шли немецкие эшелоны.

В Здолбунове действовала разведывательно-диверсионная группа, одним из руководителей которой был Дмитрий Красноголовец. Ему было 34 года. До войны он служил в

железнодорожной милиции. Он был специально оставлен в Здолбунове под видом человека, который «разочаровался в большевизме и хотел бы заняться портновским делом». В группу входили Николай Мельниченко, Александр Дигорян, Константин Шорохов, Александр Попков, Виктор Азаров, Дмитрий Скородинский, Сергей Яремчук, Петр Бойко, Михаил и Сергей Шмереги, а также жена Михаила – Анастасия; их дом был конспиративной квартирой для разведчиков, прибывавших из отряда.

Кузнецов много раз бывал в Здолбунове. В разгар подготовки Курской битвы он непосредственно руководил многими акциями и диверсиями на железных дорогах в этом районе.

Диверсионные операции на железной дороге включали в себя несколько этапов. Прежде всего уточнялся тип эшелона и маршрут его движения. Сведения об этом передавались в отряд, где и определялся способ уничтожения данного объекта: минирование железнодорожного пути, взрыв мостов или вывод из строя локомотива. Немецкая педантичность стала работать здесь против самих немцев. Разведчики переписывали сопроводительные листы на вагонах, в которых аккуратно перечислялась номенклатура перевозимого груза, указывалась станция отправления и станция назначения. Для этой работы разведчикам даже не требовалось знание немецкого языка.

Красноголовец привлек к сотрудничеству Авраама Иванова, бывшего сельского учителя. В первые дни войны он попал в плен, но затем «показал себя послушным» и стал работать в Здолбунове станционным уборщиком.

Иванов сумел привлечь к сотрудничеству с советской разведкой фельдфебеля Йозефа – оператора железнодорожной администрации. Йозеф – чех из Судет. Его отец был из судетских немцев, а мать – чешка. Йозеф придерживался левых взглядов. Он занимался учетом воинских эшелонов, следовавших через Здолбунов. Принимая во внимание особую важность выполняемой им работы, немцы тщательно охраняли его канцелярию – там всегда выставлялась усиленная стража.

Начальники эшелонов были обязаны сдавать Йозеф› письменный рапорт о перевозимых грузах и маршруте следования. В тех случаях, когда состав следовал без остановки, соответствующая записка передавалась по ходу дежурному по станции. Йозеф к концу каждого рабочего дня составлял итоговую сводку движения поездов через железнодорожный узел Здолбунов и печатал ее в двух экземплярах: первый экземпляр шел і адрес коменданта железных дорог вермахта, а второй – коменданту станции Здолбунов.

По предложению Иванова Йозеф стал печатать сводки в трех экземплярах и передавать третью копии советскому разведчику. Эти сведения были очень ценными, так как речь шла о воинских грузах, следовавши; в направлении Курска, Орла, Белгорода, Харькова, где немцы накапливали силы для летнего наступления Система «Йозеф – Иванов» действовала исключительно эффективно и безукоризненно. Советское командование, партизанские отряды на оккупированных территориях Украины и РСФСР, как правило, знали, где и какой эшелон ожидается, каким образом следует организовать нападение на него. Особенно завидную цель представляли собой цистерны с нефтью и бензином, прибывавшие из Румынии. С точки зрения расходов взрывчатки и затрат времени этот вид диверсий был для партизан самым рентабельным. Гитлеровское командование буквально впадало в отчаяние от таких операций партизан, так как нехватку горючего восполнить ему было нечем.

Гитлеровское командование не жалело усилий на охрану железнодорожных коммуникаций. Для этих целей было выделено большое число войск и боевой техники. По железным дорогам постоянно курсировали бронепоезда охраны. Поэтому большинству воинских эшелонов все же удавалось пробиваться сквозь партизанские заслоны. Тем не менее многие из них, благодаря информации, поступавшей от Йозефа, не дошли до пунктов назначения, были уничтожены в пути следования.

* * *

Гитлеровцы уделяли исключительное внимание организации охраны важных объектов, в частности мостов на основных дорогах. Так, двухколейный мост через реку Горынь, соединявший Шепетовку и Здолбунов, находился под непосредственным ведением и контролем начальника штаба сухопутных войск вермахта генерала Курта Цейтулера. Система охраны этого моста включала инженерные сооружения, средства противовоздушной и противотанковой защиты. Мост охраняло сводное подразделение, в состав которого входили гестаповцы, абверовцы, а также зенитчики, саперы, артиллеристы, снайперы.

На обоих берегах реки в небо угрожающе упирались стволы зенитных орудий. Партизанские разведчики засекли в районе моста позиции нескольких минометных батарей и до двух десятков пулеметных точек. На протяжении темного времени суток, от заката до рассвета, над мостом, с интервалами в несколько минут, взлетали ракеты, заливавшие мост и подступы к

нему ослепительным белым светом. Дежурные пулеметчики время от времени выпускали в темноту очередную порцию пуль. Охрана моста имела две радиостанции и телефонную связь с Ровно и Здолбуновом.

Созданный немцами железный кулак блокировал подходы к мосту, в том числе и по воде. Понять немцев было нетрудно. Не только уничтожение, но даже временный выход из строя этого стратегически важного объекта, через который проходила главная линия снабжения немецко-фашистских войск на восточном фронте, серьезно сказались бы на положении немецких частей в самое ответственное для них время.

В середине 1943 года из Москвы поступил категоричный приказ вывести из строя Прозоровский мост.

Разведчики, саперы, подрывники – все ломали головы над тем, каким образом выполнить приказ Верховного Главнокомандования. Наконец пришли к выводу, что мост можно взорвать с помощью мины, которая будет сброшена с проходящего поезда.

Произвели необходимые расчеты и определили, что мина должна была весить 40–50 килограммов. Сделать такую мину было нетрудно.

Николаю Гнидюку пришла идея воспользоваться помощью польских патриотов в Здолбунове, среди которых он, в частности, знал Владека Пилипчука и его шестнадцатилетнюю сестру Ванду. В их доме Гнидюк иногда останавливался.

Придя однажды к Пилипчукам, Гнидюк неожиданно застал там человека в черном мундире. Неизвестный оказался Генеком Ясневским, сотрудником отдела СД по охране железнодорожных объектов.

Это был крупный сорокалетний мужчина представительной наружности. Гнидюк отрекомендовался ему торговцем Яном Багинским, родственником пани Ванды. В разговоре, сопровождавшемся обильным угощением, Гнидюк так искусно восторгался «подвигами» гестаповца, что растрогал его окончательно. В конце концов Ясневский размяк, стал сокрушаться о своей судьбе и сквозь вздохи вдруг заявил:

– Признаюсь вам, пан, что очень не люблю немцев. Я ведь поляк и такой же истинный католик, как и вы. Но жить-то надо, а в гестапо платят изрядно. Только они зря деньгами не бросаются. Кровью они зарабатываются. Мне тоже досталось, во время налета партизан едва не распрощался с жизнью. Слава богу, теперь я в безопасности – после ранения служу на железнодорожной станции.

– Пан позволит его проводить? – спросил Гнидюк при расставании и подхватил под руку изрядно захмелевшего гестаповца.

Ясневский оказался человеком жадным до денег. Кроме того, он полагал, что Багинский (Гнидюк) связан с польским эмигрантским правительством в Лондоне и сможет замолвить за него словечко перед ним. Поэтому Гнидюку не составило большого труда привлечь Ясневского к сотрудничеству. От Ясневского стали поступать важные сведения, хранившиеся в сейфах гестапо: о сроках карательных операций, о местах тайных засад, фамилии и адреса агентов и осведомителей гестапо, пароли на ночное время. Затем Ясневскому было прямо предложено помочь в организации взрыва Прозоровского моста.

Напуганный и боявшийся разоблачения в глазах своих хозяев гестаповец принял предложение, но поставил условие, чтобы в донесении, которое будет отправлено в Лондон, он фигурировал в «качестве главного организатора» взрыва моста. Ясневский также дал понять, что операция потребует немалой суммы денег, поскольку «никто не согласится рисковать своей головой просто так». Лишь он, Ясневский, «действует из чисто патриотических побуждений».

– Я знаю, кто мог бы выполнить такое задание. Это мой приятель фольксдойче Михаль Ходаковский. Он большой любитель выпить, а расплачиваться ему всегда нечем. За деньги он продаст родную мать. Одним словом, с ним можно не церемониться.

Ясневский и Ходаковский условились, что последний, работавший проводником на железной дороге, сбросит на мост мину, когда будет на поезде переезжать мост. За это он получит 5 тысяч марок, в том числе половину этой суммы вперед.

Позднее выяснилось, что Ясневский получил от Гнидюка 10 тысяч марок, а Ходаковскому отдал лишь 2,5 тысячи. Одновременно он передал ему и мину, полученную от партизан.

Было опасение, как бы Ходаковский не напился раньше времени и не провалил операцию. Но Ясневский заверил, что Ходаковский лучше соображает, когда немного «под градусом».

Ходаковский свое обещание выполнил. Это случилось 12 августа 1943 года в два часа дня. Ходаковский, находясь в середине состава, пересекавшего мост, сбросил мину на рельсы. Через несколько секунд прогремел взрыв, который разорвал мост на две части. Задние вагоны с грохотом полетели в реку вместе с танками, орудиями и солдатами, следовавшими на восточный фронт. Трое немецких часовых, находившихся на мосту, были

убиты на месте, а четвертый, который стоял на противоположной стороне моста, был тяжело ранен. Неизвестно почему, но этот немец показал, что, по его мнению, ответственность за взрыв моста несет взвод квислинговских солдат, которые вместе с немцами охраняли мост, но после взрыва разбежались кто куда. Тех из них, кого удалось схватить, немцы расстреливали на месте. В Здолбунове взрыв моста вызвал панику. Зденек видел, как железнодорожную станцию заполнили гестаповцы и жандармы. В сторону Прозоровского моста срочно направлялись бригады ремонтников. Надрывно ревели сирены. В небе над мостом появился немецкий разведывательный самолет. В город стали поступать раненые.

Две недели потребовалось гитлеровцам на восстановление моста. Командующий войсками по борьбе с партизанами на оккупированных восточных территориях обергруппенфюрер СС Бах-Залевски получил приказание от генерала Йодля, начальника штаба оперативного руководства вермахта, очистить основные железнодорожные магистрали от противника, усилить охрану Прозоровского моста, а на каждой железнодорожной станции иметь постоянные гарнизоны численностью не менее 150 человек. Кроме того, предлагалось срочно построить через каждые два-три километра пути бункеры с охраной численностью от отделения до взвода, а часовых разместить через каждые 200–300 метров пути. Усиливалось патрулирование железных дорог на дрезинах, вооруженных пулеметами.

Чтобы затруднить действия партизан, лишить их скрытых подходов, гитлеровцы уничтожали лесопосадки вдоль железнодорожного пути, воздвигали заборы из колючей проволоки, устанавливали мины и ловушки.

Все эти меры существенно затрудняли действия партизан, но сократить их масштабы, а тем более остановить их они были не в состоянии. Мосты, укрепления, эшелоны продолжали взлетать на воздух.

Вернемся, однако, к событиям, происходящим после взрыва Прозоровского моста.

При взрыве мины Михаль Ходаковский получил несколько осколочных ранений и оказался в больнице. Сосед по палате, чтобы облегчить страдания Михаля, угостил его шнапсом, что вызвало совершенно неожиданную реакцию. Михаль быстро захмелел и признался соседу в том, что мост был взорван им, что миной его снабдил «Зденек с Костельной улицы», что Зденек его обманул, не выплатив обещанные за взрыв моста 2500 марок.

Признания Ходаковского дошли до гестапо. В тот же день гестаповцы нагрянули в дом Ясневского, но Хозяина не нашли.

Ясневский, сразу после взрыва скрылся.

Гестапо ликвидирует гестаповцев

Рейхскомиссар Эрих Кох, «правитель Восточной Пруссии и Украины», большую часть времени проводил в Берлине или Кенигсберге. Там у него были промышленные и сельскохозяйственные предприятия.

Заместителем Коха по оккупированным территориям Украины был Пауль Даргель, являвшийся также статс-президентом так называемого правительства этих территорий. Даргель постоянно находился в Ровно, откуда он совершал инспекционные поездки в Киев, Николаев, Днепропетровск и другие города.

Пауль Даргель отличался крайней жестокостью. По приказам Даргеля и Коха в Ровно за время оккупации было расстреляно 102 тысячи советских граждан, то есть больше, чем все население этого города на то время.

Было решено казнить Даргеля как военного преступника. Осуществление операции поручили группе в составе: Николай Кузнецов (Грачев), Николай Струтинский и подпольщик Иван Калинин.

Кузнецов хорошо понимал опасность предстоящей операции. Ее осуществление требовало от участников не только высокого мастерства, смелости, мужества, но и готовности к самопожертвованию, к сознательному подвигу во имя Родины. Перед отправлением на задание Кузнецов оставил в отряде письмо в запечатанном конверте, которое просил вскрыть только в случае его гибели.

Вот что мы прочли в его письме, писал впоследствии Дмитрий Медведев:

> «25 августа 1942 года в 24 часа 05 минут я спустился с неба на парашюте, чтобы мстить беспощадно за кровь и слезы наших матерей и братьев, гибнущих под ярмом германских оккупантов.
>
> Одиннадцать месяцев я изучал врага, пользуясь мундиром германского офицера, пробирался в самое логово сатрапа – германского тирана на Украине Эриха Коха.
>
> Теперь я перехожу к действиям.
>
> Я люблю жизнь, я еще очень молод. Но если для Родины, которую я люблю как свою родную мать, нужно пожертвовать жизнью, я сделаю это. Пусть знают фашисты, на что способен русский патриот и большевик.

Пусть знают, что невозможно покорить наш народ, как невозможно погасить солнце.

Пусть я умру, но в памяти моего народа патриоты бессмертны.

«Пускай ты умер!.. Но в песне смелых и сильных духом всегда ты будешь живым примером, призывом гордым к свободе, к свету!»

Это мое любимое произведение Горького. Пусть чаще читает его наша молодежь…

Ваш Кузнецов».

Операция, получившая условное наименование «Дар», готовилась всесторонне и тщательно.

Служащей рейхскомиссариата Вале Довгер Кузнецов поручил изучить распорядок дня генерала Даргеля, установить, когда он прибывает на службу и когда заканчивает работу, выяснить, кто из охраны его обычно сопровождает, каковы особенности его поведения. По всем этим вопросам Валя собрала довольно обширную информацию.

Разведчики выяснили, что каждый день ровно в 13 часов 30 минут генерал отбывает из канцелярии в свой особняк на Шлоссенштрассе. На этой улице жили лишь высшие чины оккупантов. Местным жителям появляться там было категорически запрещено. Даргеля обычно сопровождал его адъютант в чине майора, который постоянно имел при себе красную сумку.

Кузнецову до той поры довелось видеть Даргеля всего один раз и то издали, на трибуне во время празднования дня рождения Гитлера. По городу генерал ездил в длинном черном лимузине марки «опель-адмирал», имевшем номер «R-4», но на обед он всегда ходил пешком.

А. Лукин и Т. Гладков отмечают, что предобеденная прогулка Даргеля от работы до дома имела своеобразный ритуал. Сначала на улице появлялись личные телохранители генерала – плечистый фельдфебель и и гестаповец в штатском. Охрана внимательно осматривала Шлоссенштрассе, и лишь после этого из здания канцелярии выходил сам Даргель. Он шествовал важно, размеренным шагом, не отвечал на приветствия встречных офицеров и солдат.

Впереди генерала шли два эсэсовца в штатском, а в двух шагах сзади следовал адъютант. От рейхскомиссариата до особняка Даргеля было около трехсот метров.

Иван Калинин, один из участников покушения, работал личным шофером у гебитскомиссара Ровно доктора Бера и имел

доступ в его гараж. 20 сентября 1943 года он похитил из гаража «опель-капитан» серого цвета новейшей марки.

В 13 часов 27 минут Струтинский остановил машину в переулке, так чтобы из-за угла им был виден подъезд рейхскомиссариата. На Струтинском была немецкая военная форма.

Ровно в половине второго из подъезда вышел генерал, а за ним майор. Последний нес под мышкой красный портфель.

– Они, – тихо произнес Кузнецов. – Коля, газ!

«Опель» быстро настиг немцев. Кузнецов, окинув взглядом улицу, выскочил из машины с пистолетом в руке. Сделав несколько быстрых шагов, он оказался за спиной у генерала и его адъютанта. Все произошло в мгновение ока. Генерал, почувствовав неладное, попытался оглянуться, но Кузнецов хладнокровно выстрелил в упор в генерала, а потом в адъютанта.

Кузнецов прыгнул в машину, Струтинский дал газ, и автомобиль рванулся вперед. Все это длилось не более полутора минут. Пока нацисты пришли в себя, «опеля» и след простыл.

Через несколько дней стало известно, что Кузнецов ошибся. Он убил не Даргеля, а имперского советника финансов доктора Ганса Геля и его адъютанта. Гель имел ранг министра и в нацистской иерархии власти располагался гораздо выше Даргеля. Он прибыл в Ровно выкачивать налоги с населения, и Даргель гостеприимно принял его в своем особняке.

Кузнецов был уже в отряде, когда разведчики Куликов и Галузо принесли с собой местную газету от 26 сентября 1943 года. На первой странице крупным шрифтом было напечатано сообщение о гибели доктора Геля и майора Винтера. Кузнецов был вне себя. – Хоть документы проверяй предварительно! – в сердцах воскликнул он.

Между тем и в отряде и в Центре мнение об «ошибке» Кузнецова было полностью противоположным. Ликвидация Геля вызвала в Германии большой резонанс. Гитлер посмертно наградил Геля Рыцарским крестом и публично бросил упрек шефам гестапо Гиммлеру и Мюллеру в том, что они не способны воспрепятствовать «растущему бандитизму в оккупированных городах».

А. Лукин и Т. Гладков пишут еще об одном следствии этой акции возмездия. Дело в том, что на месте казни гестаповцы «нашли» бумажник, подброшенный Струтинским. Этот бумажник был изъят незадолго до покушения у одного пленного эмиссара украинских националистов, прибывшего из Берлина. В бумажнике находились паспорт, членский билет берлинского отделения организации бандеровцев и директивное письмо отделения

националистов в Западной Украине с требованием усилить борьбу против партизан.

В отряде содержимое бумажника существенно изменили: добавили 140 немецких марок, – несколько американских долларов, пять фунтов стерлингов, несколько сотенных бумажек советских денег, три золотые десятки Царской чеканки и пригоршню золотых коронок от зубов. Расстреливая мирных людей, националисты вырывали у своих жертв эти «ценности» и прятали по бумажникам и карманам.

Директивное письмо из Берлина заменили на новое, в котором говорилось: «Дорогой друже! Мы очень удивлены, что ты до сих пор не выполнил нашего поручения. Немцы войну проиграли, это ясно теперь всем. Нам надо срочно переориентироваться, а мы скомпрометированы связями с гитлеровцами. Батько не сомневается, что задание будет тобой выполнено в самое ближайшее время. Эта акция послужит сигналом для новых акций против швабов».

Отвлекающий маневр советских разведчиков был задуман и осуществлен весьма искусно. Учитывалось, что гестапо и абвер с недоверием относятся к главарям бандеровцев, которые даже среди других квислингов выделялись продажностью. В частности, у них уже были определенные контакты с проанглийским крылом бандеровцев в Лондоне. Поэтому письмо, найденное на месте казни Геля, видимо, было расценено в гестапо как подлинное. В немецких газетах появилось сообщение о том, что служба контрразведки «вышла на след убийц» имперского советника Геля.

По приказу Кальтенбрунера сразу после покушения было арестовано 33 руководящих бандеровца, включая отдельных сотрудников гестапо и абвера. Все они были немедленно расстреляны, несмотря на заверения в верности фюреру и Великой Германии. Местная полиция в Ровно была полностью заменена на немецкую.

Выступая с речью на похоронах Геля, статс-президент Даргель гневно обрушился на «господ атаманов», упрекая их в неблагодарности по отношению к Германии, которая их «кормит, одевает и дает средства на борьбу с большевиками». На похоронах присутствовали многие высшие нацистские сановники.

Искусные действия Николая Кузнецова и его товарищей не только стоили жизни многим прислужникам немцев, но и окончательно поколебали доверие гитлеровцев к местным националистам.

Было решено повторить покушение на Даргеля в тот же час и на том же месте 8 октября, хотя обстановка в городе

осложнилась. После 20 сентября меры охраны в Ровно были резко усилены. На подходах к рейхскомиссариату и вдоль всей улицы Шлоссенштрассе круглосуточно дежурили наряды эсэсовцев на мотоциклах и автомобилях с расчехленными пулеметами. Окрестности города непрерывно патрулировали наряды полиции. Пропускной режим был резко ужесточен…

Струтинский сопровождал Кузнецова и на этот раз. Машина у них была та же самая, что и 20 сентября только перекрашенная в зеленый цвет и с другим регистрационным номером. Они остановились на уже знакомом месте и стали ожидать появления Даргеля. Струтинский сделал вид, что устраняет неисправность в моторе, а Кузнецов стоял рядом.

Увидев Даргеля, Кузнецов окликнул его:

– Господин Даргель?

– Да, да! – Даргель повернулся в его сторону.

Кузнецов выхватил гранату, специально приготовленную для этого случая в отряде испанцем Ивансом, и бросил ее в сторону Даргеля. Прогремел взрыв.

Даргель и его адъютант упали на тротуар. Небольшие осколки впились Кузнецову в левую руку, пока он вскакивал в машину.

На этот раз уйти незамеченными не удалось. Невдалеке от места, где произошло покушение на Даргеля, стоял дежурный автомобиль гестаповцев – пикап. Струтинскому и Кузнецову надо было проехать мимо гестаповцев – иного пути не было. На их счастье, шофер пикапа, напуганный взрывом гранаты, никак не мог завести мотор. Когда же наконец пикап тронулся с места, зеленый «опель» был уже далеко.

Началась погоня.

На окраине города Кузнецов увидел гнавшийся за ними пикап с гитлеровцами. Впереди, метрах в ста, был виден такой же зеленого цвета «опель», как у Кузнецова, идущий в том же направлении.

– Сворачивай влево! – крикнул Кузнецов Струтинскому.

Струтинский так круто повернул машину, что она чуть не опрокинулась. Переулком они вылетели на параллельную улицу и помчались уже в обратном направлении – прямо к лесу.

Гестаповцы продолжали гнаться за «опелем». За городом, на шоссе, они открыли по нему огонь. Пуля попала в покрышку, и «опель» на полном ходу занесло в кювет. Из машины гестаповцы вытащили полуживого от страха майора, избили его и увезли в гестапо. Кузнецов лишь на «зеленом маяке» заметил, что ранен в руку. Осколок гранаты впился ему в предплечье, едва не задев

артерию. Рана была опасной, так как от малейшего движения рукой осколок мог порвать артерию, и тогда было бы неизбежно сильное кровотечение.

Доктор Цессарский, приступая к операции, хотел было сделать Кузнецову обезболивающий укол, но Николай решительно возразил:

– Доктор, режьте без укола!

– Почему? Операция очень болезненная. Я должен буду разрезать ткани почти до самой кости. А новокаина у меня достаточно.

– Я должен проверить себя. Кто знает, какие пытки придется вынести, если окажусь в лапах гестаповцев. Поэтому мне надо быть готовым ко всему.

Что касается Даргеля, то ему повезло и на этот раз. Граната, брошенная Кузнецовым, разорвалась на мостовой, у самой бровки тротуара, и взрывная волна ударила в противоположную сторону. Взрывом гранаты были убиты адъютант Даргеля и какой-то подполковник, случайно оказавшийся на противоположной стороне улицы, в него угодила ручка гранаты. Даргель же был тяжело ранен и контужен. Специальным самолетом его срочно отправили в Берлин, на чем и закончилась его карьера «государственного» деятеля.

Но прежде чем потерять сознание, Даргель успел произнести:

– Обер-лейтенант! Обер-лейтенант с Железным крестом на груди.

События в Ровно привели в ярость рейхсфюрера Генриха Гиммлера. Он приказал снова сменить руководство гестапо и полевой жандармерии в городе. Прежних руководителей разжаловали и отправили на фронт. Шефом гестапо Украины был назначен гауптштурмфюрер СС Ханке, переведенный из Житомира.

В это время в предчувствии поражения фашизма в войне Гиммлер провел 4 октября 1943 года совещание в Познани, на которое созвал эсэсовских генералов и высших руководителей гестапо. На совещании Гиммлер изложил принципы гитлеровской политики в оккупированных районах Советского Союза в связи с изменившейся обстановкой. Этот человеконенавистнический доклад Гиммлера приводился на Нюрнбергском процессе военных преступников в 1946 году в качестве одного из свидетельств фашистского варварства.

«Для нас, эсэсовцев, – говорил Гиммлер, – главный принцип следующий: мы должны относиться лояльно, уважительно, по-братски к людям одинаковой с нами крови, только к ним. Но нас совершенно не касается судьба русских. Будет этот народ процветать или умирать с голоду, касается меня лишь постольку, поскольку русские – рабы нашей культуры. Меня не волнует, если десяток тысяч русских женщин умрет от истощения, копая противотанковый ров, так как этот ров должен быть построен в интересах Германии. Само собой разумеется, что мы не должны быть грубыми и без нужды вести себя по-скотски; мы, немцы, единственный народ в мире, который пристойно относится к животным, следовательно, точно так же мы должны относиться и к животным в человеческом облике. Вместе с тем помогать их развитию было бы преступлением против нашей крови, так как в будущем это создало бы проблемы и трудности для наших детей и внуков. Если кто-нибудь подойдет ко мне и скажет: «Я не могу строить противотанковый ров с женщинами и детьми, так как они погибнут от такой работы, а это не по-людски», – я ему отвечу: «Вы преступник. Если этот ров не будет вырыт, погибнут немецкие солдаты. А они сыновья немецких матерей. Они нашей крови». Эту мысль я хочу вселить в душу каждого эсэсовца как один из самых святых законов Для нашего будущего. Я требую, чтобы таким образом они относились ко всем негерманским народам, особенно к русским и вообще к славянам».

Этот документ имеет номер 1919.

Энергичный Ханке старался действовать в духе рекомендаций своего шефа, пытался оправдать оказанное ему доверие.

Первым делом Ханке приказал провести перепись населения Ровно. На дверях каждого дома были вывешены списки проживающих в них людей. Последняя фамилия в списке была подчеркнута жирной линией, ниже которой следовала личная подпись Ханке, заверенная печатью. Короче говоря, дополнить список новыми фамилиями было невозможно.

Одновременно весь город был обклеен плакатами которые предупреждали, что жильцы данного дома будут расстреляны, если после полицейского часа в доме будет обнаружен посторонний.

Ханке преследовал цель нейтрализовать работу советской

разведки и введением «железного порядка» запугать жителей города. Но Медведеву пришла в голову одна занятная идея, которая полностью дискредитировала систему гауптштурмфюрера Ханке.

По указанию Медведева подпольщики сняли с нескольких домов списки и доставили в отряд. Здесь на пишущих машинках за два дня было подготовлено несколько тысяч аналогичных бланков. В верхней части бланка было напечатано всего три слова: «В этом доме проживают». Середина листа была пустая, а в нижней его части была заделана подпись гауптштурмфюрера СС Ханке, заверенная гестаповской печатью.

Бланки списков в течение одной ночи заполнили город. Их расклеили на стенах зданий и заборах, разбросали на улицах, на рынках. Несколько экземпляров было послано по почте в адрес гестапо и рейхскомиссариата.

Идея Ханке была безнадежно скомпрометирована. Теперь каждый владелец дома или квартиры мог вписать в список кого угодно, и проконтролировать это было невозможно.

Ханке был снят с должности и, как и его незадачливые предшественники, отправлен на фронт.

– Всегда приятно слышать плохую весть о плохом человеке, – сказал Кузнецов Струтинскому, читая письмо Вали Довгер об очередной «сече» гестаповцев в Ровно.

Философия фон Ортеля

Рузвельт и Черчилль в августе 1943 года направили Сталину секретное послание, в котором предлагали провести совместное совещание. С учетом того, что первоначальный вариант провести встречу в Москве отпал, Рузвельт согласился с новым предложением Сталина избрать местом встречи Тегеран. Черчилль сначала считал, что было бы лучше собраться в Хартуме или Каире, но затем в послании Сталину от 27 сентября согласился на Тегеран. Одновременно он предложил в целях маскировки впредь именовать Тегеран «Каир-Три», а саму конференцию – «Эврика».

Историки не вынесли окончательного суждения о том, каким образом немцы еще в процессе переписки между главами США, Англии и СССР узнали о встрече в Тегеране, хотя преобладает мнение, что абвер получал эту информацию по трем каналам: из Турции, Лондона и Ирана.

В конце сентября 1943 года в Ровно прибыла группа высокопоставленных эсэсовцев, которая через несколько дней проследовала в Белград. Один из членов группы, двадцативосьмилетний штурмбанфюрер Пауль фон Ортель, остался, однако, в Ровно. Не совсем ясно, кто привел этого холеного аристократа 30 сентября на вечеринку к пани Леле, но доподлинно известно, что это был один из эсэсовцев. Также известно, что Пауль Зиберт познакомился с фон Ортелем именно у пани Лисовской. Очень быстро они подружились.

Зиберт и Ортель часто бывали вместе, особенно в казино, где царила довольно свободная атмосфера. Первое время Зиберт намеренно избегал затрагивать в разговоре какие-либо служебные дела или задавать нескромные вопросы, которые могли бы насторожить опытного майора гестапо. Говорили они в основном о женщинах и об искусстве.

Гестаповец производил впечатление умного, образованного и проницательного человека. Он обладал хорошо развитым чувством юмора, был интересным ее собеседником.

– Даже в искусстве не все боги. На одного Аполлона приходится четыре коняги! – любил повторять штурмбанфюрер, когда старался доказать, что некоторые теории французских материалистов о равенстве равноправии всего лишь «салонная болтовня».

Советский разведчик с первых минут знакомства с фон Ортелем подсознательно включил сигнал опасности, почувствовав, что с новым «коллегой» игра будет не легкой. И вот

что интересно. В тот вечер только он двое оставались трезвыми, хотя позднее выяснилось, что в определенных ситуациях Ортель любит выпить.

В свои 28 лет фон Ортель был майором, что свидетельствовало о наличии особых заслуг. Кузнецов почувствовал, что опытный гестаповец не оставляет без внимания ни одного его слова, ни один жест. Уже через десять минут знакомства и тривиального разговора он понял, что имеет дело с исключительно способным человеком. Сомнений не было: фон Ортель – разведчик крупного калибра. Что делает в Ровно этот внешне хладнокровный эсэсовец с манерами хорошо воспитанного человека и многочисленными наградами на груди? Не командир ли он какой-нибудь новой карательной экспедиции? Нет, ни в коем случае! Для таких грязных дел найдутся рядовые исполнители. А фон Ортель человек непростой.

– Не имею ни малейшего понятия о том, где работает господин фон Ортель, – сказал Лисовской инженер Леон Метко. – Знаю лишь, что человек денежный и что других людей он в грош не ставит.

Другие знакомые Кузнецова также не знали, где служит фон Ортель, кому он подчинен, каким образом оказался в Ровно и чем здесь занимается. У входа в его канцелярию на Дойчештрассе круглые сутки стояла усиленная охрана, хотя на металлической вывеске у входа было написано: «Зубной врач».

Внешне штурмбанфюрер был весьма представительный мужчина. Высокого роста, стройный, пропорционального телосложения. Его темные, не очень густые волосы были разделены безукоризненным косым пробором. Из-под хорошо очерченных бровей смотрели умные и внимательные, немного прищуренные глаза. Из всех офицеров вермахта и СС, с которыми Кузнецов познакомился в Ровно, фон Ортель заметно выделялся широтой взглядов, эрудицией, остроумием. Он хорошо разбирался в литературе, понимал музыку, любил цитировать изречения известных философов, держал в памяти массу сведений из области спорта.

«Поначалу все немецкие офицеры и чиновники казались Кузнецову словно сшитыми по одной колодке – самодовольными, ограниченными, жестокими, фанатично убежденными в своем превосходстве над всем и всеми, но в то же время слепо подчиняющимися воле фюрера и приказам любого начальства, – пишут А. Лукин и Т. Гладков. – Однако Кузнецов никогда не забывал, что среди всех этих лейтенантов, капитанов, майоров обязательно должны быть люди, понимающие преступный характер войны, развязанной Гитлером». Вместе с тем он

понимал, что для таких людей обер-лейтенант Пауль Зиберт, кавалер двух Железных крестов, хорошо обеспеченный средствами, – опасный человек, от которого надо держаться в стороне. Людей такого сорта было мало, и все же они были.

Офицерам старшего поколения в Зиберте нравилась почтительность. Он всегда проявлял живой интерес к их воспоминаниям о первой мировой войне. Молодым офицерам импонировала его репутация фронтовика, награжденного двумя крестами и носившего знак за ранение. Некоторые офицеры из учреждений оккупационных властей считали Зиберта земляком и старым знакомым рейхскомиссара Коха (в чем Кузнецов не пытался их разуверить). И наконец, всем знакомым Зиберта нравилась его щедрость, умение в любое время дня и ночи достать бутылку коньяка или какие-нибудь деликатесы, его постоянная готовность по-товарищески ссудить нуждающегося сотней марок.

За год работы в Ровно Пауль Зиберт стал своим человеком в различных кругах немецких офицеров и чиновников, хорошо разобрался в настроениях, побуждениях и интригах своих многочисленных знакомых.

Штурмбанфюрер фон Ортель стал для него первой загадкой. Между тем Центр запрашивал сведения об Ортеле, о характере его миссии в Ровно. Правда, Центр советовал соблюдать осторожность, не начинать с эсэсовцем по собственной инициативе никакой игры, вести себя таким образом, чтобы «приятельские» отношения с фон Ортелем развивались естественным образом.

Однажды в офицерском казино фон Ортель пригласил за стол человека из числа местных жителей и повел с ним разговор на чистом русском языке. Оказалось, что он владеет русским языком совершенно свободно, хотя раньше никогда не пользовался им в присутствии Кузнецова и Лисовской.

– Вы знаете русский? – спросил Кузнецов. Это был первый вопрос, который Кузнецов позволил себе задать фон Ортелю за все время их знакомства.

– О, да, я занимаюсь им с давних пор, дорогой Зиберт. А вы что-нибудь поняли? Не правда ли, мелодичный язык и звучный?

– Я понял всего лишь отдельные слова. Мои знания русского языка ограничиваются военным разговорником.

Фон Ортель кивнул в знак понимания и с выражением некоторого сожаления.

– Без ложной скромности могу сказать, что владею русским языком в совершенстве. У меня было немало возможностей убедиться в том, что ни один русский не в состоянии отличить

меня от своего соотечественника. Конечно, когда я не в немецкой военной форме, как сейчас. – Ортель самодовольно рассмеялся.

– Пауль, вы производите впечатление человека, умеющего хранить тайну, – перешел вдруг на серьезный тон фон Ортель. – Поэтому могу вам признаться, что перед войной я некоторое время жил в Москве.

– И чем вы занимались там? – машинально вырвалось у Зиберта.

– Чем занимался? Помогал большевикам строить коммунизм! – Эсэсовец саркастически ухмыльнулся.

– Значит, вы… – Зиберт словно бы немного смешался, а затем с фронтовой солдатской непосредственностью наивным тоном задал прямой вопрос: – Значит, вы разведчик?

– Вы хорошо воспитаны, мой друг, – назидательным тоном произнес фон Ортель. – Бьюсь об заклад, что про себя вы употребили слово «шпион», не так ли?

– От вас ничего не скроешь. Вы читаете чужие мысли. Я действительно подумал так, но прошу прощения, у нас в армии ваша профессия не очень ценится.

Эсэсовец был достаточно интеллигентен, чтобы не обидеться. Простодушие и прямота Зиберта его, казалось, лишь забавляли.

– Это все результат армейской пропаганды, неверно она нас изображает.

Так была снята первая завеса с тайны «стоматологического кабинета» доктора Ортеля. Но главную тайну еще предстояло открыть – цель миссии фон Ортеля в Ровно.

Кузнецов и Ортель встречались почти ежедневно или у общих знакомых, или один на один, что случалось чаще. Эсэсовец на свой манер привязался к казавшемуся несколько наивным фронтовику, который внушал ему доверие и готов был внимательно слушать его словесные излияния. Постепенно он совсем перестал его стесняться.

Кузнецов, наблюдая день за днем фон Ортеля, все больше приходил к мысли о том, что за внешней респектабельностью эсэсовца скрывался страшный и опасный человек. Главной чертой этого человека был цинизм. Это был цинизм страшный, не оставивший в человеке ни единого чувства, ничего святого. Фон Ортель не признавал никаких идей, ничего, кроме корысти, которая, по его убеждению, и движет человеком во всех его поступках, в политике или в частной жизни.

– Война, – говорил фон Ортель, – ведется ради государственных и личных интересов. Признаюсь, меня интересуют исключительно личные. Но осуществить их я могу лишь через государственные интересы.

Кузнецов был поражен тем, с каким цинизмом и убийственным сарказмом фон Ортель отзывался о руководителях третьего рейха.

– В любви к самому себе доктор Геббельс не имеет соперников. А для меня, чем человек больше говорит о своих достоинствах, тем меньше я ему верю. Ложь доктора Геббельса шита белыми нитками. Задумайтесь над иронией истории, – фон Ортель вытер носовым платком пот со лба и с выражением презрения и гадливости на лице продолжал: – Фюрер выбрал этого дегенерата, чтобы он своей болтовней убеждал мир в превосходстве немецкой расы! Мальчишкой меня отодрали за уши за то, что я обозвал этого безмозглого калеку сорокой, напялившей на себя орлиные перья, а сейчас из меня хотели бы сделать болвана, готового поверить его брехне. Или послушайте всех этих розенбергов, которые уверяют нас в том, что мы должны умереть ради того, чтобы жила Германия. Не больше, не меньше! А почему бы не умереть самому господину Розенбергу? Извольте, господа, платить честно. Пусть каждый платит по своему счету, и тогда мы решим, а надо ли рисковать жизнью.

– Зачем вы так, это же наши, – пробормотал Зиберт, чтобы как-то отреагировать на тираду фон Ортеля.

– Что, испугался? Думаешь, я провоцирую тебя? меня можешь не бояться. Бойся гадов во фраках, они жалят исподтишка. Если окажешься с ними в одной компании, не забудь позаботиться о запасном выходе.

Многие так называемые столпы третьего рейха в действительности никакие не великаны, а самые рядовые, никчемные людишки. Лучше, когда слабый человек тебе враг, а не друг, мой Зиберт.

– Я все же отношу себя к тем, кто верит в немецкий гений, давший миру честнейшего рейхсмаршала Геринга, храброго и великодушного гауляйтера Коха, а также Бормана… – начал Кузнецов, желая якобы умерить остроту критики фон Ортеля.

Штурмбанфюрер захохотал и покровительственно похлопал Зиберта по плечу, как бы говоря: «Честен ты и наивен, но надрессирован, как верный пес».

– Э, мой дорогой Зиберт! Этот твой «честнейший» Геринг является крупнейшим лавочником на свете, спекулянтом, собственником огромной коллекции произведений искусства, которые он награбил в оккупированных странах. А гауляйтор Кох? Да он труслив, как заяц. Он смел, когда ему ничего не грозит, а как только тучки начинают сгущаться, немедленно удирает в Кенигсберг. Кох смертельно трясется за свою жизнь. Он забыл слова Гете о том, что смерть неизбежна, независимо от

того, боишься ты ее или нет. Ты упомянул этого лиса с львиной гривой Мартина Бормана. Э, мой Зиберт! Борман – ни рыба ни мясо; это что-то такое студенистое. Это Яго при дворе Адольфа Гитлера. Специалист по полу истине. А полуправда хуже лжи! Но зато интриган, каких поискать.

Перед Кузнецовым день за днем обнажалась анатомия страшного человека. «Страшного не только по своей идее человеконенавистничества, но и по полной безыдейности», – отмечает Д. Медведев в книге «Сильные духом».

В те ночи Кузнецов плохо спал. Его мучила мысль о фон Ортеле. Кто же он на самом деле, этот высокообразованный немец, для которого в мире нет ничего святого, у которого нет никаких идеалов, кроме корысти? А не агент ли он английской «Интеллидженс сервис»? Возможно, он англичанин, блестяще играющий роль гестаповца особого рода? Правильно ли будет похитить его и самолетом переправить в Москву? Кузнецов запросил мнение Центра по этому вопросу. Центр рекомендовал не спешить и не рисковать, а продолжать внимательно следить за каждым шагом фон Ортеля, выяснить цель его пребывания в Ровно.

* * *

Воскресное утро было серым и холодным. Посеребривший землю снег не хотел таять. В военное время выходных не бывает, даже в тылу. В этот день фон Ортель появился в салоне пани Лисовской необычно рано. Он извинился за ранний визит перед Майей, открывшей ему дверь, и прошел в гостиную. Там уже находился обер-лейтенант Зиберт, просматривавший свежий номер «Фелькишер Беобахтер», на первой странице которой красовалась фотография Геббельса.

Они поздоровались.

– Вам не надоедает читать эту галиматью? – с вызовом спросил фон Ортель, указывая на пачку газет на столике, перед которым сидел Зиберт. – Это чтиво предназначено для толпы, способной к действию лишь по указке таких, как доктор Геббельс, а не для нас с вами.

Кузнецов решил принять вызов, брошенный ему фон Ортелем.

– Дыма без огня не бывает, дорогой мой Ортель. Каждый делает свое дело. Одни доктора лечат тело, а другие, как доктор Геббельс, выполняют еще более благородную миссию – они лечат души.

– Хороший ты парень, Зиберт. Стопроцентный, прямолинейный и простодушный пруссак. Уважаю твою искренность, но должен заметить, что существуют доктора, которые опаснее самой болезни. Я не могу верить человеку, который превозносит буквально все, что происходит в третьем рейхе!

– Почему же тогда ты так же добросовестно служишь фюреру и Германии, как и я, только на другом поприще? – не выдержал Зиберт, переходя на «ты».

– Вот это уже вопрос по существу, – серьезным тоном произнес эсэсовец. – Я служу ему потому, что лишь с фюрером могу достичь того, чего хочу. Деньги не падают с неба. Я не скряга, но свой пфенниг мне слаще, чем чужой миллион. А свой пфенниг мне легче приобрести с помощью идеологии фюрера, в которую я не верю, и посредством его методов, которые я признаю. Следовательно, я служу потому, что мне это выгодно!

Фон Ортель служил своим хозяевам, не веря им, отмечает Д. Медведев. Он считал их такими же законченными мерзавцами, каким был сам. Он служил в гестапо, потому что ему это было выгодно. Власть над людьми у него уже была, теперь ему нужно было богатство.

– Трус умирает тысячу раз, храбрец – лишь один раз, – ударился фон Ортель в свою философию. – Трус никогда не бывает счастлив. В этом я полностью согласен с Сервантесом. Конечно, на словах мы все готовы пойти за фюрером в огонь и в воду. Но истина в том, что свинья хочет, чтобы эта вода была как можно грязнее, – рассмеялся штурмбанфюрер. – Скажи откровенно, неужели тебе свой небольшой капитал не дороже, чем все богатства нацистской партии? Я придерживаюсь такого принципа: «Все, что сладко, надо проглотить, все, что горько, – выплюнуть». И дело с концом! Напрасная затея – волу на ухо псалмы читать! Нет смешнее желания, чем пытаться нравиться всем. Свои болячки чужим здоровьем не вылечить. Если бы ты мог приумножить свой небольшой капиталец с помощью тех, кого этот лис Борман именует плутократами, то есть с помощью американцев и англичан, разве ты не отрекся бы от некоторых «высоких побуждений»? Чем голова умнее, тем плечам легче. Или тебе это не известно? Лучше, когда тебе завидуют, чем когда сочувствуют. В идеалы следует верить в той мере, в какой они могут быть тебе полезны. Разумеется, это не значит, что мы с тобой готовы предать фюрера. Упаси бог!

– Да, я или умру как рыцарь или вернусь как победитель! – патетически воскликнул Зиберт, делая вид, что эти слова возникли у него стихийно под воздействием последней сентенции

штурмбанфюрера.

– Полегче на поворотах, дорогуша! Не следует быть большим католиком, чем сам папа. Разум человека сильнее его кулака. Основа всякой мудрости есть терпение. – Поэтому не спеши меня перебивать, я еще не кончил. Я хотел спросить, почему вот мы с тобой не предадим фюрера? Потому, мой Зиберт, что фюрер печется об умножении твоего и моего капитала, не забывая, конечно, и о своем. – Искорки иронии заблестели в холодных глазах фон Ортеля. – Об этом те, что наверху, никогда не забывают. Рейхсмаршал, например, любит чужие картины, и их у него огромное количество. У рейхсфюрера золота больше, чем во всех швейцарских банках вместе взятых. Думаю, что он не на поденной работе его приобрел! Доктор Геббельс любит роскошные виллы, а Кох, извини, говорят, что он твой то ли земляк, то ли родственник, обожает фабрики, крупные поместья и драгоценности. У каждого свой интерес. Я считаю, что с нашим фюрером можно заработать больше, чем с кем-либо еще. Поэтому я ему предан, поэтому я готов пойти за него в огонь и воду. Здесь нет никакой дилеммы. Ты, наверное, видел, как легко умирают коммунисты, как стойко переносят пытки. Приходилось ли тебе их допрашивать?

– Несколько раз я присутствовал при допросе пленных, но меня такие сцены не впечатляют, – ответил Зиберт. – Я солдат и лучше чувствую себя на поле боя.

– Коммунисты – фанатики особого рода. Их надо внимательно изучать. Не следует забывать старую истину о необходимости хорошо знать противника. Вчера я получил фотокопии писем нескольких немецких коммунистов, написанных перед казнью. Некоторые из них весьма впечатляют.

Фон Ортель вынул из внутреннего кармана несколько сложенных вместе листов бумаги и прежде, чем начать читать, сделал небольшое вступление:

– Слесарь Вальтер Гуземан, родился в 1909 году в Киле, стал коммунистом в семнадцать лет. Арестован в сентябре 1942 года как член нелегальной коммунистической группы в Шульц-Бойзене. Военный трибунал осудил его на смерть. Во время казни держался исключительно храбро. Расстрелян 13 мая 1943 года. Утром перед казнью написал последнее письмо отцу.

Штурмбанфюрер бесцветным голосом начал читать письмо, намеренно опустив начало:

> «…Не печалься. Когда получишь это письмо, меня уже не будет в живых. Стремления, надежды, опасения – все это будет уже позади. Интересуешься, наверное, как я

себя сейчас чувствую? А никак, вообще ничего не чувствую, то есть состояние у меня сейчас такое же, каким оно было после объявления приговора. Единственная разница заключается в том, что сейчас со мной нет моих товарищей. Но я не чувствую себя одиноким. Со мной сейчас все, кого я знал, все друзья и товарищи и прежде всего ты, отец, и Фрида. Мои товарищи не знают, что в эти минуты я ухожу от них навек, но настанет день, когда им станет известно, что я не струсил, что и в последний момент оставался таким, каким был всю жизнь – принципиальным и надежным. Не смотри на мою смерть как на что-то катастрофическое, считай, что я просто уехал куда-то надолго, не попрощавшись. Все это не так страшно, откровенно говоря, совсем не страшно, но, конечно, надо держать себя в руках. А самообладание было всегда, слава богу, моей самой сильной чертой.

…Чтобы узнать человека, надо познать его слабости. Святых людей не бывает, они существуют лишь в церковных книгах. Человек красив и достоин любви лишь во всей своей противоречивости. Меня не будет больше, но память обо мне останется. Уверен, что смерть не по заслугам возвысит меня в глазах тех, кто меня знал. Я ни о чем не жалею, кроме того, что мало успел сделать в жизни.

Дорогой отец! Умираю таким, каким был в жизни, – борцом за дело рабочего класса! Нетрудно называть себя коммунистом, когда не надо платить за это своей кровью. Но коль пришлось платить, надо доказать в час испытаний, что ты коммунист. Я, отец, коммунист!

Верь мне, отец, я не боюсь. Никто не увидит в моих глазах страха. Последнее мое желание – принять смерть достойно.

Докажи, что уважаешь своего сына! Совладай с печалью. Тебе надо еще многое сделать за двоих, за троих, так как твоих сыновей больше нет в живых.

Знаю, что тебе будет тяжело, но будь горд тем, что ради своей идеи ты пожертвовал самым дорогим в жизни.

Война недолго продлится, пробьет и наш час.

Помните тех, кто уже закончил свой боевой путь или еще должен пройти его, как это предстоит сделать сегодня мне. И поймите наконец, что такое нацисты, – будьте беспощадны к ним!

Опасаюсь, что весть о моей смерти может сразить тебя. Будь тверд, тверд и еще раз тверд!

Докажи, что ты был сознательным борцом за интересы своего класса.

Докажи, что твои убеждения основывались не на романтических идеях, а на жестокой необходимости.

Умираю с легким сердцем, так как знаю, за что иду на смерть. Моих убийц в скором времени ждет страшная кара. Я в этом убежден. Будь тверд, отец, будь мужественна, Фрида! Не вешайте голову. И в минуту слабости помните последнюю просьбу вашего Вальтера».

Фон Ортель встал и зашагал по комнате в задумчивости. Потом он остановился, поднял глаза и, словно уверяя самого себя, произнес:

– Почти все письма написаны в таком же духе. Странные люди, какая-то безумная храбрость…

Он вдруг рассмеялся, вновь сел и, постукивая пальцами о край стола, продолжал:

– Я в свое время много думал, откуда такое презрительное равнодушие к смерти? И я понял: все от той же неполноценности этих личностей, я хочу сказать от их примитивизма в широком смысле слова. Цивилизованный человек ценит жизнь, он скорее расстанется с чем угодно – с чувством долга, с религией, чем с собственной жизнью, – заключил свою мысль фон Ортель.

Еще ни один нацист не демонстрировал Кузнецову свое кредо так откровенно и четко. Из этого разговора Кузнецов вынес нечто необычно важное для себя как для разведчика. Отныне он до конца знал нутро своего противника, и это знание служило ему залогом его победы. Но цель миссии «философа» в Ровно все еще оставалась тайной.

* * *

– Послушай, Пауль, я хотел бы тебя по-дружески предупредить, – сказал однажды в казино фон Ортель, когда они были наедине. – Около твоей невесты в последнее время крутится некая сомнительная личность – майор Гетель.

– Этого не может быть! – возмутился Зиберт. – Я полностью доверяю своей невесте, она…

– Успокойся, Пауль! Ревность – свойство ограниченного ума, а ты человек неглупый. Тем более, что в данном случае речь идет не о любовных делах, а о чем-то совсем другом. Мы с тобой

приятели, поэтому я советую тебе держать Валентину подальше от Гетеля. Нет, в сердечных делах он тебе не соперник. Я имею в виду нечто иное. Этого парня я встречал на Принц Альбрехтштрассе.

На улице Принц Альбрехтштрассе, 8, в Берлине находился так называемый «Дом Гиммлера» – главное Управление имперской безопасности.

– Значит, Гетель – гестаповец?

Так, благодаря фон Ортелю, Кузнецов разрешил одну дилемму или думал, что разрешил. До этого разговора ему никак не удавалось узнать, чем занимался майор Мартин Гетель. Этого не знали даже многие высокопоставленные сотрудники рейхскомиссариата. В отличие от других у Гетеля был свой распорядок дня и он не обязан был приходить утром к установленному часу. Правда, зато вечерами он часто задерживался в своем кабинете в рейхскомиссариате. Большую часть рабочего дня кабинет Гетеля был закрыт, в то время как его хозяин расхаживал по служебным помещениям, заводил разговоры на тривиальные темы, собирал слухи. Сотрудники рейхскомиссариата его не любили. Высокопоставленные чиновники, офицеры и даже генералы избегали публичных контактов с ним и, если встречались, то один на один.

Скромная служащая «фолькс дойче» Валентина Довгер также старалась быть подальше от малоприятного майора Гетеля. Но майор был настойчив, и наступил момент, когда она не смогла отклонить его предложения проводить ее домой.

– Фрейлейн замужем? – спросил ее Гетель вкрадчиво и здесь же добавил: – О, я слышал, что у фрейлейн есть жених и, говорят, очень красивый.

– Я вижу, вы полностью в курсе, – засмеялась Валя. – Мой жених – офицер. Только он очень ревнивый, и я не хотела бы, чтобы нас видели вместе.

Но майор не придал словам Вали особого значения. Вскоре она поняла, что Гетеля интересует не она, а Зиберт.

– Я видел вас случайно в приемной рейхскомиссара, – сказал Гетель. – И как-то сразу проникся к вам и к вашему жениху симпатией. Кстати, как его зовут?

– Обер-лейтенант Пауль Зиберт!

– Сочту за честь, если вы познакомите меня с ним.

Вале ничего не оставалось, как пообещать выполнить его просьбу.

В тот же вечер Валя известила Кузнецова о содержании ее разговора с рыжим майором, как за глаза все звали Гетеля.

Кузнецов срочно отбыл в отряд. Запросили мнение Центра и

начали совместно анализировать сложившуюся обстановку. В конце концов остановились на двух версиях.

Первая версия состояла в том, что гитлеровская контрразведка заинтересовалась обер-лейтенантом Зибертом и поручила Гетелю войти в контакт с Валей, чтобы через нее получить интересующую гестапо информацию, установить связи Зиберта, включая круг его знакомств среди немецких офицеров и вольнонаемных сотрудников в Ровно.

Вторая версия сводилась к тому, что майор Гетель действует самостоятельно по собственной инициативе и никого еще не информировал о своих действиях и планах в отношении Зиберта.

С большей или меньшей определенностью можно было констатировать, что «немецкое происхождение» обер-лейтенанта Зиберта в гестапо сомнений не вызывает, но тем не менее он чем-то привлек внимание майора Гетеля.

Было решено до уточнения обстановки от прямого контакта с Гетелем временно воздержаться и одновременно усилить меры по охране Кузнецова.

А Гетель продолжал наводить справки о Зиберте. Он вызвал к себе Лидию Лисовскую, у которой фактически проживал Зиберт. До беседы с Лисовской майор Гетель установил, что обер-лейтенант Зиберт не зарегистрирован ни среди постоянно проживающих в Ровно немецких офицеров, ни среди временно прикомандированных. Без такой регистрации никто не имел права и двух дней провести в городе.

Беседа Гетеля с Лисовской носила официальный характер. Майор предупредил Лидию, что разговаривает с нею строго конфиденциально и какая-либо утечка информации об этой встрече будет иметь для Лисовской неприятные последствия. После он попросил ее рассказать все, что она знает о Зиберте.

– Обычный пруссак, – передернула плечами Лидия и рассказала то, что считала безопасным для Зиберта.

– Упоминал ли обер-лейтенант когда-нибудь Англию в разговорах с вами, неважно в какой связи?

Лидия в недоумении подняла брови.

– Англию? Никогда. Да и зачем говорить ему со мной об Англии? Разве у нар, молодых людей, не найдется других тем для беседы, господин майор?

Но майор был настойчив.

– Употребляет ли Зиберт в разговоре английские слова?

Лисовская улыбнулась.

– Но я не говорю по-английски. И потом, насколько мне известно, Пауль говорит лишь по-немецки. Он знает, правда, по десятку польских, украинских и русских слов. Столько же знают и

другие немецкие офицеры, которые служат здесь.

– В вашем личном деле, фрау, вы пишете, что в течение двух лет изучали английский язык, готовясь к работе в Голливуде.

– Да, действительно я ходила на курсы, но английским языком так и не овладела. Из-за этого я отказалась от намерения поехать в Америку, о чем, кстати, никогда не жалела.

– Извините, фрау, за бестактность, но я хотел бы, любопытства ради, выяснить один вопрос: не выходят ли ваши отношения с обер-лейтенантом за рамки обычных отношений между хозяйкой квартиры и постояльцем? Нет ли между вами каких-либо отношений по сердечной линии, я хотел бы знать?

– Ну что вам сказать по этому поводу? У Зиберта есть невеста, но он влюблен в меня, а я в него. Надеюсь, теперь вы понимаете меня лучше?

– О, да, конечно! Я уважаю ваши чувства, но вы должны постоянно иметь в виду, что прежде всего вы сотрудница гестапо и лишь потом – близкая приятельница обер-лейтенанта Зиберта. Кстати, вам не кажется странным, что Зиберт так сорит деньгами, ведь он тратит крупные суммы?

– Ничего особенного в этом плане я за ним не замечала, – ответила Лидия.

– И последний вопрос, вернее, просьба, фрау Лисовская. Попробуйте как-нибудь в разговоре употребить обращение «сэр» и понаблюдайте за Зибертом, как он на это отреагирует. Меня же потом проинформируете, хорошо?!

Таким образом загадка Гетеля была решена. Хитрый гестаповец все же открыл свои карты. Он, исходя из одному ему известных предпосылок, решил, что Зиберт является агентом английской разведки – «Интеллидженс сервис».

Лисовская считалась тайным сотрудником гестапо. У нее был свой шеф, без ведома которого она не имела права давать кому бы то ни было какую-либо информацию, в том числе приватного характера. Поскольку майор Гетель вошел с ней в контакт напрямую, минуя ее шефа, это означало, что он действовал самочинно, без ведома соответствующих лиц в гестапо. Кроме того, из его беседы с Лисовской можно было предположить, что он не собирается арестовывать Зиберта, хотя и заподозрил его в шпионаже.

После катастрофического поражения под Курском над судьбой нацизма нависли темные тучи. Предвидя скорый крах третьего рейха, Гетель хотел заблаговременно переметнуться на сторону английской разведки.

Зиберт и Гетель встретились 29 октября 1943 года. Кузнецов привел Гетеля на улицу Легионерскую, 53 под предлогом, что там

они найдут двух женщин, с которыми и проведут вечер. В этом доме проживал одиноко и скромно Хуберт Глаас, незаметный служащий так называемого «Пакетаукциона», немецкого учреждения, занимавшегося отправкой в Германию продовольствия и других товаров, награбленных на оккупированной советской территории. Возглавлял «Пакетаукцион» нацистский генерал Курт Кнут, один из заместителей Эриха Коха.

Курту Кнуту, этому живодеру и мошеннику, и во сне не снилось, что его скромный служащий Хуберт Глаас в действительности является голландским антифашистом. В тот вечер в квартире Глааса находился и Иван Корицкий, который работал в «Пакетаукционе» в качестве грузчика, а фактически был разведчиком в отряде Медведева.

– Мои приятельницы немного задержались, – Кузнецов посмотрел на часы, – но, я думаю, через полчаса они будут здесь. Пожалуй, нам следует тем временем чего-нибудь выпить, господин майор. Не возражаете?

Гетель охотно принял приглашение. Они сняли шинели. При этом Зиберт повесил на вешалку и ремень с кобурой и пистолетом. Майору ничего не оставалось делать, как последовать его примеру.

Беседа за столом текла неторопливо. Говорили о погоде, которая в ту осень была необычно теплой, о винах, в которых и обер-лейтенант и майор разбирались неплохо. Постепенно разговор переходил на более серьезные темы, и Гетелю казалось, что инициатива принадлежит ему. Время, однако, шло, а женщины не появлялись.

– Николай! – позвал Зиберт своего шофера, «немецкого солдата польского происхождения», как он представил его майору. – Надо бы съездить за Анной и Ириной, что-то они задерживаются.

– Время еще есть, господин обер-лейтенант. Они сказали, что придут обязательно, – объяснил на ломаном немецком языке появившийся из другой комнаты Николай Струтинский и, вместо того чтобы уйти, неожиданно сел за стол.

Разведка – это такая служба, где малейшая погрешность может обернуться катастрофой. Такую ошибку совершил Струтинский, подсев к офицерам за стол.

Майора Гетеля будто током ударило, его лицо побагровело от негодования. Немецкий солдат польского происхождения никогда бы не позволил себе присоединиться к офицерам, даже если бы его пригласили. Подобной фамильярности не потерпел бы и английский офицер, за которого Гетель принимал обер-

лейтенанта Зиберта.

Гетеля охватил ужас. Засада! Значит, Зиберт никакой не агент «Интеллидженс сервис»! А если он русский?

Майор вскочил и бросился к вешалке за пистолетом, но Струтинский подставил ему ногу, и тот растянулся на полу.

За полминуты Гетель был укрощен и связан. Так неожиданно закончилась игра, которая могла иметь далеко идущие последствия. Другого выбора у Кузнецова в создавшейся обстановке не было. Он отбросил ненужную больше маску и приступил к допросу насмерть перепугавшегося эсэсовца.

– Никогда бы не подумал, что вы русский разведчика – хмуро произнес Гетель. – Я думал, что вы англичанин или поляк, работающий на «Интеллидженс сервис». Собирался предложить вам свое сотрудничество. Соглашусь сотрудничать и с русскими, если отпустите.

– Все зависит от вас, от вашей искренности, – ответил Кузнецов. – Ваши показания мы сравним с теми сведениями, которыми уже располагаем. Поэтому требую говорить только правду, одну правду. Многое нам известно, но, конечно, кое-что мы еще не знаем.

Видимо, это произвело на Гетеля должное впечатление: на протяжении нескольких часов он подробно отвечал на вопросы, интересовавшие советскую разведку.

– Кем в действительности является фон Ортель? – спросил Кузнецов эсэсовца в конце допроса.

– Я не могу вам этого сказать.

– Почему? – Кузнецов повысил голос.

– Потому что я на самом деле не знаю, кто он, – истерично воскликнул Гетель. – Этого никто не знает. Мне лишь известно, что штурмбанфюрер Ортель имеет специальные полномочия от главного управления имперской безопасности в Берлине. Он имеет право лично обращаться по телефону к Мюллеру и Шелленбергу.

– Ого! – Кузнецов едва не присвистнул.

Мюллер был начальником IV отдела главного управления имперской безопасности, то есть тайной полиции, гестапо. «Следовательно, – подумал Кузнецов, – я не ошибся, полагая, что фон Ортель – крупная птица».

Из показаний майора Гетеля Кузнецов узнал, что фон Ортель некоторое время провел в Белграде. Сюда, в Ровно, к нему два-три раза приезжали какие-то личности из Берлина. На днях его видели с одним из них. Говорят, что это Отто Скорцени – известный похититель. Но о задании, которое фон Ортель выполнял в Ровно, майор Гетель толком ничего не мог сказать.

– Фон Ортель – сам себе хозяин, – сказал Гетель. – Он, например, часто бывает в тюрьме. Отбирает там людей и куда-то увозит. Никто из них назад не возвращается. Ему помогают в Ровно три майора и один капитан.

* * *

Сведения, полученные от майора Гетеля, были лишь элементом в системе мер по идентификации личности фон Ортеля. В этом деле многое еще было неясно, поэтому Кузнецов продолжал развивать связи с фон Ортелем. Делать это ему было не трудно, так как фон Ортель считал его своим близким приятелем и постоянно искал с ним встречи. Создавалось впечатление, что беседы с Кузнецовым служат фон Ортелю своеобразной отдушиной для снятия нервного напряжения, вызываемого, видимо, важностью выполняемой им работы.

Беседуя с ним, Кузнецов вдруг обнаружил, что фон Ортель неустанно изучает не только то, что должен знать высококвалифицированный разведчик, но и многое другое, выходящее за рамки его профессиональных обязанностей. Фон Ортель, оказывается, изучал труды Шлифена, Мольтяе, Клаузевица, до деталей знал походы Цезаря, Чингисхана, Наполеона, Фридриха II. Но его оценки исторических деятелей страдали очевидной субъективностью. Странно, например, было слышать от него, что катастрофические поражения Германии на восточном фронте и возможная высадка англичан и американцев во Франции не будут иметь решающего влияния на исход войны. Большинство генералов вермахта фон Ортель считал тупицами. Он иронически относился к возможности достижения победы в войне с помощью боевых действий на поле боя. История учит, утверждал Ортель, что великие события происходят лишь в результате насильственных перемен в высшем эшелоне власти. А эти перемены чаще всего осуществляют диверсанты и заговорщики.

Однажды Зиберт и фон Ортель сидели в ресторане отеля «Дойчегофф». Фон Ортель наливал себе стопку за стопкой. Разговор зашел о ходе войны на восточном фронте.

– Как вы, Зиберт, относитесь к этому «случаю под Курском»[13] и вообще к тому, что русские наступают? – спросил фон Ортель.

Сам вопрос уже заключал в себе доверие. Упоминать о Сталинграде и Курске можно было только в разговоре с человеком, которого хорошо знаешь, не опасаешься.

– Во всяком случае, иначе, чем большинство, – ответил Зиберт. – Несомненно, оба этих факта достаточно трагичны сами по себе. Но я не люблю нытья. Мне представляется, что бывают такие исторические моменты, когда поражение важнее победы. Что заставит задуматься над серьезностью положения в дни победы? Ничто. Победы кружат головы. Люди теряют представление о реальном. А поражения? Они заставляют думать даже меня. – Зиберт усмехнулся. – Германии нужен трезвый ум и твердый дух, то и другое приобретается не в победах, а в поражениях.

– Браво! – воскликнул фон Ортель. – Из тебя, Зиберт, вышел бы превосходный теоретик. Пока не поздно, покажись Альфреду Розенбергу, он приезжает через два-три дня. Выскажи ему свои взгляды, и он возьмет тебя к себе в помощники! Он любит алхимиков человеческих душ. Напомни ему, кстати, что вы с ним земляки. Между прочим, я, пожалуй, больше ему земляк, чем ты. Но, признаюсь, не хочу, чтобы меня что-либо связывало с этим головастиком.

– Пожалуйста, не надо, я считаю Розенберга выдающейся личностью третьего рейха.

– Оставь ты эту чепуху при себе. Розенберг ничего собой не представляет особенного. Говорят, что он немецко-татарского происхождения. Кого, интересно знать, надоумило поставить этого дурака промывать нам мозги? Ты, возможно, не знаешь, что Розенберги пришли в Пруссию с Волги. Там еще царица Екатерина создала колонию немцев.

– Забавно.

– Куда уж забавнее!

– Ты, Ортель, кажется, назвал себя переселенцем из России, так ли это?

– А ты, я смотрю, догадлив! Но мы отклонились от «курской» темы. Скажи честно, ведь у тебя уже есть два ранения, от фюрера ты получил два креста и прочее. Готов ли ты снова идти на фронт? Там, правда, обещают Железные кресты, но чаще всего выдают деревянные, – иронично усмехнулся фон Ортель. – Во всяком случае, так утверждает большевистский писатель Илья Эренбург. Ну, так что?

Зиберт распрямился на стуле. Его голос стал суровым и твердым.

– Я солдат, мой дорогой штурмбанфюрер, и мой долг без размышлений драться за фюрера, за германский народ и за Великую Германию!

«Вот такой искренний фанатик мне и нужен», – подумал фон Ортель, но вслух сказал совсем другое. Насмешливо разведя руки,

он воскликнул:

– Блестящий ответ! Но почему так официально и театрально? Неужели ты думаешь, что борьба с противником ведется лишь на поле боя?

Зиберт презрительно усмехнулся и ответил:

– Честно скажу тебе, я презираю тыловиков. Они частенько нарочно придумывают себе противника, чтобы обратить на себя внимание. Здесь, в Ровно, полно таких «борцов», которые воюют с детьми, женщинами и инвалидами, уверяя, что это все «большевистские диверсанты»! Настоящий солдат такими делами не станет заниматься! Война, кроме всего прочего, дело благородное!

Фон Ортель задумался над его словами, затем отрицательно покачал головой и назидательно произнес:

– Не следует быть таким легкомысленным, Зиберт. Партизаны – весьма серьезная опасность. Ну да черт с ними. Пусть с ними занимаются те, кто не в состоянии делать более важное дело.

Фон Ортель замолчал и погрузился в раздумье. Зиберт почувствовал, что наступает кульминация их игры, которую он вел на острие ножа. Они закурили.

– Такому человеку как ты, мой дорогой Зиберт, нужны друзья, способные оценить твои достоинства и вознаградить их, – размеренным голосом начал фон Ортель. – Интересно, что бы ты сказал, если бы я предложил тебе изменить род деятельности?

– Не надо, Ортель, так шутить. Из меня плохой разведчик, – ответил Кузнецов, считая, что в данной ситуации следует говорить прямо, без околичностей.

– Ха-ха! Я сделаю из тебя хорошего. Клянусь богом, там бы тебе никто не досаждал. А в остальном… В общем, вскоре я познакомлю тебя с моим большим другом – Отто Скорцени.

– Со Скорцени! – удивился Зиберт.

Фон Ортель был удовлетворен впечатлением, которое он произвел на Зиберта. Конечно, думал он, возможно, я сказал лишнее сегодня этому скромному фронтовику, но он надежный человек и умеет хранить тайну.

Кузнецову конечно же было хорошо известно имя пресловутого Отто Скорцени. Оно не сходило со страниц фашистской печати, превозносилось до небес, едва ли не обожествлялось. На счету штурмбанфюрера СС Скорцени было немало диверсий и кровавых акций. Убийство в 1934 году австрийского канцлера Дольфуса, арест во время «аншлюса» Австрии в 1938 году президента Микласа и канцлера Шушнига, зверские расправы над жителями Белграда, Копенгагена,

Варшавы, Риги, Киева, – все это было делом рук Скорцени и его банды.

Скорцени пользовался особой благосклонностью Гитлера и быстро продвигался по служебной лестнице. К 1943 году он был уже шефом отделения по организации террористических и диверсионных операций в VI отделе главного управления имперской безопасности.

К нему питал особое доверие Эрнст Кальтенбруннер, кровавый палач, шеф СД.[14]

Отто Скорцени, по указанию Гитлера, совершил одну из самых дерзких диверсионных операций во второй мировой войне – похищение Муссолини. В 1943 году фашистский режим в Италии потерпел поражение, Муссолини был арестован и помещен под усиленной охраной в горно-туристском отеле «Кампо императоре» близ местечка Абруццо. Новый глава итальянского правительства маршал Бадольо изъявил готовность начать переговоры с Англией и США о выходе Италии из войны. Это привело Гитлера в ярость, и он решил во что бы то ни стало выкрасть Муссолини, чтобы с его помощью побудить итальянцев продолжать боевые действия хотя бы в северной части Италии. В отель «Кампо императоре» вела единственная подвесная канатная дорога, подступы к которой хорошо охранялись.

Скорцени предложил операцию «Дуб» осуществить с помощью воздушного десанта. 106 диверсантов во главе со Скорцени неожиданно спустились на планерах перед самым отелем и разоружили растерявшуюся охрану. Муссолини был на самолете доставлен в Германию, где его принял Гитлер. Геббельсовская пропаганда выжала из операции все, что можно. Имя Скорцени было окружено ореолом легенды, его прославляли как идола германской расы и символ ее превосходства.

После беседы с фон Ортелем Кузнецов немедленно отправился в отряд. Надо было решить, как поступить с предложением фон Ортеля. Принятие этого предложения могло иметь далеко идущие последствия. Вместе с тем его можно было расценить и как попытку фон Ортеля проверить личность обер-лейтенанта Зиберта.

Из Центра ответили:

> «Постарайся выяснить, в какое дело конкретно фон Ортель намерен тебя вовлечь. Иметь в виду, что возможна провокация, поэтому будь очень осторожен, не переусердствуй в готовности услужить…»

Кузнецов вернулся в Ровно. На третий день после памятного разговора, как и было условлено, они встретились с фон Ортелем

в офицерском казино. Эсэсовец был рад встрече.

Но сначала речь между ними пошла не о политике, а о двоюродной сестре Лидии Лисовской – Майе Ми. коте. Эта на первый взгляд легкомысленная красивая девушка уже давно числилась тайным агентом гестапо, где имела кличку «Семнадцать».

> «Майя, – пишут А. Лукин и Т. Гладков, – постоянно общалась со множеством немецких офицеров, чиновников, коммерсантов. Не раз она получала лестные предложения вступить в брак. Популярность этой красавицы привела к тому, что она заинтересовала гестапо. Когда фон Ортель появился в Ровно, агент «Семнадцать» был предоставлен в его распоряжение. Не только для того, чтобы штурмбанфюрер мог проводить с ней свободное время, но и для расширения его возможностей в выполнении тайного задания. Эсэсовец пришел к выводу, что имеет дело с весьма способной девушкой, и постепенно начал обучать ее способам и приемам шпионского ремесла.
>
> В качестве агента гестапо Майя регулярно встречалась с фон Ортелем. Одновременно она была одним из наиболее эффективных советских разведчиков в Ровно. Кузнецов и командование отряда получали от нее подробные донесения о каждой ее встрече с фон Ортелем.
>
> Штурмбанфюрер доверял Микоте больше, чем кому-либо другому… Однажды, будучи немного выпивши, он рассказал Майе, что дважды направлял в советский тыл диверсантов, которые должны были ликвидировать двух немецких генералов, в том числе генерала Зейдлица, взятого в плен в Сталинграде. Зейдлиц, выступая по радио, обвинил Гитлера в том, что он ведет Германию к национальной катастрофе…»

– Ну что же, а теперь вернемся к нашему разговору. Что ты решил? – серьезным тоном спросил фон Ортель обер-лейтенанта Зиберта.

Зиберт предпочел не разыгрывать на сей раз из себя наивного фронтовика, не понимающего роли разведки.

– Я думаю, что для такой деятельности нужно иметь определенные знания и способности.

– У тебя они есть, я в этом убедился лично. Ты любишь хорошо пожить, любишь удовольствия нашей короткой жизни. А что ты скажешь, если фюрер тебя озолотит? А? Запомни: фюрер

одного способного диверсанта ценит выше пятидесяти всяких там вояк или болтунов вроде Розенберга, Геббельса, Коха. Представлять _ – подарит тебе, скажем, Волынь или, того лучше, земли и сады где-нибудь на Средиземном море. Осыплет всеми дарами. Что бы ты на это сказал?

– Я спросил бы: что я за это должен сделать?

– Прежде всего, послушаться меня. А остальное – наполовину сделанное дело.

– Ничего не понимаю.

– От тебя требуется совсем немного, самая малость. Быть храбрым, решительным. Рискнуть жизнью.

– Всего лишь? – Кузнецов рассмеялся. – Ты шутишь, Ортель. Значит, надо всего лишь немного подраться. А с кем и как? На конской голове, сам знаешь, рога не растут.

– Зачем тигру рога, если у него есть острые зубы, – отпарировал фон Ортель.

– Я не из трусов, жизнью рисковал не раз, однако ничего за это не получил, кроме ленточек на грудь за ранения.

– Вопрос заключается в том, где и как рисковать. Сегодня в нашей помощи нуждается фюрер. Да, Пауль, настало время, когда надо помочь фюреру, не забывая при этом, конечно, и себя. Запомни: храбрость вознаграждается тысячекратно. Как сказал Фихте: «Пусть меня оставят все, но не храбрость!»

Зиберт молча слушал. Фон Ортель постепенно входил в экстаз, опьяняясь собственными словами о будущей славе, которая хорошо оплачивается. Он налил себе уже девятую по счету стопку рома, затем встал со стула и, глядя Зиберту прямо в глаза, высокопарно произнес:

– Я готов идти туда, на самый решающий участок фронта!

«Где же находится этот решающий участок? – подумал Кузнецов. – Видимо, в Москве? Или надо где-нибудь выбрасываться с парашютом?»

– За участие в этом деле ты, Зиберт, получишь еще один Железный крест. Нет, мой дорогой, решающий участок не там, где ты думаешь. Туда не надо спускаться на парашюте, а приехать с комфортом, на лимузине и, что особенно важно, в штатском платье.

– Не понимаю. Ты говоришь загадками, Ортель! – в голосе Кузнецова прозвучала ирония. – Где же находится этот «решающий» участок?

– В Тегеране! – с улыбкой сказал фон Ортель.

– В Тегеране? – изумленно спросил Зиберт. – Но ведь Иран – нейтральное государство.

– Так вот, именно здесь соберется в ноябре Большая тройка:

Сталин, Рузвельт и Черчилль. Мы повторим прыжок в Абруццо! Только это будет дальний прыжок! Мы ликвидируем Большую тройку и повернем ход войны. Попытаемся захватить Рузвельта живым, чтобы фюреру легче было сговориться с Америкой, а Сталина и Черчилля уничтожим! Разумеется, об этом не следует болтать, сам понимаешь.

Фон Ортель рассказал, что недавно он был в Берлине, где его принимали лично Мюллер и Шелленберг. От них он получил весьма заманчивое предложение.

Ортель загадочно улыбнулся и сказал:

– Будем щедро вознаграждены, если успешно выполним задание по ликвидации Большой тройки. В Копенгагене готовятся специальные люди, которые несколькими группами полетят в Иран. Аэродромы в Белграде и Софии уже готовы. Это исходные пункты. Теперь ты меня понимаешь?

– Понимаю, – кивнул Зиберт. – Но уверен ли ты, что мне удастся подключиться к этому делу?

– Странный вопрос! А известно ли тебе, кому отводится одна из главных ролей во всей операции?

– Кому же?

– Мне! – Фон Ортель самодовольно усмехнулся и сказал: – По этому поводу надо бы пить шампанское, а не этот ром. Попроси пани Лелу, пускай принесут.

«Самоубийство» фон Ортеля

С фон Ортелем, видимо, произошло что-то серьезное. Возможно, интуиция разведчика в конце концов подсказала ему, что в случае с вербовкой Пауля Зиберта он действовал неоправданно поспешно. Его не могло не насторожить то, что Зиберт не пришел на условленную встречу с ним к Лидии Лисовской. Майя Микота, правда, сообщила фон Ортелю, что Зиберт срочно выехал из Ровно по служебным делам и его не будет в городе два-три дня. На первый взгляд, в этом факте не было ничего странного. Однако Зиберт, видимо, должен был встретиться с фон Ортелем до своего отъезда, принимая во внимание характер и важность последней беседы между ними. Более того, Зиберт не мог не знать, что если у фон Ортеля возникнут хоть малейшие подозрения, он постарается немедленно его уничтожить, так как доверил ему слишком важную тайну. О готовящемся покушении на Большую тройку могли знать только непосредственные участники этой операции.

Но не исключается и иная версия. Многие известные сейчас документы свидетельствуют о том, что фон Ортель не всегда был достаточно аккуратен в сохранении служебной тайны. Во всяком случае, не только Зиберт, но и Майя и Лидия отмечали, что в последнее время их знакомства фон Ортель отличался необычной разговорчивостью. Приведем отрывок из донесения Кузнецова Центру, датированного серединой ноября сорок третьего года:

> «…По сведениям, полученным Лидией Лисовской от фон Ортеля, в Германии создается летающая бомба, внешне похожая на самолет, которая на большой скорости преодолевает расстояние в 400 километров и может производить огромные разрушения».

Это была первая весть о самолетах-снарядах ФАУ-1, полученная одной из разведок союзных государств. Несколькими месяцами позднее гитлеровцы начали бомбардировать этим страшным оружием Лондон и другие английские города.

По словам Майи Микоты, фон Ортель говорил ей, что ему оказана большая честь участвовать в «грандиозном деле, которое всколыхнет весь мир». Однако и Майя не знала, куда неожиданно исчез фон Ортель.

– Однажды, будучи в хорошем расположении духа, он обещал привезти мне персидский ковер. Я подумала, что это или шутка

или же он принесет мне краденый ковер. Он же почему-то предупредил, чтобы я никому не рассказывала о его обещании. Иначе можно лишиться головы.

* * *

Вечером 20 ноября 1943 года Майя Микота сообщила Кузнецову, что, по слухам, фон Ортель якобы покончил с собой в своем кабинете на Дойчештрассе.

Кузнецов не поверил в эту версию, расценив ее как попытку скрыть неожиданный отъезд фон Ортеля из Ровно. Вместе с тем он недоумевал, почему фон Ортель не выполнил своего обещания привлечь его к участию в операции в Тегеране.

В своей книге «Тегеран 1943» Валентин Бережков, работавший во время Тегеранской конференции переводчиком у И. Сталина, подтверждает, что фон Ортель действительно был заместителем у Скорцени, руководившего организацией покушения на Большую тройку.

Заявление президента

София, 24 ноября 1943 года. Глубокая ночь. Прохладно. На пустынный аэродром из-за Балканских гор приземляется большой транспортный самолет без опознавательных знаков. К самолету подъезжает черный «мерседес».

Из самолета спускается невзрачного вида человек, похожий на мелкого банковского чиновника. Но внешность обманчива. Вальтер Шелленберг, начальник VI отдела главного управления имперской безопасности, бригаденфюрер СС – личность известная не только в третьем рейхе, – Шелленберг ведал шпионажем за границей.

Навстречу Шелленбергу идут двое. Они также достаточно известные люди. Один из них – штурмбанфюрер Джулиус Бертольд Шульц, который свою первую важную услугу Гитлеру оказал еще в «ночь длинных ножей», помогая ему избавиться от конкурентов в лице Рэма и Шлайхера. О многом мог бы рассказать и другой человек – оберштурмбанфюрер СС Вилли Мерц.

Под темным крылом самолета дремлют шестеро парашютистов. Это безымянные люди. Свои имена и фамилии они оставили в Копенгагене. Они им больше не понадобятся. Как бы ни завершилась операция – успехом или крахом, эта шестерка назад не вернется. Но они об этом не знают. Возглавляет этих смертников фон Ортель.

Фон Ортель докладывает Шелленбергу о готовности группы к вылету. Теперь на него возложено руководство операцией по ликвидации Большой тройки. Одновременно с назначением ему было присвоено воинское звание «полковник».

Шелленберг разрешает вылет. Фон Ортель направляется к самолету. За плечами у него – парашют.

Самолет выруливает на взлетную полосу.

Фон Ортель удобно, насколько это возможно, расположился в грузовом отсеке самолета. На коленях у него развернута карта. Красным карандашом на карте обведен иранский город Шираз, конечный пункт маршрута.

В это время черный «мерседес» неслышно мчится к Софии. Утонув в мягком сиденье, бригаденфюрер Шелленберг пишет телеграмму:

> «Берлин, Принц Альбрехтштрассе, 8, секретно, государственной важности, рейхсфюреру СС Гиммлеру. Операция «Дальний прыжок» началась».

Отто Скорцени остался на белградском аэродроме. В последний момент фашистское командование решило назначить руководителем операции фон Ортеля, исходя из того, что Скорцени слишком известен и своей внешностью и своими делами. Были опасения, что вражеские разведки установили наблюдение за Скорцени и следят за каждым его шагом.

В то время Тегеран кишмя кишел беженцами из разоренной войной Европы. В своем большинстве это были состоятельные люди, стремившиеся избавиться от ограничений военного времени, а главное, от опасностей войны.

«Среди беженцев было и множество гитлеровских агентов, – пишет В. Бережков в книге «Тегеран 1943». – Широкие возможности для них в Иране создавались не только своеобразными условиями этой страны, но и тем покровительством, которое в последние годы оказывал немцам старый Реза-шах, открыто симпатизировавший Гитлеру. Правительство шаха создало для немецких коммерсантов и предпринимателей весьма благоприятную обстановку, которой в полной мере воспользовалась гитлеровская разведка».

Иран играл в войне важную роль, так как через него поступала значительная часть англо-американской помощи Советскому Союзу, несшему на своих плечах основное бремя войны. С вводом советских войск на основе советско-иранского договора в северную часть Ирана, включая Тегеран, Реза-шах отрекся от престола и иммигрировал в Южную Америку. Благодаря этому создались условия для дружественных отношений между Ираном и участниками антигитлеровской коалиции.

Однако гитлеровская разведка не собиралась сокращать свои тайные операции в Иране. Ее агентура продолжала действовать в Иране, расширять шпионскую сеть и влияние. Гитлеровской разведкой, как пишет В. Бережков, руководил опытный офицер абвера Шульце-Хольтус, который формально числился германским генеральным консулом в Тавризе.

Когда правительство Ирана приняло решение о высылке из страны представителей гитлеровской Германии, Шульце-Хольтус не репатриировался вместе с другими немецкими дипломатами. Он скрылся и на протяжении нескольких лет жил на нелегальном положении. Отрастив бороду, покрасив ее хной и напялив одежду муллы, Шульце-Хольтус рыскал по стране, вербуя агентов в среде местных реакционеров.

Летом 1943 года, когда Шульце-Хольтус обосновался у кашкайских племен в районе Исфахана, в помощь ему прибыла группа разведчиков из Германии. Спустившись на парашютах, они

привезли с собой мощный радиопередатчик. Это были люди из специальной школы Отто Скорцени в Копенгагене. Кроме радиопередатчика группа привезла большое количество оружия, взрывчатку, золотые слитки и деньги для подкупа местной агентуры.

Шульце-Хольтус поддерживал контакт с тайным гестаповским резидентом Майером, действовавшим в окрестностях Тегерана. Уйдя в подполье одновременно с Шульце-Хольтусом, Майер в течение трех месяцев скрывался на армянском кладбище в Тегеране; преобразился в иранского батрака и работал могильщиком.

Майер создал в Тегеране и окрестностях целую шпионскую сеть. Он подстрекал кочевые племена Ирана к восстаниям против центрального правительства, организовывал диверсии и акты саботажа. Он поддерживал постоянную радиосвязь с Берлином.

Именно к Майеру направлялась шестерка террористов, возглавляемых полковником фон Ортелем. Через день в Иран отбыла вторая группа, составленная из опытных работников абвера и гестапо. Она следовала к Шульце-Хольтусу, обосновавшемуся в ста километрах восточнее Тегерана. Эту группу возглавлял штурмбанфюрер СС Вилли Мерц, который, по свидетельству историков, был крайне зол на Шелленберга и Скорцени за то, что они не доверили ему общее руководство операцией.

В течение трех суток в Иран прибыло пять диверсионных групп. Все они подчинялись полковнику фон Ортелю.

Гитлеровцы разработали детальный план операции. Как уже отмечалось, они планировали убить Сталина и Черчилля и захватить Рузвельта. Убийство Рузвельта допускалось лишь в крайнем случае. В Берлине полагали, что успешное осуществление плана покушения, независимо от того, какой вариант окажется удачным, изменит ход исторических событий в пользу Германии.

Что же делала в это время советская сторона, чтобы сорвать планы гитлеровцев в Тегеране?

…В кабинете, располагавшемся в большом сером здании в центре Москвы, молодой капитан положил на стол генерала-чекиста только что дешифрованную телеграмму от Николая Кузнецова. Генерал встал со стула, набрал номер шифра и открыл тяжелую дверцу сейфа, вмонтированного в стене. Оттуда извлек тонкую папку и вынул из нее две страницы, которые внимательно прочитал. Из скупых строчек радиограмм вырисовывалась цепь событий, происшедших в последние дни.

– Евгений Спиридонович, – негромким голосом обратился

генерал к капитану, – попрошу вас до 10 часов утра установить радиосвязь с майором Григорьевым или капитаном Довженко.

Владимир Григорьев, как писал журнал «Спутник», командовал специальной бригадой чекистов, которая 21 ноября на транспортных самолетах была переброшена в Тегеран с задачей сорвать планы нацистов и ликвидировать группу полковника фон Ортеля.

Необычные события разыгрались в Тегеране 26 ноября (за день до прибытия Большой тройки в Иран). Ночью в разных районах города слышалась стрельба из винтовок, автоматов и пулеметов. Временами раздавались одиночные пистолетные выстрелы. Правоверные мусульмане недоуменно покачивали седыми бородами, – неспокойным городом стал их Тегеран.

В течение этой ночи шпионской сети гитлеровцев в Тегеране был нанесен тяжелый удар. Было уничтожено девять засад на улице, по которой утром следующего дня должны были проследовать лидеры антигитлеровской коалиции. Согласно архивам гестапо, в эту ночь был убит и руководитель операции «Дальний прыжок» новоиспеченный полковник фон Ортель.

После войны Отто Скорцени нашел убежище во франкистской Испании. В 1964 году в беседе с корреспондентом парижской газеты «Экспресс» он заявил: «Из всех забавных историй, которые распространяются про меня, самая занятная та, что придумали историки. Они утверждают, будто я должен был выкрасть Рузвельта во время Ялтинской конференции. Это чушь. Гитлер действительно поручал мне похитить американского президента. Но речь шла о Тегеранской конференции, а не о Ялтинской. В Тегеране же нам утерли нос… По ряду причин операция сорвалась».

На процессе немецких военных преступников в Нюрнберге начальник штаба верховного главнокомандования генерал Йодль заявил, что с лета 1942 года «Советы наперед знали о всех предстоящих крупных операциях вермахта и германской разведки». На том же процессе генерал-фельдмаршал Кейтель говорил: «Гитлер приходил в ярость, терял голову из-за той легкости, с какой русские раскрывали наши строжайшие военные тайны, такие как операция «Цитадель», то есть Курская битва, и операция «Дальний прыжок».

Главарей третьего рейха постоянно преследовала мысль о предательстве в верхах вермахта, абвера и гестапо. В документах немецкой контрразведки человек, раскрывший планы Курской битвы и покушения в Тегеране, человек, лично уничтоживший и похитивший ряд немецких генералов и министров, проходил под шифром: «Враг третьего рейха номер один». «В то время мало кто

знал, – пишет Валентин Бережков, – что важные сведения о готовившейся диверсии против глав трех держав поступили также из далеких ровенских лесов, где в тылу врага действовала специальная группа под командованием опытных чекистов Дмитрия Медведева и Александра Лукина. В эту группу входил и легендарный разведчик Николай Кузнецов».

Как же Большая тройка восприняла весть о подготовке на них покушения и в какой мере это обстоятельство повлияло на работу Тегеранской конференции?

Самолет президента Рузвельта С-54, преодолев 1310 миль от Каира, приземлился на Тегеранском аэродроме 27 ноября. Вместе с президентом прибыла группа советников и высших военных. Рузвельт с аэродрома проследовал в американское посольство, находившееся на окраине Тегерана.

Незадолго до прилета Рузвельта в Тегеран прибыли Сталин и Черчилль в сопровождении министров, советников, маршалов и генералов.

На следующее утро, в воскресенье 28 ноября, к Рузвельту в комнату пришел взволнованный Аверелл Гарриман, американский посол в Москве, в сопровождении начальника охраны президента Майкла Рейли.

Гарриман передал президенту предупреждение русских о том, что Тегеран наводнен немецкой агентурой. Предпринятые против нее превентивные меры оказались весьма эффективными, но русские считают, что «неприятные инциденты» все же возможны, в том числе и самые нежелательные (Гарриман намеренно избегал слов «покушение» или «похищение»),

– Русские предлагают вам перейти в одно из помещений на территории их посольства, где они гарантируют вам полную безопасность, – завершил свое сообщение Гарриман.

– А что вы на это скажете, Майкл? – обратился Рузвельт к начальнику охраны.

Майкл с весьма серьезным видом ответил, что предложение русских следует принять.

В три часа дня президент и его ближайшее окружение переселились в советское посольство, расположенное в центре Тегерана. Остальные члены американской делегации переехали в Кэмп-парк, где размещался штаб американских войск, находящихся в районе Персидского залива.

Английское посольство, в котором остановился Черчилль, находилось вблизи посольства СССР. Его охрану обеспечивали подразделения Красной Армии.

Тегеранская конференция продолжалась четыре дня. На ней были приняты исторические решения о дальнейших действиях в

войне против Германии, Японии и их сателлитов.

В конце декабря в отряд Медведева из Москвы прибыла почта. Дмитрий Медведев с большим удовольствием показал Николаю Кузнецову «Правду» от 19 декабря 1943 года, на первой странице которой было напечатано следующее сообщение:

> «Лондон, 17 декабря (ТАСС).
>
> Корреспондент агентства Рейтер передает из Вашингтона о пресс-конференции президента Рузвельта. Президент сообщил, что в Тегеране он останавливался в русском посольстве, а не в американском, потому что Сталину стало известно о германском заговоре.
>
> Маршал Сталин, добавил Рузвельт, сообщил, что, возможно, будет организовано покушение на всех участников конференции. Он просил президента Рузвельта остановиться в советском посольстве, чтобы избежать необходимости поездок по городу. Президент заявил, что вокруг Тегерана находилась, возможно, сотня германских шпионов. Для немцев было бы довольно выгодным делом, добавил Рузвельт, если бы они могли разделаться с маршалом Сталиным, Черчиллем и со мной в то время, когда мы проезжали по улицам Тегерана».

– Осталась Майя Микота без персидского ковра, – смеясь, прокомментировал Кузнецов сообщение агентства Рейтер. Сердце его радостно билось от приятной вести.

Президиум Верховного Совета СССР указом от 26 декабря 1943 года наградил Николая Кузнецова орденом Ленина.

Средь бела дня

Вернемся к событиям, происходившим в Ровно примерно в то же время, что и «случай с фон Ортелем».

20 апреля 1943 года Валя Довгер и Кузнецов увидели на трибуне во время торжеств по случаю дня рождения фюрера генерала Германа Кнута. Этот толстый генерал был важной персоной. Он ведал «Пакетаукционом», немецким военным учреждением, занимавшимся изъятием богатств в оккупированных районах Советского Союза. Грабитель – такова была главная профессия Германа Кнута.

Правление «Пакетаукциона» находилось на улице Легионерской, недалеко от железнодорожного вокзала. В пять часов вечера 10 ноября 1943 года черный «опель» остановился недалеко от здания канцелярии генерала Кнута. В машине находились одетые в немецкую роенную форму Николай Кузнецов, голландец Хуберт Глаас, комсомолец Иван Корицкий и Николай Струтинский. Вооружены они были автоматами.

Ждали они недолго. Ровно в 6 часов Кнут вышел из здания и направился к своему «мерседесу». Корицкий открыл дверцу «опеля», и когда машина генерала приблизилась, он и Кузнецов открыли по ней огонь из автоматов, а Хуберт Глаас бросил в нее гранату. В «мерседесе» были убиты генерал Кнут, его адъютант и шофер.

Во время покушения Пауль Зиберт был уже в новом звании «гауптман», так как загадочного обер-лейтенанта повсюду разыскивали.

Через несколько минут после покушения на Кнута в городе завыли сирены, улицы были перекрыты патрулями.

Дорогу «опелю», в котором находился гауптман Зиберт со своей группой, решительно преградил патрульный. Случилось это вблизи штаба генерала Китцингера.

– Ваши документы!

Гауптман Зиберт предъявил документ на себя и на автомобиль. Их пропустили. Но стоило им доехать до следующего квартала, как их снова остановили.

– Стой! Предъявите документы!

– Но позвольте, у нас только что проверяли!

– Не удивляйтесь, гауптман! Сейчас проверяют на каждом шагу. Ищем бандитов в немецкой военной форме, которые убили генерала Кнута, – объяснил патрульный, возвращая документы Кузнецову. – Можете ехать! – разрешил он.

– Как бы нас не накрыли, – вглядываясь вперед, произнес

Кузнецов. – Коля, как только доедем до следующего перекрестка, сверни направо и сразу останови, – сказал он Струтинскому.

– Только не там, – запротестовал Струтинский. – На перекрестке наверняка стоит патруль.

– Я думаю, что там они еще не успели выставить страну. Не волнуйся, Коля, все будет в порядке.

Струтинский выполнил команду Кузнецова и вскоре остановил машину на указанном месте.

– Вы, трое, наблюдайте за главной улицей, а я пойду «помогать» немцам, – сказал Кузнецов, выходя из машины.

Через несколько минут гауптман Зиберт уже останавливал машину, следовавшую через перекресток.

– Стой! Предъявите документы!

Он проверил один автомобиль и пропустил его. Затем остановил вторую машину. – Стой! Ваши документы!

– Господин гауптман, у меня уже три раза проверяли! Что происходит сегодня? Почему ревут сирены? Или русские прорвались в город?

– Извините, но сегодня проверки будут на каждом шагу. Мы ищем русских бандитов, одетых в немецкую военную форму.

Приближался третий автомобиль. Это был черный «мерседес», набитый гестаповцами. Шофер «мерседеса» знаком показал Зиберту, чтобы он его не останавливал, но гауптман энергичным подъемом руки приказал водителю затормозить.

– Стой! Ваши документы! – категоричным тоном потребовал Кузнецов.

– Не беспокойтесь, господин гауптман, – произнес лейтенант, показывая гестаповский жетон. – Мы тоже ловим бандитов, одетых в немецкую форму. – И язвительно добавил:

– Пуганая ворона куста боится. Поехали!

В течение двух часов Кузнецов занимался проверкой документов, пока Струтинский не сообщил ему о том, что на других улицах патрули сняты. Однако выезд из города все еще был закрыт.

– Поезжай на конспиративную базу, – сказал Кузнецов Струтинскому. – Мы здесь расходимся. Я иду к Лисовской. На два дня всем замереть, – объявил Кузнецов.

Имперского советника финансов Геля фашисты похоронили с помпой – с венком, с ораторами, с некрологами в газетах. Большой шум был поднят и в связи с покушением на Даргеля. О смерти же Кнута не было написано ни слова. Немцы решили замолчать этот факт, так как, видимо, пришли к выводу, что это будет лучше для их престижа. Иначе какая же Германия «непобедимая сила», если ее министров и генералов уничтожают

средь бела дня.

Вскоре после ликвидации генерала Кнута в оккупированных районах Советского Союза и Польши родилась легенда о необычном человеке богатырской силы, который ходит по городам и селам и средь бела дня уничтожает фашистских министров и генералов. В народе говорили, вспоминает Дмитрий Медведев, что появился народный мститель, который наказывает оккупантов за их преступления, мстит за горе и слезы миллионов людей.

Николай Кузнецов стал легендой еще при жизни. В его личности народ персонифицировал дух геройства, исторически восходящий к былинным подвигам Ильи Муромца, развившийся в славных делах Пожарского, Кутузова, Чапаева и Пархоменко, а в годы второй мировой войны олицетворенный героями нового поколения – Николаем Гастелло, Зоей Космодемьянской, героями-краснодонцами – Олегом Кошевым и Сергеем Тюлениным.

Смерть «Мастера смерти»

У Лидии Лисовской появился новый поклонник. И не какой-нибудь заштатный офицерик, а известный генерал фон Ильген, командующий «Остентруппен» – «особыми карательными войсками».

Карательные войска преимущественно состояли из немецких дивизий и ряда специальных и вспомогательных формирований. Задачи этих войск состояли в том, чтобы бороться с возможными десантами Красной Армии и подавлять партизанское движение на всех оккупированных территориях Советского Союза. Штаб генерала фон Ильгена находился в Ровно.

Фон Ильген потеснил на второй план всех поклонников Лисовской. Он предложил ей оставить работу в ресторане, недостойную, по его мнению, такой женщины, и стать экономкой в его резиденции.

Совершенно неожиданно, отмечает А. Лукин, желание фон Ильгена встретило поддержку в ровенском отделении гестапо. Лидия числилась там агентом, и гестапо, подозревавшее всех и вся, не упустило возможности заслать «своего» человека к командующему карательными войсками.

Фон Ильген жил на Млынарской улице и имел обыкновение проводить у себя дома служебные совещания в узком кругу некоторых из своих подчиненных. Виллу фон Ильгена посещали и гости высокого ранга. Так, в ноябре 1943 года Лидии пришлось выполнять роль хозяйки на ужине, на котором присутствовали Кейтель, фон Манштейн, Прютцман, Пиппер, Кернер и Бах-Залевски.

Лисовская не была предупреждена, что будет лицезреть таких высокопоставленных чинов вермахта, и поэтому не смогла предупредить Кузнецова об этом сборище нацистской верхушки. Правда, в тот вечер пробраться на виллу фон Ильгена было практически невозможно – на ее охрану был брошен целый батальон гестаповцев.

Тем не менее уже на следующее утро Москва имела подробную информацию о вечере у фон Ильгена. Центру даже стало известно, что Прютцман дал Кейтелю «честное солдатское слово» к концу 1943 года покончить с партизанами на Украине и в Белоруссии.

Обергруппенфюрер СС Ганс Адольф Прютцман занимал пост штаб-полицайфюрера Украины, который считался одним из самых важных в структуре оккупационной власти в Ровно. Это был тот самый Прютцман, которого Гитлер в последние месяцы

войны назначил руководителем тайной службы, занимавшейся организацией террористической деятельности в тылу противника.

Жестокий полицайфюрер Украины проживал в Берлине, а в Ровно бывал наездами в сопровождении огромной свиты, следовавшей в десятках лимузинов. Советские разведчики держали квартиру Прютцмана в Ровно под постоянным наблюдением. От Вали Довгер и Лидии Лисовской они узнали, что в конце октября в квартире Прютцмана состоялось важное совещание, в котором, кроме самого Прютцмана, участвовали командующий войсками армейского тыла генерал авиации Китцингер, его заместитель генерал Мелцер, командующий «Остенгруппен» генерал Ильген и впервые прибывший в Ровно полковник войск СС Пиппер.

Этот последний был известен как организатор карательных экспедиций в оккупированных странах Европы. За бесчисленные преступления и неуемную жестокость он получил кличку «майстертод» – «мастер смерти», а поляки называли Пиппера «щербатым тигром». Это прозвище закрепилось за ним после инцидента в Кракове, где камнем, брошенным одним из поляков, Пипперу раскрошило три передних зуба.

Совещание проходило под руководством обергруппенфюрера СС Эриха фон Бах-Залевски, специально прибывшего из Берлина. Бах-Залевски был ответственным за подавление партизанского движения – «шеф дер банденкампф фербанде» («руководитель борьбы с бандитами»). Позднее Бах-Залевски потопит в крови восстание в Варшаве.

Сведений о содержании этого совещания разведчикам достать не удалось. Но буквально через несколько дней в Ровно состоялось новое совещание, которое уже на своем уровне проводил генерал фон Ильген.

Лидия Лисовская, будучи за хозяйку, несколько раз заходила в комнату, где проходило совещание, угощавшая его участников кофе и напитками. Ей удалось установить, что фашистское командование планирует начать 8 ноября 1943 года крупную операцию против партизан в ровенских и волынских лесах с целью их полного уничтожения. Общее руководство операцией будут осуществлять генерал Бах-Залевски и полковник Пиппер. В первую очередь планировалось уничтожить отряд Медведева.

Лидии не удалось в тот вечер оповестить Кузнецова или Гнидюка о новой опасности, нависшей над партизанами, так как она оказалась фактически под домашним арестом – выходить из дома ей некоторое время не разрешали.

К счастью, о предстоящей карательной операции немцев против партизан стало известно также Кузнецову (от офицера

фельджандармерии Ришарда) и Вале Довгер, которой рассказал об этом ее шеф доктор Кригель, оказавшийся большим болтуном.

– Скоро, фрейлейн Валя, вы получите удовлетворение за гибель своего отца, – заявил Вале доктор Кригель. – В полночь 8 ноября начнется крупная карательная экспедиция «Охота на медведя» по уничтожению партизан в Цуманском лесу. На этот раз промашки не будет. Экспедицией лично руководит Пиппер.

Доктор Кригель полностью доверял Вале, исходя из того, что она была принята на работу в рейхсканцелярию по личному распоряжению гауляйтера Коха.

Крупная фашистская карательная акция против партизан началась одновременно в нескольких районах. Утром 8 ноября начали наступательные действия три немецкие дивизии, а к 11 ноября число немецких дивизий участвовавших в операции, достигло девяти. Однако партизанские отряды под командованием легендарного Ковпака искусными маневрами избегали фронтальных стычек с противником, и постепенно немецкие войска все больше рассредоточивались, изнуряя себя бесконечны, ми переходами. А партизаны наносили по фашистам короткие стремительные удары, заставая их врасплох.

На самом деле, в течение первых десяти дней карательной операции части генерала Бах-Залевски не имели ни одного серьезного столкновения с партизанами. Обозленные и деморализованные, они сжигали деревни и села, встречавшиеся на их пути, хотя селения были пустые, – население заблаговременно ушло в леса. Но, когда немцы решили, что партизаны изгнаны с этой территории, случилось неожиданное: три дивизии генерала Бах-Залевски оказались в окружении у партизан. Отряды Ковпака и пришедшие к ним на помощь многочисленные партизанские части из Белоруссии под командованием Сабурова стремительным ударом разбили немецкую карательную экспедицию. Главный удар партизаны нанесли ночью, когда не могла действовать немецкая авиация. Остатки фашистских войск разбежались кто куда. Партизаны долго еще находили в лесах перепуганных до смерти, полузамерзших вражеских солдат. Часто они были полураздетыми и босыми. Ноги они обвязывали опавшими листьями с помощью веревок или лыка. Сам командующий карательной экспедицией спасся бегством, ему удалось добраться до ближайшего немецкого гарнизона.

Еще более тяжелое поражение потерпел «мастер смерти» полковник Пиппер. Его задача состояла в том, чтобы разгромить и уничтожить партизанский отряд «Победители». К участию в операции Пиппер привлек части дивизии СС «Галичина», 1-й и 2-й

Берлинские полицейские полки, – всего две с половиной тысячи солдат, в то время как численность отряда «Победители» не превышала семисот пятидесяти человек.

Фашисты применили танки, артиллерию и авиацию. «Это был самый тяжелый из девяноста двух боев, проведенных отрядом Медведева.

Партизаны применили тактику маневрирования. Они избегали лобового противоборства и наносили по противнику неожиданные стремительные удары.

Участники этих боев и историки – специалисты по партизанскому движению на Украине – отмечают, что в этих боях партизаны добились выдающихся успехов, разгромив численно превосходящего врага. Гитлеровцы были разбиты наголову. Они бежали с поля боя, бросая боевую технику и раненых. Штаб Пиппера был разгромлен, а сам он убит. Захвачено сто двадцать повозок с оружием, три пушки, три миномета, много автомахов и боеприпасов.

После этого боя отряд «Победители» передислоцировался на новое место.

Кузнецов ежедневно сообщал о приказах, поступавших генералу Пипперу из Ровно, и о мерах, принимавшихся Пиппером в ходе операции, о которых тот докладывал фон Ильгену. И сегодня еще не совсем ясно, каким образом Кузнецову удавалось получать эти данные. Скорее всего он получал их или лично от немецких офицеров, или через сестер Лидию и Майю.

Тем временем, пока немцы не пришли в себя от поражения в Цуманском лесу, было решено нанести им еще несколько ударов в «украинской столице». Задача состояла в том, чтобы докопаться до планов немцев по использованию карательных войск генерала фон Ильгена против войск Красной Армии и партизанских отрядов. Центр также нуждался в более детальной информации о содержании последних совещаний гитлеровцев в Ровно.

Кузнецов предложил похитить фон Ильгена, исходя из того, что, как он докладывал в Центр, «надежнее иметь дело с командующим «Остентруппен», чем с сомнительными бумагами, скрытыми в массивных сейфах немецких штабов».

Центр посчитал предложение Кузнецова рискованным. Но Кузнецов настаивал и в конце концов получил разрешение. Однако в Центре полагали, что Кузнецов все же откажется от осуществления плана похищения фон Ильгена под давлением объективных трудностей.

Но Кузнецов не отступил. В группу захвата он включил, кроме себя, Лидию Лисовскую, Николая Струтинского, Яна Каминского и Мечислава Стефаньского.

Похищение генерала фон Ильгена

Мечислав Стефаньский был новым человеком в группе Кузнецова. В сентябре 1939 года, находясь на службе в армии Польши, попал в плен к немцам. Но из лагеря для военнопленных ему вскоре удалось бежать. Он нелегально перешел советскую границу и добровольно вступил в ряды Красной Армии, где ему вскоре предложили работать в советской разведке. Стефаньского вновь посылают в Польшу, снабдив паролем для связи: «Гость из Варшавы».

В течение июня 1941 года Стефаньский информировал Центр о передвижениях немецких войск на границе с Советским Союзом, о районах их сосредоточения, о складах оружия, боеприпасов, горючего.

Вечером 21 июня 1941 года Стефаньский решил попытаться перейти через Буг на советский берег. Сделать это оказалось непросто. Вдоль берега реки буквально через каждые двадцать-тридцать метров располагались сторожевые посты. Стефаньский с большим трудом подлез под колючую проволоку и до одиннадцати часов вечера лежал, притаившись в кустах. Набравшись решимости, он вошел в реку. Было неглубоко, но его, кажется, заметили. Прозвучало несколько выстрелов в направлении советского берега. Темная ночь помогла ему, однако, благополучно достичь советской территории.

«Гость из Варшавы!» – ответил Стефаньский пограничникам, встретившим его на берегу.

В штабе Стефаньский доложил, что, по его мнению, немцы должны вот-вот перейти границу. Он не ошибся в своих предположениях – под утро фашистская Германия напала на Советский Союз. Стефаньский поселился в Ровно и остался в оккупации не случайно. Так ему было приказано. Долгое время он действовал в одиночку, а в ноябре 1943 года Центр решил связать его с группой Кузнецова.

Утром 15 ноября в квартире Стефаньского собрались он, Кузнецов, Струтинский и Ян Каминский. Они обсудили последние детали смелой операции.

По заданию Кузнецова Валя Довгер, Лидия Лисовская и Майя Микота составили подробное описание распорядка дня и образа жизни генерала фон Ильгена.

Командующий «Остентруппен», как и генерал Даргель, любил обедать дома, в одиночку или в обществе своей домоправительницы Лидии Лисовской. Правда, во время обеда в квартире находились оба генеральских адъютанта и посыльный.

До шести часов вечера охрану виллы нес один часовой, а на ночь выделялось по три часовых. Из этого следовало, что операцию следовало провести в дневное время. Кузнецов решил назначить похищение генерала на середину дня, когда генерал обычно обедал.

Так случилось, что в то время вся прислуга генерала, оба адъютанта, посыльный и еще четыре солдата из числа охраны, находились в отъезде. Они повезли в Германию награбленное фон Ильгеном имущество – двадцать больших чемоданов. На горизонте маячили трудные времена, и фон Ильген хотел надежнее упрятать награбленное имущество, особенно драгоценности.

Места отсутствовавших «чистокровных арийцев» временно заменяли солдаты из «казаков» и два унтер-офицера из числа фольксдойче, немецкое происхождение которых было сомнительным. У обоих отцы были украинцы, а матери полунемки.

Фон Ильген пребывал в хорошем расположении духа, несмотря на то, что дела на фронте шли неважно, а операция против партизан провалилась. Дело было в том, что генерал-фельдмаршал Кейтель обещал произвести его в генерал-полковники.

Лидия сообщила, что в период с 10 по 17 ноября в обеденное время в доме никого не будет, кроме нее и временного денщика, а наружную охрану будет нести еще один солдат из «казаков».

Кузнецов решил провести операцию 15 ноября. В 12 часов дня он, Струтинский, Стефаньский и Каминский сели в длинный серый «адлер», который был «позаимствован» в гараже гебитскомиссариата и искусно перекрашен Василием Буримом и Григорием Пономаренко.

Жители Ровно редко появлялись на Млынарской улице, так как на ней преимущественно проживали немцы – военные и штатские. Это осиное гнездо люди старались обходить стороной.

Одноэтажная вилла фон Ильгена находилась в небольшом саду. Под окнами дома расхаживал часовой, ожидавший смену. Он не проявил никакого беспокойства, увидев, что по улице едет автомобиль с офицерами.

Кузнецов, не обращая внимания на часового, устремил взгляд на крайнее левое окно виллы. Штора на окне была опущена. Это был сигнал. Лидия сообщала, что операцию следует отложить.

– Поезжай прямо, – напряженно произнес Кузнецов, обращаясь к сидевшему за рулем Струтинскому, и серый «адлер» продолжил свой путь.

Перед небольшим перекрестком Струтинский остановил

машину, поднял капот и начал копаться в моторе. Это было условленное место встречи с Майей Микотой на случай возникновения непредвиденных обстоятельств.

– Не беспокойтесь, ничего страшного не произошло, – сообщила Майя, проходя мимо автомобиля. – Генерал передал по телефону, что задерживается на службе, но обязательно будет дома к половине пятого. Все остальное остается без изменений.

В 16 часов 30 минут «адлер» вновь появился на Млынарской улице. На сей раз штора на крайнем левом окне была поднята, что означало, что все в порядке. Кузнецов вздохнул с облегчением. Он обрадовался бы еще более, если бы знал, что избежал встречи, которая могла бы сорвать операцию. За несколько минут до появления машины Кузнецова у виллы фон Ильгена из подъезда соседнего дома вышел генерал Кернер. Вполне естественно предположить, что Кернера и его адъютанта могла заинтересовать машина Кузнецова.

– Герр генерал ист цу хаузе?[15] – мимоходом спросил Кузнецов часового, замершего по стойке «смирно».

– Герр офицер, я плохо понимаю по-немецки.

– Я прибыл из Житомира со срочным поручением для генерала фон Ильгена. – Гауптман Зиберт, не ожидая согласия часового, решительно направился к двери в сопровождении двух офицеров и солдата.

Струтинский оставил мотор автомобиля работающим, чтобы потом не терять ни секунды.

В холле виллы навстречу гауптману поспешил временный денщик фон Ильгена.

– Господин гауптман, его превосходительства нет дома. Хотите его подождать или передадите поручение мне? – на неуверенном немецком языке начал объясняться денщик и вдруг осекся, почувствовав, как ему в грудьуперся ствол пистолета.

– Ни слова! – приказал Кузнецов по-русски. – Я советский партизан, ясно? Хочешь оставаться в живых – помогай. Нет – пеняй на себя.

Денщик опешил: немецкий гауптман… партизан! Дрожа и стуча от испуга зубами, он бормотал:

– Приказывайте, господин, товарищ офиц… товарищ партизан. Да я зараз с вами… Мы же мобилизованные, поневоле служим…

Денщика обыскали. Оружия при нем не оказалось. Его втолкнули в гостиную и приказали сидеть смирно.

Из соседней комнаты торопливо вышли Лидия и Майя и вопросительно посмотрели на Кузнецова.

– Пока все идет как надо! – он кивнул им головой и вышел на

лестницу, чтобы позвать в дом часового. Часовой, пишут А. Лукин и Т. Гладков, услышав обращенное к нему на ломаном русском языке приказание, попытался было воспротивиться, заявил, что устав не разрешает ему покинуть пост. Тогда, повысив голос, Кузнецов повторил приказание. Часовой на сей раз подчинился и направился в дом. Прежде чем он успел сообразить, что происходит, его разоружили.

В это время неожиданно зазвонил телефон. Кузнецов вздрогнул. «Что делать?» Затем решительно повернулся к денщику и приказал:

– Сними трубку и ответь как надо! Если скажешь лишнее слово – поплатишься головой!

На другом конце провода оказался генерал Кернер. Он интересовался, нет ли на вилле Майи Микоты.

– Никак нет, сегодня она не приходила, – ответил денщик на вопрос Кернера.

Разведчики произвели беглый осмотр виллы. Каминский ловко выломал замки письменного стола и вынул ящики. Из них извлекли различные служебные бумаги, копии личных дел офицеров, недавно прибывших в распоряжение фон Ильгена, военные карты, записные книжки, фотографии, письма, протоколы допросов…

Обязанности часового взял на себя Струтинский. Облачившись в шинель власовца и вооружившись его винтовкой, он неторопливо расхаживал вдоль фасада виллы.

События развивались быстро. Лидия и Майя тем временем пытались воздействовать на денщика и часового:

– Для вас это последняя возможность смыть с себя пятно позора! – предупредила Майя. – Тоже мне фрицы выискались! Да как вам не стыдно быть холуями у фашистских генералов, по приказам которых убивают ваших матерей и сестер, грабят нашу землю. Или вы не знаете, что наши уже в Киеве?

– Мы насильно мобилизованные, – оправдывался часовой. – Мы готовы сделать все, что вы хотите. Прикажите только!

Денщик, в свою очередь, пытался доказать, что документы о своем немецком происхождении он сфабриковал, чтобы избежать отправки в Германию.

– Опозорил я и семью, и деревню, и себя, – сетовал часовой. – Стреляйте меня на месте, я это заслужил… А вы знаете, – вдруг обратился он к Кузнецову, – может произойти неприятность. С минуты на минуту должны прийти сюда, чтобы сменить меня. Да и генерал знает меня в лицо. Разрешите мне снова заступить на пост. Не бойтесь, вторично я предателем не стану.

Кузнецов подумал и согласился. Риск, конечно, был велик, но

другого выхода не было. Часовой сменил Струтинского, но его винтовку, на всякий случай, разрядили. Кроме того, Струтинский из засады наблюдал каждый шаг часового.

Примерно в шесть часов пятнадцать минут у виллы остановился черный «мерседес», из которого вышел генерал фон Ильген. Разведчики заняли свои места. Наступил кульминационный момент операции.

Миновав часового, отдавшего ему честь, фон Ильген спокойно поднялся по ступенькам лестницы и вошел в прихожую. Там его ожидала Майя, которая сделала ему книксен и помогла снять шинель. Следом за ней в прихожей появилась Лидия. К удивлению фон Ильгена, она прильнула к его плечу и стала благодарить за подарок, который он сделал ей на днях.

Генерал был польщен. Он уже намеревался ответить комплиментом на любезность женщин, как перед ним неожиданно возник незнакомый офицер с пистолетом в руке.

– Здравствуйте, генерал! – сказал Кузнецов опешившему фон Ильгену. – Кажется, вы изъявляли желание встретиться с Медведевым? Я готов проводить вас к нему, честь имею!

– Кто вы такой? – гневно крикнул фон Ильген и бросился на Кузнецова.

Завязалась рукопашная схватка. На помощь Кузнецову пришли Каминский и Струтинский. Генерал отличался большой физической силой и хорошо владел приемами самообороны. Страх за свою жизнь и гнев, что он попался так глупо в собственном доме, умножали его силы. Кузнецов уже был готов применить орудие, но в это время подскочил денщик и ударом ноги сбил фон Ильгена. Генерал рухнул на пол, на него навалились сразу трое и связали.

– Если не прекратите сопротивление, пристрелю! – пригрозил Кузнецов и засунул ему в рот носовой платок.

Фон Ильген выпучил глаза и затих.

Теперь надо было спешить. Каминский и Стефаньский погрузили в машину несколько генеральских сумок и чемоданов с документами и драгоценностями. Кузнецов заставил денщика написать записку и оставить ее на столе. В записке говорилось: «Спасибо за кашу. Ухожу к партизанам. Беру с собой генерала. Смерть немецким оккупантам! Яков Мясников, бывший Якоб Мясницки». Этим шагом Кузнецов хотел ввести в заблуждение гестапо.

Кузнецов вышел из виллы последним, поддерживая под локоть фон Ильгена, руки которого были связаны за спиной.

– Скорее, сейчас смена придет! – нервозно поторапливал Кузнецова часовой.

Фон Ильген знал русский язык и понял смысл слов часового. У самой машины он резко повернулся, выплюнул изо рта платок и заорал:

– Хильфе! Хильфе![16]

Генерала снова усмирили и затолкали в машину. Каминский набросил ему на голову шинель.

– Погоня! Немцы! – воскликнул Стефаньский, увидев четырех немецких офицеров, приближавшихся к вилле.

«Кто они? – пронеслось в мозгу Кузнецова. – Случайные прохожие или спешат на помощь, заслышав крик?» Но и на сей раз Кузнецов проявил фантастическую выдержку и самообладание, умение в самый ответственный момент найти верное решение. Он взял на изготовку автомат и пошел навстречу офицерам:

– Прошу остановиться, господа офицеры! – потребовал Кузнецов. – Я из гестапо. – В подтверждение своих слов он показал на бляху, которая давала ее обладателю большие полномочия. – Мы преследовали и только что схватили партизана, одетого в нашу военную форму. Вы находитесь в зоне, где совершен террористический акт. Прошу вас предъявить документы!

Те дали документы. Гестаповцу они не могли не подчиниться. Кузнецов долго рассматривал их удостоверения, записал в свою книжку их фамилии.

– Вы трое можете идти, а вас, господин Гранау, – обратился он к четвертому, – прошу вместе с нами проехать в гестапо.

По документу Кузнецов увидел, что гауптман Гранау был личным шофером рейхскомиссара Эриха Коха. «Пригодится», – подумал он.

Когда Гранау подошел вместе с Кузнецовым к машине, Каминский и Стефаньский по знаку Николая Ивановича быстро втолкнули его в машину и обезоружили.

«Адлер», который вмещал только пять человек, повез восьмерых. Он промчался по пустынным улицам на большой скорости, выехал за город и через час оказался в надежном убежище – на хуторе Валентина Тайхмана, что недалеко от деревни Новый Двор.

Похищение генерала фон Ильгена стало центральным эпизодом известного советского кинофильма «Подвиг разведчика», который обошел экраны многих стран мира.

В течение ночи Кузнецов допрашивал фон Ильгена и Гранау. Они дали сведения, которые представляли большую ценность для советского командования.

Как же отразилось похищение фон Ильгена на судьбе Лидии Лисовской и Майи Микоты? По решению руководства абвера в Ровно они были арестованы. Но, заранее предвидя такое развитие событий, сестры запаслись «доказательствами» своей невиновности. В этом им особенно эффективно помог фон Ортель, в то время еще находившийся в городе. Проявив полное безразличие к судьбе генерала фон Ильгена, он заявил, что 15 ноября после полудня якобы находился в обществе Лидии и Майи. В свою очередь, руководство ровенского гестапо также встало на защиту своих «сотрудниц», и абверу пришлось освободить Лидию и Майю.

К концу 1943 года Лидия и Майя отошли от активного участия в событиях в Ровно, так как изменилось и их собственное положение и обстановка в городе. В частности, по соображениям безопасности им пришлось временно прекратить свое сотрудничество с Кузнецовым. Сестры вновь активно включились в разведывательную деятельность накануне освобождения Ровно частями Красной Армии. Но к тому времени они уже находились на нелегальном положении. И Лидия и Майя дождались освобождения Ровно.

Их вклад в борьбу против фашизма получил высокую оценку. Они были награждены орденами Отечественной войны первой степени.

К сожалению, 26 октября 1944 года они были предательски убиты из засады националистами-бандеровцами, скрывавшимися в лесах Западной Украины.

* * *

Когда Кузнецов и его группа прибыли на хутор Валентина Тайхмана, там в это время находился врач Альберт Цессарский. После допроса генерала фон Ильгена между Кузнецовым и Цессарским состоялся разговор, о котором последний пишет в своих мемуарах «Записки партизанского врача».

> «За полтора года нашего знакомства у меня еще не было с Кузнецовым такого обстоятельного разговора, – пишет Цессарский. – Никогда еще при мне Кузнецов не говорил так много и так взволнованно. Я не запомнил всех деталей нашей беседы, во время которой этот, в общем-то, неразговорчивый человек раскрыл мне свою душу. Но помню, что он говорил о своем родном Урале, о родных, о девушке, которую любил.

Потом он надолго задумался и вдруг произнес твердо и ясно, словно вывод или закон:

– Война – бесчеловечное дело, доктор. Она калечит людские души, в том числе и в разведке. – Он ударил себя кулаком в грудь, словно хотел что-то добавить, вздохнул тяжело и отвернулся».

Убит председатель

После похищения генерала фон Ильгена среди немцев и их прислужников поднялась настоящая паника. Все дороги из Ровно были перекрыты тройным кольцом охраны. В городе начались обыски, продолжавшиеся много дней.

Остается загадкой, каким образом Кузнецову, Струтинскому, Стефаньскому и Каминскому уже утром 16 ноября удалось пробраться обратно в город. Ведь ночью Кузнецов допрашивал фон Ильгена, затем долго беседовал с Цессарским, – эти факты убедительно доказаны. Но также достоверно известно, что около 9 часов утра 16 ноября Кузнецов застрелил Альфреда Функа в его собственном кабинете. Сенсационные события сменяли друг друга с нарастающей неумолимостью. Гиммлер, чтобы отвести от себя гнев Гитлера, попытался взвалить на абвер ответственность за события в Ровно.

Невзрачный рейхсфюрер с маленькими глазками, скрытыми за стеклами очков, в разговоре с Гитлером выдвинул идею о заговоре против гестапо, который, по его мнению, вдохновлял лично адмирал Канарис, шеф абвера. В этом заговоре, говорил Гиммлер, вероятно, участвуют многие генералы абвера. Они хотят дискредитировать и уничтожить гестапо. Но обвинения, выдвинутые Гиммлером, не показались Гитлеру убедительными. Он считал, что следует говорить о «серии заговоров» немецких генералов, которые направляет кто-то из числа высших руководителей вермахта. Но и он не мог докопаться до имени «врага номер один третьего рейха», как назвал неизвестного мстителя обергруппенфюрер Мюллер.

Эрих Кох выступил в печати со статьей о Функе, в которой стенания перемежались с угрозами. Он всячески подчеркивал важность поста председателя суда на Украине, который занимал Функ.

О ликвидации Функа писали на первых полосах газеты Англии, США и других стран антигитлеровской коалиции.

Оберфюрер Альфред – Функ пользовался у Гитлера доверием. Он удостоил его высшей партийной награды-золотого нацистского значка и поручил ряд важных постов. Функ был председателем немецкого верховного суда на Украине, председателем верховного суда Пруссии, главным судьей штурмовых отрядов СС «Остланд». До перевода на Украину Функ был председателем немецкого суда в оккупированной Чехословакии.

Главной обязанностью Функа на всех этих постах было

уничтожение в «узаконенной» форме сотен тысяч русских, украинцев, белорусов, поляков, чехов, словаков, евреев. Так, после убийства Геля и Кнута Функ издавал распоряжения о расстреле заключенных, находившихся в ровенской тюрьме.

Немецкий верховный суд располагался в здании на Парадной площади. Каким же образом было осуществлено покушение на Функа, которое благодаря храбрости Кузнецова породило самые фантастичные предположения в мировой печати?

Ким Закалюк приводит в своих воспоминаниях содержание беседы с одним разведчиком, который слышал рассказ Кузнецова о его покушении на Функа на «зеленом маяке» под Ровно.

По словам этого разведчика, операцию против Функа Кузнецов готовил тщательно. В частности, Николай Струтинский внимательно изучил транспортную обстановку на площади, заранее выбрал место для стоянки автомобиля. Ян Каминский обследовал подходы к парикмахерской, расположенной напротив здания суда. Здесь Функ имел обыкновение бриться по утрам перед работой. Функ и не догадывался, что его парикмахер, тихий и незаметный Ян Анчак, был майором в польской армии и что Ян Каминский привлек его к сотрудничеству с советской разведкой. Сам Николай Иванович дважды заходил в помещение суда и, пользуясь своим гестаповским жетоном, внимательно все осмотрел.

Вечерами отважные разведчики обсуждали различные варианты покушения. Темпераментный Каминский торопил Кузнецова быстрее расправиться с Функом. Он считал, что покушение надо осуществить в парикмахерской. Струтинский предлагал повторить «вариант Геля» и ликвидировать председателя суда на улице, когда он выйдет из парикмахерской.

Но Кузнецов отклонил их предложения. План Каминского, считал он, был чреват опасностью для жизней парикмахера и членов его семьи. «На такие жертвы мы не можем пойти», – сказал Кузнецов. Вариант Струтинского был в принципе приемлем, но Кузнецов хотел казнить такого людоеда, как Функ, в его собственном логове, там, где он творил свои кровавые дела. Кузнецов вкладывал в свой замысел вполне определенный символический смысл. Предложение Кузнецова и было одобрено.

Утром 16 ноября, в половине девятого, черный «опель» (Струтинский опять сменил автомобиль) остановился на улице в пятидесяти метрах от здания суда. Струтинский остался в машине, а Кузнецов и Каминский пересекли Парадную площадь и разошлись в разные стороны. Все трое были в немецкой военной форме.

– Что вы чувствовали и о чем думали в те минуты? – спросил

Кузнецова доктор Цессарский вечером того же дня на базе на «зеленом маяке».

На лбу Кузнецова собрались морщины.

– Чувствовал себя, наверное, как Пьер Безухов из «Войны и мира» Толстого, когда он блуждал по горевшей Москве с пистолетом под полой в надежде встретить Наполеона и убить его. Это было чувство человека, который проникся общей бедой и хочет отомстить за нее лично. Помните это место в романе: «Да, один за всех, я должен совершить или погибнуть!» Однако акт мести у Пьера трудно отличим от самоубийства или жертвоприношения. Своим поступком он как бы хотел сказать: «Ну и что! Хватайте меня, казните!» Поэтому слабость и сомнения и одолели его в решающую минуту, читаем в книге К. П. Закалюка «Грачев – Центру». Кузнецов вдруг смутился и сказал, что увлекся не очень удачными сравнениями. Исторические параллели вообще дело рискованное и условное, заметил он.

«Различными были объекты отмщения у Пьера Безухова и Грачева, – пишет К. П. Закалюк. – Наполеон действительно был оккупантом, но в то же время в глазах российской молодежи он имел ореол романтичного героя, овеянного мировой славой». А о какой романтике можно было говорить применительно к палачам типа Гитлера и Функа?

– К таким кровожадным людоедам мы питали лишь отвращение, – вернулся Кузнецов к своим мыслям. – Нет! Готовясь уничтожить Функа, никто из нас не считал, что мы жертвы.

Как же развивалась операция по ликвидации Функа?

Кузнецов знал, что Функ придет через пятнадцать минут. Он вошел в здание суда и направился к секретарше Функа. Поздоровавшись, он кратко изложил ей причину своего визита:

– Хочу попросить господина председателя восстановить справедливость. Случай, правда, незначительный, но он касается одного нашего сотрудника, – Кузнецов показал свой гестаповский жетон, – который стал жертвой клеветы.

Разговаривая с полной черноокой берлинкой, Кузнецов поглядывал сквозь окно на улицу, где прохаживался Ян Каминский.

А Каминский, в свою очередь, наблюдал за шторами на окне парикмахерской. Ян Анчак за две-три минуты до выхода Функа из салона подвинул штору. По этому сигналу Каминский снял фуражку и почесал затылок. Этот знак он должен был повторить, когда Функ выйдет из парикмахерской на улицу.

Тем временем Кузнецов занимал секретаршу разговором. Заметив, что Каминский подает условный сигнал, он обратился к

секретарше с просьбой:

– Фрейлейн, осмелюсь попросить стакан чая, если, конечно, он в этом доме водится. Что-то замерз очень и простыл, – Кузнецов закашлялся.

– Одну минутку, господин гауптман, сейчас принесу.

Когда секретарша вернулась, в приемной никого не было. Она недоуменно повела плечами и села за стол на свое обычное место. В это время появился Функ. Он был один без сопровождения. Бросив румяной секретарше «Гутен морген», Функ проследовал в кабинет.

Спустя несколько секунд из кабинета прозвучали два выстрела. Напуганная секретарша вскочила со стула. Она буквально оцепенела от страха, видя, как из кабинета Функа вышел гауптман и, не обращая на нее внимания, проследовал через приемную.

На площади перед зданием суда стояло несколько машин с заключенными. Под надзором гестаповцев заключенных препровождали в помещение суда. Заслышав выстрелы из окон здания, все остановились.

Кузнецов, выйдя из здания суда, смешался с гестаповцами, все еще не понявшими, что произошло, а затем вынул карманные часы, озабоченно покачал головой и с деловым видом направился вдоль здания.

– Председателя убили! Председателя убили! – догнал Кузнецова истеричный женский голос.

Кузнецов энергичным шагом дошел до угла здания, обогнул его и, перемахнув через невысокую ограду, оказался на улице, где его ждала машина.

– Коля, газ! – сказал он Струтинскому, закрывая дверцу.

А Каминский остался на площади, наблюдая из укромного места за происходящим. Гестаповцы и жандармы буквально потеряли голову. Они носились взад-вперед по площади, окружили здание плотной цепью, рыскали по чердакам и крышам. Из помещения суда вывели около тридцати человек, в том числе нескольких офицеров, и увезли в гестапо.

В городе с новой силой возобновились обыски и проверки. На улице Коперника какой-то лейтенант выстрелил в унтер-офицера – гестаповца, который пытался его задержать, усомнившись в подлинности предъявленных ему документов. Любопытно, что на сей раз патрули не обращали особого внимания на местных жителей. Документы проверялись главным образом у лиц в военной форме. Сотни людей были арестованы. Было издано распоряжение, запрещающее носить чемоданы, узлы, мешки и закрытые сумки, запрещалось ходить по улице, сунув руки в

карманы. По городу разъезжали машины с громкоговорителями. Население оповещалось о новых распоряжениях оккупационных властей.

Когда Кузнецов и Струтинский на большой скорости промчались через контрольно-пропускной пункт на выезде из Ровно, ошарашенные патрульные едва успели поднять руки, чтобы отдать честь, – на таких машинах и с такой скоростью ездили лишь самые высокие чины вермахта.

На запад

В ноябре 1943 года Красная Армия освободила Киев. Советские войска устремились на запад. Вермахт ввел в действие все, чем располагал, но главную надежду немецко-фашистское командование возлагало на карпатский бастион, где планировалось остановить Красную Армию в ожидании «тайного немецкого оружия, которое решит исход войны». Так, во всяком случае, утверждал Геббельс, выступая по берлинскому радио.

От Ровно до Киева пятьсот километров. Взятие Киеза советскими войсками вызвало в Ровно панику. Семьи немецких офицеров и служащих ни о чем больше не помышляли, как об эвакуации в Германию. Все спешили на запад. Поезда были переполнены, железнодорожный вокзал в Ровно был забит пассажирами, ожидавшими своей очереди. Чтобы остановить поток бегущих из города и навести элементарный порядок, вокзал окружили плотным кольцом жандармов.

Параллельно с похищением фон Ильгена и ликвидацией Функа командование отряда готовило еще один удар по оккупантам – взрыв ровенского железнодорожного вокзала. Осуществить его поручили разведчику Михаилу Шевчуку, в помощь которому были приданы подпольщики Василий Борисов, Павел Серов и Петр Будник. Им удалось заложить в здание вокзала мощную мину с часовым механизмом, которая взорвалась глубокой ночью. Рухнувший потолок зала первого класса похоронил под своими обломками свыше двадцати офицеров, в основном старших – от майора и выше, еще около 130 фашистских офицеров были ранены. Взрыв вызвал панику и спонтанную стрельбу. Солдаты с подошедшего эшелона, полагая, что на вокзале засели партизаны, открыли по нему огонь.

Вместе с отступавшими немцами двинулся на запад и отряд «Победители». Кузнецов попросил разрешения отправиться во Львов самостоятельно, на свой страх и риск, зная, что там у него не будет надежных связей и убежищ. Но этого требовали интересы дела – Львов неожиданно стал местом пребывания немецких штабов и учреждений, эвакуировавшихся из Ровно, Киева и других городов, освобожденных Красной Армией.

Гауптман Зиберт отправился во Львов вместе с «торговцем» Яном Каминским и новым шофером Иваном Беловым, который по документам числился как Иван Власовец, солдат оккупационных военно-дорожных войск.

На пути во Львов Кузнецов сделал остановку в Луцке, где группа связанных с отрядом польских патриотов под

командованием Вицента Окорского приготовила для него новый автомобиль, ранее принадлежавший местному гебитскомиссару.

18 января Кузнецов и двое его боевых товарищей отправились на этом «фиате» дальше – на Львов.

«Накануне в селе Германувка, фактически на окраине Луцка, – вспоминает А. Лукин, – я в последний раз виделся с Николаем Ивановичем Кузнецовым. Встреча проходила в старом заброшенном сарае на краю села… Со мной были Альберт Цессарский, Владимир Ступин, мой адъютант Сергей Рощин и несколько бойцов… Мы провели там часа два: уточнили задание, обсудили некоторые детали. Теперь мне оставалось только продлить документы Зиберта и передать ему деньги. Цессарский на немецкой машинке печатал на бланках соответствующие тексты, а я расписывался за нужных начальников и прикладывал ту или иную печать из своей походной канцелярии…

Подошло время расставаться. Мы обнялись, расцеловались, и вот уже Николай Иванович, чуть пригнувшись у низкой двери, первым выходит во двор».

* * *

В начале января 1944 года группа Кузнецова прибыла в Ламберг, как немцы называли древний украинский город Львов, воздвигнутый на холмистой местности восточнее Карпат, на водоразделе рек Буга и Днестра. Здесь перекрещиваются важные железнодорожные линии, ведущие на Москву, в Белоруссию, на Черное море, в Польшу, Чехословакию, Венгрию и Румынию.

Немцы рассматривали Львов как важный военно-стратегический объект. Поэтому выбор Кузнецова не был случайным. Выдающийся разведчик будет собирать здесь важные сведения военно-политического характера и наводить страх на деятелей из числа нацистской верхушки «Округа Галиция». До окончания войны оставалось еще почти полтора года, а геббельсовская пропаганда уже пустила в обращение лозунг о «защите Европы от большевизма».

Сведения о непродолжительном пребывании Кузнецова во Львове весьма скупы и противоречивы. Тем не менее некоторые эпизоды его работы во Львове установлены достаточно точно.

В январе 1944 года по Правобережной Украине неудержимо катилась лавина советских войск, насчитывавших 2 миллиона 365 тысяч бойцов, около 30 тысяч орудий и минометов, 2037 танков и 2367 самолетов. Им противостояли немецкие группы армий «Юг» и «А», имевшие 1 миллион 760 тысяч солдат и офицеров, око-до

17 тысяч орудий и минометов, 2200 танков и около 1500 самолетов. В ходе Корсунь-Шевченковской операции было окружено десять немецких дивизий, которые пытались воспрепятствовать соединению войск 1-го и 2-го Украинских фронтов Красной Армии.

Командующий войсками окруженной группировки генерал Штеммерман получил от Гитлера телеграмму следующего содержания: «Можете рассчитывать на меня как на каменную стену. Вы будете вызволены из котла. А до тех пор держитесь до последнего патрона».

Командование окруженной группировки, следуя указаниям Гитлера, отклонило ультиматум о капитуляции и предприняло несколько попыток вырваться из котла.

К 17 февраля немецко-фашистские войска на корсунь-шевченковском выступе были разгромлены. 55 тысяч немецких солдат и офицеров было убито, остальные взяты в плен.

Красная Армия стремительно освобождала город за городом: Житомир, Кировоград, Ровно, Луцк, Кривой Рог…

А Гитлер готовил новый оборонительный бастион на Карпатах. На одном из совещаний в феврале 1944 года он заявил: «Весна будет союзником немецкому солдату, а не русскому».

Командование немецко-фашистской армии прилагало отчаянные усилия, стремясь поднять боеспособность войск. Лихорадочно работала промышленность фашистской Германии, развертывая производство новых видов оружия и боевой техники. Это требовало от советской разведки новых усилий по вскрытию планов противника, проведения широкомасштабных мер по деморализации тыла фашистской армии.

6 января 1944 года Медведев направил во Львов группу во главе с Борисом Крутиковым, насчитывавшую 21 человека. Разведчики были снабжены документами и обмундированы как оуновцы. Перед группой была поставлена задача усилить ведение разведки во Львове и его окрестностях, подготовить конспиративные квартиры.

Среди бойцов группы находился Борис Петрович Харитонов, военный переводчик, который 22 июня 1941 года, будучи раненным, попал в плен, но затем из концлагеря бежал и в 1943 году присоединился к отряду «Победители». Он был родом из Львова и хорошо знал город и окрестности.

«Я шел по Академической улице и вдруг увидел Грачева, – пишет в своем дневнике Борис Харитонов. – У меня перехватило дыхание. Грачев стоял у автомобиля, припаркованного к обочине тротуара. Он был одет в длинную серо-зеленую шинель, на голове у него была фуражка, низко надвинутая на лоб. Я едва не

вскрикнул от радости и не бросился к нему. Наши взгляды встретились. В первое мгновение в глазах Грачева тоже мелькнула радость, но она сразу же исчезла, уступив место холодному безразличию. Секунду-вторую он смотрел мне в глаза, словно хотел что-то сказать. Потом перевел взгляд за мою спину, и я подумал, что он заметил что-нибудь подозрительное. Видимо, его интересовало, не тащу ли я за собой «хвост».

До сих пор не могу объяснить, почему Грачев меня не остановил, почему не сказал мне ни слова».

Первого февраля по Львову распространилась весть о том, что какой-то немецкий офицер убил Ганса Петерса, начальника штаба авиационного полка.

Гауптштурмфюрер СС Петер Крестиан Краузе, начальник Львовского отделения гестапо, направил в тот день следующее донесение генералу Мюллеру в Берлин:

> «В Ламберге 31.01. 1944 года около 17-ти часов 20-ти минут в здании люфтваффе на Валовенштрассе, 11/А убиты подполковник Ганс Петерс и ефрейтор Зайдель.
>
> Около 17-ти часов указанного дня неизвестное лицо в форме гауптмана, не имея разрешения, прибыло в здание люфтваффе.
>
> Ефрейтор Зайдель проводил гауптмана к подполковнику Петерсу. В кабинете гауптман тремя выстрелами убил Петерса и Зайдля, после чего незаметно исчез.
>
> На месте убийства обнаружены три гильзы от патронов калибром 7,65 миллиметра.
>
> Полевая жандармерия при комендатуре г. Ламберта, № 365».

В группе Крутикова находились разведчики Василий Дроздов и Приступа. После освобождения Львова Дроздов рассказывал Харитонову, что в середине февраля 1944 года он встречался с Кузнецовым (Грачевым) в лесу под Львовом.

«Мы с Приступой, – говорил Дроздов Харитонову, – несколько дней блуждали по лесу и наткнулись на группу евреев, которые скрывались от фашистов в землянках в глухом овраге в лесу. Мы решили остановиться у них на несколько дней, чтобы отдохнуть и отоспаться. К несчастью, мы здесь заболели тифом.

Именно в это время к нам пришли Грачев, Каминский и Белов.

Грачев рассказал, что он, Каминский и Белов до Львова добрались благополучно и расположились у родственника Каминского. Грачев сказал, что однажды он встретил на улице

Харитонова и на этом основании решил, что группа Крутикова уже действует в городе. Вступать в контакт с группой Крутикова, объяснил Грачев, у него не было необходимости, так как он полагал, что вскоре вблизи Львова появится весь отряд Медведева.

Во Львове Кузнецов совершил несколько актов возмездия. Так, утром 9 февраля он ликвидировал двух немецких генералов, после чего он и его товарищи несколько дней не появлялись на улице, скрываясь у родственника Каминского. Их машина стояла в сарае. Адрес дома, где они скрывались, Кузнецов не упоминал». Так пишет Харитонов об этом периоде жизни Кузнецова.

Кузнецов сообщил Дроздову и Приступе, что, как ему стало известно из немецких источников, большой отряд советских партизан шел ко Львову с севера, но после столкновения с немцами был вынужден повернуть назад. По этой причине Кузнецов решил оставить Львов и пробираться к линии фронта, чтобы уйти к своим.

Что же происходило тем временем во Львове, как действовал там гауптман Пауль Зиберт?

Во Львове

Во Львове проводилось совещание руководящих работников гарнизона. На совещании должен был председательствовать вице-губернатор доктор Отто Бауэр, глава правительства «Округа Галиция».

Гауптману Зиберту удалось пройти на совещание, которое проводилось в помещении оперного театра. Зиберт внимательно прослушал выступления докладчиков, хорошо изучил приметы Бауэра и покинул зал незадолго до закрытия совещания.

Доктор Бауэр вышел из помещения оперного театра вместе с полковником Шнайдером и заведующим протокольным отделом своего «правительства». Зиберт подождал, пока они сядут в «мерседес», и последовал за ними на своем сером «фиате», чтобы выяснить, где проживал вице-губернатор.

На следующий день в 7 часов 45 минут утра на Лайтенштрассе, 11-А остановился автомобиль. Точнее говоря, он припарковался перед зданием музея великого украинского писателя Ивана Франко, напротив которого находилась резиденция Бауэра. Вице-губернатор должен был появиться с минуты на минуту. Это было заметно и по поведению часового, стоявшего у входа в резиденцию.

По установившейся для таких ситуаций практике, Белов вышел из машины и начал копаться в моторе, а Пауль Зиберт расхаживал рядом, демонстрируя всем своим видом, что он недоволен непредвиденной задержкой.

Все внимание Зиберта было обращено на противоположную сторону улицы, на виллу вице-губернатора, около которой уже стоял черный лимузин.

Бауэр, как и другие немецкие генералы до него, был предельно пунктуален. Ровно в 8 часов из подъезда виллы вышли два человека и направились к машине.

– Вы радио слушали сегодня утром? – спросил генерал своего сопровождающего. – Фюрер заявил, что предстоящая весна будет последцей для большевиков и их союзников. И те и другие исчерпали все свои ресурсы. Задача состоит в том, чтобы выстоять до апреля, а там…

– Пожалуйста, герр генерал! – шофер услужливо распахнул заднюю дверцу лимузина.

В это же время к «мерседесу» подошел Кузнецов. Отдав генералу честь, он, чтобы не повторять прошлых ошибок, решительно спросил:

– Вы генерал Бауэр?

– Да, я Бауэр, – ответил удивленный генерал и непроизвольно поправил фуражку.

– Вас мне только и не хватало! – хладнокровно продолжал Кузнецов.

– Что вы себе позволяете? – повысил голос генерал и повернулся к сопровождавшему его полковнику в поисках защиты и помощи.

Но Кузнецов опередил немцев. Он быстро вынул из кармана шинели пистолет и изрешетил генерала, полковника и шофера. В это время Каминский и Белов уничтожили часового. Через полминуты все трое мчались в «фиате» по улицам Львова.

Картину казни случайно наблюдала Софья Доминиковна Дутко, смотритель музея Ивана Франко. Ее рассказ приводит в своем дневнике Борис Харитонов. «Дело было утром. Я собирала сына в школу. Занятия там начинались в восемь часов. Напоив мальчика чаем, я пошла проводить его до ворот.

На противоположной стороне улицы перед домом, в котором жил вице-губернатор Бауэр, стоял большой черный автомобиль. Около машины стоял шофер. Это был тот самый автомобиль, который приезжает за Бауэром каждое утро.

В это время слева подъехал еще один автомобиль, небольшой, серого цвета, и остановился около ворот ограды музея. Из машины вышли двое, в том числе высокий стройный офицер.

Когда из виллы показались Бауэр и еще один немец, который также жил там, офицер направился через улицу им навстречу. Он остановил Бауэра и, кажется, спросил его о чем-то. Генерал что-то ему сказал, а потом стал снимать с руки перчатку. В это время офицер выхватил из кармана пистолет и стал стрелять. Оба немца упали на мостовую. Выстрелов я не слышала, так как из серого автомобиля застрочили из автомата по часовому и шоферу.

Офицер, который стрелял, подбежал к серому автомобилю, вскочил в открытую дверцу, автомобиль рванулся с места на большой скорости и через несколько секунд исчез за поворотом.

Из здания, в котором проживал губернатор Вехтер, выскочили эсэсовцы и забегали по улице. Я схватила сына за руку и втащила его во двор. Улица была блокирована. Опасаясь, как бы сын кому не проболтался о том, что видел, я в этот же вечер отвезла сына в деревню к родственникам».

Через два дня в газетах оккупантов, выходивших во Львове на немецком и украинских языках, появилось сообщение о гибели «великого сына Германии генерала Отто Бауэра». В некрологе, подписанном генералом Вехтером, говорилось:

«9 февраля 1944 года вице-губернатор доктор Отто Бауэр, шеф правительства дистрикта «Галиция» пал жертвой большевистского нападения. Вместе с ним погиб его ближайший сотрудник, начальник канцелярии президиума губернаторства ландгерихтерат доктор Гейнрих Шнайдер. Они погибли за фюрера и империю».

Сообщение (и комментарии) о гибели Отто Бауэра были опубликованы в газетах Москвы, Лондона, Нью-Йорка, Стокгольма и многих других городов мира.

Гауптштурмфюрер Петер Краузе докладывал в Берлин о том, что какой-то неизвестный 9.2. 1944 года около 7 часов 45 минут совершил покушение на доктора Бауэра и доктора Шнайдера. Имеются основания предполагать, писал он, что речь идет о том самом человеке, который повинен в гибели многих других высокопоставленных деятелей третьего рейха.

Начальник гестапо во Львове Петер Краузе попал в советский плен в последний день войны – 9 мая 1945 года. На судебном процессе во Львове в 1948 году Петер Краузе с кислой миной на лице признал:

– Да, много несчастий принес нам Пауль Зиберт. Анализируя факты, эксперты пришли к выводу, что покушения во Львове были логическим продолжением аналогичных акций в Ровно. В связи с этим во все районы Галиции было направлено срочное предупреждение любой ценой захватить экзекутора, живым или мертвым. За него была установлена награда в 25 тысяч марок.

В свое время штурмбанфюрер СС фон Ортель, опытный разведчик крупного калибра, как-то говорил Зиберху:

– Ты слышал, Пауль, что в городе появился большевистский агент? Он действует под маской немецкого офицера. Как ариец, как член гитлеровской партии я его ненавижу, так как он служит коммунистам. Но как разведчик я снимаю перед ним шляпу, удивляюсь ему. Какая же хитрая бестия! Какая сила воли! Именно таким и должен быть настоящий разведчик: чтобы средь, бела дня, в центре города, уничтожать одного, второго, третьего… генерала и неуловимо исчезать от преследователей. Да, не зря Цицерон говорил, что мало быть мудрым, надо еще уметь пользоваться мудростью. Так-то, мой дорогой Зиберт!

Смерть легендарного разведчика

Все дороги из Львова были блокированы, и до сих пор не ясно, каким образом Кузнецову, Каминскому и Белову удалось утром 12 февраля выехать из города на автомобиле. Они направились в сторону Злочева.

На семнадцатом километре от Львова в деревне Куровици находился пост полевой жандармерии. Здесь же дислоцировалось подразделение эсэсовцев, охранявших мост. Белов еще издали заметил, что шлагбаум перед въездом на мост опущен и что дежурный гестаповец сигналит красным флажком, требуя остановиться.

Белов остановил машину таким образом, чтобы можно было, в случае необходимости, поехать в объезд, по запасному пути, построенному, видимо, во время ремонтных работ на мосту.

Навстречу им шел майор, что само по себе настораживало, так как обычно на таких постах дежурили младшие офицеры.

– Майор Кантер, – представился подошедший, – прошу предъявить документы!

Он долго изучал документы гауптмана Пауля Зиберта, время от времени бросая взгляд на его спутников.

Кузнецов инстинктивно почувствовал, что им грозит серьезная опасность.

– Герр гауптман, есть ли у вас какие-либо другие документы? – в голосе майора появились нотки недоверия.

Кузнецов вынул из кармана гестаповский жетон и энергичным движением руки протянул его майору. – Этот документ, надеюсь, вас устроит?

– К сожалению, нет, – извиняющимся тоном произнес майор и пояснил: – На вашем путевом листе нет отметки городской комендатуры о разрешении на выезд из Ламберга.

Кузнецову стало ясно, что майор в курсе покушения на Бауэра и Шнайдера.

– Герр майор, есть ли у вас телефонная связь с городом? – спросил он спокойно. – Я хотел бы переговорить с комендатурой гестапо в Ламберге… С доктором Витеским или даже с гауптштурмфюрером Краузе… Они ответят на интересующие вас вопросы.

– Прошу вас пройти в караульное помещение, там мы все выясним. После этого мы выдадим вам пропуск в прифронтовую зону, – ответил майор Кантер. Ему, видимо, уже было ясно, с кем он имеет дело.

Кузнецов понимал, что надо действовать быстро

и(решительно. В это время к караульному помещению подъехала повозка, с которой сошли офицер, ефрейтор и двое солдат.

– Тогда посмотрите вот это! – хладнокровно произнес Кузнецов, вытаскивая из кармана пистолет и не целясь, сквозь открытую дверцу автомобиля, выпустил пол-обоймы в грудь майора. Одновременно Каминский очередью из автомата скосил четверку жандармов, а Белов дал газ и направил машину в объезд моста.

Выскочив на шоссе, Каминский включил максимальную скорость. Со стороны моста застрочил пулемет, но пули пролетали мимо. Вскоре, однако, вдали показались мотоциклисты. Постепенно они настигали автомобиль разведчиков. В это время Каминский обнаружил, что кончается бензин, еще километр-другой, и мотор заглохнет. Времени наполнить бак из запасной канистры у разведчиков не было.

– Сворачивай в низину, – распорядился Кузнецов, – уходим в лес.

За первым же поворотом Каминский свернул с шоссе на проселочную дорогу, которая сначала шла по лугу, а затем скрывалась в лесу. Немцы не заметили маневра разведчиков и проскочили вперед по шоссе. Когда они обнаружили свою ошибку, догонять партизан было уже поздно. На землю быстро опускались сумерки. А немцы и днем-то не очень охотно ступали в лес.

Разведчики долго блуждали по лесу, пока не наткнулись на одного старого еврея, одетого в лохмотья. Его лицо заросло густой седой бородой. Он очень испугался, встретив в лесу людей в немецкой военной форме, и долго не мог понять, что перед ним соотечественники, а не фашисты. Наконец, поверив словам Кузнецова, он отвел их в землянку, в которой жило несколько человек.

Именно здесь разведчики встретились со своими товарищами из отряда «Победители» Дроздовым и Приступой, входившими в группу Крутикова. Но к тому времени Дроздов и Приступа уже заболели тифом.

Кузнецов имел при себе важные документы, которые он намеревался передать командованию Красной Армии, перейдя линию фронта. О некоторых эпизодах своей деятельности во Львове Кузнецов рассказал Дроздову и Приступе.

Кузнецов спешил перейти линию фронта и не стал задерживаться в землянке. Вместе со своими товарищами он пошел на юго-восток. С того момента никто из отряда Медведева больше не видел этих героев.

До сих пор нет точных данных о том, как погиб Николай Иванович Кузнецов, но известно, что он принял смерть вместе со своими боевыми соратниками Яном Каминским и Иваном Беловым. Известно также, что он погиб, как и жил, – как герой!

Майор полевой жандармерии Кантер оказался в Куровицах не случайно. У него было задание искать гауптмана Зиберта и его группу.

Вскоре после освобождения Львова, пишет Т. Гладков в книге, посвященной командиру отряда «Победители» Дмитрию Николаевичу Медведеву, в этот город выехала группа ответственных работников Центра, в том числе и Д. Н. Медведев.

Во Львове Медведев собрал воедино все свидетельства о последнем периоде жизни Николая Кузнецова. В ворохе бумаг, захваченных у противника, Медведев нашел документы, от которых учащенно забилось, а потом оборвалось сердце… В них говорилось, что в первых числах марта 1944 года при столкновении с подразделением местных националистов погиб советский разведчик, одетый в форму немецкого офицера, с документами на имя Пауля Зиберта, и два его спутника.

Тогда же чекисты приступили к выяснению обстоятельств гибели Николая Кузнецова, Яна Каминского и Ивана Белова.

После длительных поисков было установлено, что Кузнецов погиб в селе Боратин Бродовского района Львовской области.

Посмертные останки Кузнецова, безусловно самого крупного разведчика периода второй мировой войны, были перенесены во Львов и захоронены на Холме Славы, где герою воздвигнут памятник.

О Герое Советского Союза Николае Ивановиче Кузнецове опубликованы книги во многих странах мира. Его подвиги изучают ученые, на примере его жизни воспитывают молодежь, образ Кузнецова вдохновляет художников и писателей на новые произведения.

Мало кому из разведчиков воздвигают памятники. А личности и подвигам Николая Кузнецова посвятили свои произведения многие известные во всем мире скульпторы, писатели, художники, музыканты.

В интервью одной парижской газете известный французский физик, академик Жолио Кюри сказал: «Если бы меня спросили, кого я считаю самой сильной и привлекательной личностью среди плеяды борцов против фашизма, я бы без колебаний ответил: Николая Ивановича Кузнецова, великого гуманиста,

уничтожавшего тех, кто хотел уничтожить человечество».

Легендарного разведчика высоко ценил первооткрыватель космоса Юрий Гагарин. Он говорил: «Облик народного мстителя Николая Кузнецова всегда был для меня примером безграничного служения своему народу и своей родине, человечеству и прогрессу».

Соратница Кузнецова Валентина Довгер пишет о том, что однажды, когда партизаны сидели вокруг костра в лесу, Кузнецов сказал:

– Если после войны станем рассказывать о всем том, что делаем теперь, нам будут верить с трудом. Да и сам я не поверил бы, если бы лично во всем этом не участвовал.

На Холм Славы во Львове приезжают люди со всего света поклониться памяти скромного человека с упала человека, который ценой собственной жизни вписал незабываемые страницы в летопись борьбы сил света и тьмы.

notes

Примечания

1

[i] Бранко Китанович – югославский писатель, публицист, переводчик, автор ряда книг о важнейших операциях Красной Армии в годы Великой Отечественной войны. Им переведено на сербско-хорватский язык свыше сорока произведений русской и советской литературы и публицистики. Книга Б. Китановича «Планета и цивилизация в опасности» вышла в СССР в 1985 г. в переводах на русский и литовский языки. – *Прим. пер*

2

[ii] Вермахт – вооруженные силы фашистской Германии в 1935–1945 гг. Созданы на базе рейхсвера по закону от 16 марта 1935 г. – *Прим. пер.*

3

[iii] Эту медаль немецкие солдаты в обиходе называли «мороженое мясо». – *Прим. авт.*

4

[iv] Рейхскомиссариат «Украина» делился на шесть генеральных округов. Город Ровно являлся одновременно и центром генерального округа «Волынь». – *Прим. ред.*

5

[v] В советской литературе о войне руководящие органы разведки и контрразведки обычно именуются термином Центр. – *Прим. авт.*

[vi] Ныне Рижский вокзал. – *Прим. пер.*

[vii] Квислинг – организатор фашистской партии в Норвегии. Содействовал захвату Норвегии фашистской Германией. Его имя стало нарицательным для предателей своего народа. – *Прим. пер.*

8

[viii] Большинству улиц города оккупанты дали немецкие названия. – *Прим. авт.*

[ix] Гауптман – капитан. – *Прим. ред*

10

[x] Фридрих Вильгельм Канарис (1887–1945) – адмирал, начальник управления военной разведки и контрразведки (абвера) гитлеровской Германии. За участие в 1944 г. в заговоре против Гитлера был казнен. – *Прим. пер.*

11

[xi] «Дубовые листья» – высшая воинская награда в немецко-фашистской армии. – *Прим. авт.*

12

[xii] Аушвиц (на польском – Освенцим) – крупнейший фашистский концлагерь в годы второй мировой войны. Находился вблизи польского города Кракова. В Аушвице было уничтожено свыше 4 миллионов граждан СССР, Польши, Югославии, Франции, Голландии, Чехословакии, Венгрии, Румынии, Бельгии и других стран. Узники Аушвица были освобождены частями Красной Армии 27 января 1945 г. – *Прим. авт.*

[xiii] Имеется в виду поражение немцев в Курской битве.

[xiv] СД – служба безопасности. – *Прим. пер.*

15

[xv] Господин генерал дома? – *Прим. пер.*

[xvi] Hilfe – на помощь! *(нем.) – Прим. авт.*